

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

ТОМ 6
ВЫПУСК 1

2023

ISSN 2686-7419

**Типология морфосинтаксических параметров
том 6, выпуск 1**

Издаётся с 2018 года

Периодичность издания: 2 выпуска в год

Учредитель:

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Адрес редакции:

Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

Сайт журнала:

<https://tmp.sc/>

Электронная почта:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Свидетельство о регистрации:

ЭЛ № ФС 77-76307 от 19.07.2019

© Авторы, 2023

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2023

Pushkin State Russian Language Institute

T Y P O L O G Y O F M O R P H O S Y N T A C T I C P A R A M E T E R S

VOLUME 6
ISSUE 1

2023

ISSN 2686-7419

Typology of Morphosyntactic Parameters
volume 6, issue 1

First published in 2018

Two issues per year

The founder:

Pushkin State Institute for the Russian Language

Editorial office:

Ac. Volgin Str., 6 (ulitsa Akademika Volgina, 6), Moscow, 117485, Russia

Website:

<https://tmp.sc/index.php/eng>

E-mail:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Mass media registration certificate:

ЭЛ № ФС 77-76307 as of 19.07.2019

© The authors, 2023

© Pushkin State Institute for the Russian Language, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Екатерина Анатольевна Лютикова —

доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](https://orcid.org/0000-0003-4439-0613)

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Заместитель главного редактора

Антон Владимирович Циммерлинг —

доктор филологических наук; главный научный сотрудник Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН, Москва, Россия

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](https://orcid.org/0000-0002-5996-2648)

[Личная страница на сайте ИЯ РАН](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

[Личная страница на Researchgate.net](#)

Ответственный секретарь

Ксения Павловна Семёнова —

специалист, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Редколлегия

Джон Фредерик Бейлин —

Ph.D.; профессор университета Стоуни Брук, Нью-Йорк, США

<https://linguistics.stonybrook.edu/faculty/john.bailyn/>

Олег Игоревич Беляев —

кандидат филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Яцек Виткощ —

Ph.D.; профессор университета г. Познань, Польша

http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos_Jacek

Анастасия Алексеевна Герасимова —

ведущий специалист Лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/Gerasimova/>

Павел Валерьевич Гращенко —

доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/gra-paul/>

Атле Грённ —

Ph.D.; профессор университета г. Осло, Норвегия

<https://www.hf.uio.no/ilos/english/people/aca/atleg/index.html>

Нерея Мадарьяга —

Ph.D.; доцент университета Страны Басков, Витория, Испания

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Владимир Александрович Плунгян —

доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://www.ruslang.ru/publica/plungyan>

Мария Полинская —

Ph.D.; профессор университета Мэриленда и Гарвардского университета, США

<http://www.mariapolinsky.com/>

Андрей Владимирович Сидельцев —

доктор филологических наук; заместитель директора Института языкознания РАН

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

Яков Георгиевич Тестелец —

доктор филологических наук, доцент; профессор учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; ведущий научный сотрудник Отдела кавказских языков Института языкознания РАН, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/Testelets/>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Ekaterina A. Lyutikova —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](https://orcid.org/0000-0003-4439-0613)

[Personal page on Istina.msu.ru](https://istina.msu.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://www.academia.edu)

Deputy chief editor

Anton V. Zimmerling —

Dr. Phil. Hab.; principal research fellow at Pushkin State Russian Language Institute; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language Institute; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](https://orcid.org/0000-0002-5996-2648)

[Personal page on The Institute of Linguistics RAS Website](https://www.ling.ras.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://www.academia.edu)

[Personal page on Researchgate.net](https://www.researchgate.net)

Executive secretary

Xenia P. Semionova —

specialist at the Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russia

[Personal page on Istina.msu.ru](https://istina.msu.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://www.academia.edu)

Editorial staff

John Frederick Bailyn —

Ph.D.; professor at the Stony Brook University, New York, USA

<https://linguistics.stonybrook.edu/faculty/john.bailyn/>

Oleg I. Belyaev —

Ph.D.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Jacek Witkoś —

Ph.D.; professor at the Poznań University, Poland

<http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos Jacek>

Anastasia A. Gerasimova —

leading specialist at the Laboratory for Computational Lexicography, Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/Gerasimova/>

Pavel V. Grashchenkov —

Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/gra-paul/>

Atle Grønn —

Ph.D.; professor at the Oslo University, Norway

<https://www.hf.uio.no/ilos/english/people/aca/atleg/index.html>

Nerea Madariaga —

Ph.D.; professor at the University of the Basque Country, Vitoria, Spain

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Vladimir A. Plungian —

Dr. Phil. Hab., Professor, RAS full member; deputy director of the Vinogradov Russian Language Institute RAS; Head of Section of Linguistic Typology of the Institute of Linguistics RAS; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
<https://www.ruslang.ru/publica/plungyan>

Maria Polinsky —

Ph.D.; professor at the University of Maryland, professor at the Harvard University, USA

<http://www.mariapolinsky.com/>

Andrei V. Sideltsev —

Dr. Phil. Hab.; deputy director of the Institute of Linguistics RAS) Moscow, Russia

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

Yakov G. Testeleets —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Center for Linguistic Typology of the Institute of Linguistics of the Russian State University for the Humanities; leading researcher at the Department of Caucasian Languages of the Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/Testeleets/>

СОДЕРЖАНИЕ

О.И. Беляев

Иноязычные заимствования в осетинском языке
по данным Историко-этимологического словаря В.И. Абаева:
предварительные замечания 13

М.Ю. Князев

Против анализа русских пресуппозициональных клауз
в косвеннообъектной позиции как скрытых номинализаций:
данные выноса..... 27

Э.А. Ожогова

Синтаксис псевдоклефты (кто X, так это Y) в русском языке 70

Е.А. Сведенцова

Старославянское причастие настоящего времени совершенного вида
в функции предшествования. Источники видового несоответствия..... 90

Г.О. Сибилев

Событийная структура морфологического каузатива
в собственно хваршинском..... 112

А.М. Старченко, С.Ю. Толдова

Лично-числовая асимметрия: согласование пассивных миративов
в казымском диалекте хантыйского языка..... 130

CONTENTS

Oleg Belyaev

Loanwords in Ossetic according to V.I. Abaev's Historical Etymological
Dictionary: Preliminary remarks..... 13

Mikhail Knyazev

Against the analysis of Russian presuppositional clauses
in oblique positions as covertly nominalized:
Evidence from extraction 27

Elina Ozhogova

The syntax of pseudoclefts (kto X, tak eto Y) in Russian..... 70

Elena Svedentsova

The Old Slavonic present participles of perfective verbs
with anteriority meaning. Sources of aspect mismatch..... 90

Grigorij Sibilev

The event structure of the morphological causative in Khwarshi Proper... 112

Aleksey Starchenko, Svetlana Toldova

Person-number asymmetry:
Agreement of passive miratives in Kazym Khanty..... 130

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2023.28.99.001

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ ПО ДАННЫМ ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ В.И. АБАЕВА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ*

О.И. Беляев

*МГУ имени М.В. Ломоносова / Институт языкознания РАН /
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина*

Аннотация: В статье предпринимается первая попытка количественного анализа данных о заимствованиях в осетинском языке по материалам Историко-этимологического словаря осетинского языка (ИЭСОЯ) В.И. Абаева. На основании автоматического запроса к электронной базе данных, созданной на основе словаря, были извлечены все словарные статьи, соответствующие значениям из списка WOLD (<https://wold.cld.org/>), в чьих этимологиях говорится о заимствовании. Полученный массив данных был analyzed с точки зрения доли языковых семей-источников в общем числе заимствованных слов, доли различных семантических зон и распределении языковых семей-источников внутри этих зон. Полученные результаты в целом подтверждают известную ранее картину, однако содержат и ряд распределений, не имеющих удовлетворительного объяснения и требующих изучения с привлечением более точной разметки и более внимательного анализа каждой из рассматриваемых лексем.

Ключевые слова: этимология, заимствования, языковые контакты, осетинский язык, иранские языки

Для цитирования: Беляев О.И. Иноязычные заимствования в осетинском языке по данным Историко-этимологического словаря В.И. Абаева: предварительные замечания // Типология морфосинтаксических параметров. 2023. Том 6, вып. 1. С. 13–26.

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 22-28-01639 «Создание двуязычной цифровой версии Историко-этимологического словаря осетинского языка В.И. Абаева».

LOANWORDS IN OSSETIC ACCORDING TO V.I. ABAEV'S HISTORICAL ETYMOLOGICAL DICTIONARY: PRELIMINARY REMARKS*

Oleg Belyaev

*Lomonosov Moscow State University / Institute of Linguistics RAS /
Pushkin State Russian Language Institute*

Abstract: In the article I attempt to conduct a quantitative analysis of data on loanwords contained in the Historical Etymological Dictionary of Ossetic by V.I. Abaev. Based on an automated query to the electronic database constructed on the basis of the dictionary, I extract all entries corresponding to WOLD meanings (<https://wold.cld.org/>) that are described as loanwords in their etymologies. The resulting dataset is analyzed by looking at the share of source families in the total number of loanwords, the shares of individual semantic fields and the distribution of source families within these fields. The results I have received generally confirm the previously known picture, but also lead to a number of distribution that have no satisfactory explanation and require study using a more detailed markup and a more careful analysis of each individual lexeme.

Keywords: etymology, loanwords, language contact, Ossetic, Iranian languages

For citation: Belyaev O. Loanwords in Ossetic according to V.I. Abaev's Historical Etymological Dictionary: Preliminary remarks. *Typology of Morpho-syntactic Parameters*. 2023. Vol. 6, iss. 1. Pp. 13–26. (In Rus.)

1. Введение

Вопрос об иноязычном влиянии на осетинский язык является одним из центральных вопросов осетиноведения как минимум начиная с работы [Абаев 1949]. В.И. Абаев одним из первых обратил внимание на то, что в развитии осетинского языка, помимо общепризнанного генеалогического иранского компонента, огромную роль играли и иноязычные компоненты: ведь осетинский язык многие века существовал в окружении языков неиндо-европейских групп. В.И. Абаев выдвинул гипотезу о «кавказском субстрате»,

* This research has been supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-28-01639 “Creating a bilingual digital version of V.I. Abaev's Historical Etymological Dictionary of Ossetic”.

оставившем свой след во всех областях осетинского языка: лексике, морфологии, грамматической семантике, синтаксисе. Гипотеза о доиндоевропейском субстрате в осетинском языке являлась доминирующей в советское время и продолжает быть влиятельной до сих пор.

Несмотря на новаторский характер исследований В.И. Абаева, во многом опередивших своё время, нельзя отрицать и того, что многие из сделанных в то время выводов устарели. Прежде всего это касается грамматической сферы, так как существовавшие на тот момент типологические данные попросту не позволяли судить о том, какие свойства осетинского языка можно считать ареально-специфичными. Например, В.И. Абаев придавал большое значение наличию в осетинском языке послелогов как свидетельству контактного влияния; однако сегодня мы знаем, что использование послелогов характерно для языков SOV [Greenberg 1963], к которым относится осетинский; так что, напротив, данные других иранских языков, сохранивших предлоги вопреки порядку SOV, требуют объяснения (не случайно персидский стал одним из исключений, замеченных ещё в работах Дж. Гринберга).

Однако и в области лексики мы пока далеки от понимания того, в какой степени, в какие исторические периоды и со стороны каких языков осуществлялось влияние на осетинский. Это связано, прежде всего, с тем, что во многих случаях мы не можем установить точный источник заимствования даже на уровне языковой семьи. В Историко-этимологическом словаре осетинского языка (ИЭСОЯ) [Абаев 1958–1995] В.И. Абаев часто приводит множество одинаково убедительных параллелей из абхазо-адыгских, нахско-дагестанских и картвельских языков. Историческая фонетика этих семей, особенно северо-кавказских, исследована пока крайне слабо, и поэтому не всегда можно сказать, имеем ли мы дело с заимствованием из конкретного языка или же со «странствующими» словами, чью исходную принадлежность установить затруднительно. Такие работы, как этимологический словарь северокавказских языков (NCED) [Nikolayev, Starostin 1994], являются счастливыми исключениями, позволяющими прояснить многие моменты, однако и в этих источниках содержатся далеко не полные сведения: о многих из выделяемых В.И. Абаевым «гнезд» в NCED ничего не сообщается. Таким образом, здесь мы имеем дело с проблемой, которую на настоящем этапе развития компаративистики полностью решить невозможно.

Другая проблема с существующими исследованиями лексики состоит в том, что чаще всего суждения о преобладании тех или иных источников среди заимствований вообще или среди определённых семантических зон делаются не на основании точных количественных данных, но на основании интуиции исследователя; ср., например, утверждения в [Thordarson 2010: 22–63] и [Bielmeier 1977]. Эта интуиция, безусловно, отражает опыт работы выдающихся исследователей и не может полностью игнорироваться, особенно учитывая, что провести крупномасштабные количественные подсчёты на тот момент не представлялось возможным. Однако сегодня мы имеем богатые данные ИЭСОЯ, переведённые в цифровой вид благодаря многолетнему проекту [Belyaev et al. 2021], и можем поставить исследование заимствований в осетинском языке на более твёрдые эмпирические основания. Настоящее исследование является попыткой положить начало обсуждению осетинских заимствований с опорой на количественные данные.

Целью настоящего исследования было идентифицировать в ИЭСОЯ заимствованные слова, чьи значения входят в список Всемирной базы данных по заимствованиям (WOLD) [Haspelmath, Tadmor 2009a, 2009b], и оценить, во-первых, долю языковых семей среди источников заимствований; во-вторых, связь между источником заимствования и индексом подверженности заимствованию WOLD (т. е. тем, насколько часто заимствуется слово в языках мира); в-третьих, определить семантические поля, наиболее подверженные заимствованию, и распределение источников внутри этих семантических полей. Полученные результаты, хотя и являются предварительными, представляют некоторый интерес и нуждаются в интерпретации с привлечением исторических, генетических и социолингвистических данных.

2. Заимствования из списка WOLD: общие замечания

Результатом проекта по созданию электронной версии ИЭСОЯ стал текст словаря, размеченный в формате XML TEI; подробности о языке разметки и методологии содержатся в [Belyaev et al. 2021]. Этот формат позволяет достаточно легко извлекать данные об упомянутых в этимологии словах благодаря использованию запросов XPath. В качестве первого шага настоящего исследования мною был получен список словарных слов, в этимоло-

логиях которых упоминаются неиндоевропейские слова¹. После этого были выделены те слова, чьи значения входят в тезаурус WOLD и в этимологии которых с достаточной надёжностью говорится о заимствовании. Эти слова были внесены в таблицу с выборкой; для них были размечены: семья-источник заимствования; форма слова; значение слова; является ли оно общеосетинским, иронским или дигорским; семантическое поле по WOLD; индекс подверженности заимствованию WOLD (далее «индекс заимствования»)². При этом я исключал из рассмотрения арабизмы, общие для всего Кавказа и заимствованные, скорее всего, из персидского через один из соседних языков, т. к. такие слова не дают практически никакой значимой информации о предыстории осетинского языка (хотя они могли бы быть полезны, если бы речь шла о сопоставлении с данными языков других ареалов). На этом этапе пришлось столкнуться с вышеуказанной проблемой, состоящей в том, что во многих случаях невозможно определить точный источник заимствования. Для того, чтобы не принимать произвольных решений, такие слова разделялись на несколько строк таблицы в соответствии с количеством семей-потенциальных источников заимствования. Конечно, такое искусственное увеличение объёма выборки является довольно грубым способом учесть данные о неточном источнике заимствования, т. к. он исходит из того, что все указанные потенциальные источники равновероятны. В перспективе его можно было бы заменить индексом уверенности в каждой из предложенных версий происхождения

¹ Заимствования из других индоевропейских языков в осетинском, конечно, тоже существуют, однако в большинстве случаев индоевропейские слова упоминаются в этимологиях в качестве когнатов, а не источников заимствований. В тех случаях, когда можно уверенно говорить о заимствованиях, речь идёт об очень раннем этапе языковых контактов; подобных слов сравнительно немного, и их заимствованный статус неясен, ср. [Абаев 1965] о так называемых скифо-европейских изоглоссах. По меньшей мере с середины I тыс. от Р. Х. до конца XVIII в. (приход Российской Империи) контакты осетинского языка с индоевропейскими языками носили весьма ограниченный характер, так что я счёл возможным пренебречь индоевропейскими заимствованиями как статистически незначимыми. Кроме того, в осетинском немало персидских культурных слов, повсеместно распространённых на Северном Кавказе, но заимствованы они всегда через соседние языки (чаще всего — через грузинский).

² Индекс подверженности заимствованию (*borrowed score*) — число от 0 до 1, отражающее частотность заимствования слова в соответствии с данными, входящими в WOLD. 0 соответствует словам, не заимствованным ни в одном из языков выборки, 1 гипотетически могло бы соответствовать словам, заимствованным во всех языках (реально засвидетельствованным максимальным значением является 0,93 для понятия ‘олива’, ‘the olive’). О методологии см. [Tadmor 2009].

слова с последующим сопоставлением результатов в зависимости от выбранных гипотез.

Дальнейший анализ данных производился при помощи языка R [R Core Team 2023] и пакетов `dplyr` [Wickham et al. 2023] и `ggplot2` [Wickham 2016].

В результате получилась выборка из 148 этимологий, чьё распределение по языковым семьям показано в таблице 1. В целом данные этой таблицы неплохо соответствуют тому, что ранее писали о заимствованиях в осетинском языке. Так, Ф. Тордарсон отмечал особенно глубокий характер влияния тюркских языков [Thordarson 2010], а о тесной связи осетинского с картвельскими языками, в особенности с грузинским, писал Г.С. Ахвледиани [Ахвледиани 1960]. Также из этой таблицы можно сделать вывод о том, что влияние финно-угорских и славянских языков, если в этом случае вообще можно говорить о заимствовании в осетинский (в ряде случаев направление заимствования или даже сам его факт неясны), сравнительно невелико, что неудивительно, т. к. оно ограничивается самым ранним этапом развития языка и затрагивает в основном культурную лексику.

Таблица 1. Доля заимствований из языковых семей в выборке

семья	число слов	процент
тюркские	46	31,08%
картвельские	43	29,05%
нахско-дагестанские	29	19,59%
абхазо-адыгские	23	15,54%
уральские	5	3,38%
славянские	2	1,35%
	148	100,00%

3. Источники заимствований и индекс заимствования WOLD

В работе [Belyaev 2020], посвящённой ареальному влиянию на осетинский язык, обсуждается вопрос о заимствованиях в списке Сводеша. Оказывается, что оно довольно велико (7–10% в зависимости от диалекта и интерпретации отдельных слов), причём большинство заимствованных слов вероятнее всего восходят к нахско-дагестанским языкам и имеют достаточно непрозрачную фонетику, что указывает на ранний период их появления в осетинском. Из этого можно предположить, что нахско-дагестанское влияние является субстратным и затрагивает наиболее стабильную часть лексики, тогда как влияние других семей относится преимущественно к куль-

турной лексике. В таком случае, если индекс заимствования WOLD является индикатором базового или культурного характера лексики, то можно выдвинуть гипотезу, что доля нахско-дагестанских заимствований будет максимальной при минимальных значениях этого индекса и понижаться по мере его увеличения; доля других источников, напротив, будет возрастать. Для проверки этого предположения была построена визуализация на рисунке 1. Здесь по оси ординат расположен индекс заимствования, разделённый на 5 равных промежутков (слева направо по возрастанию), по оси абсцисс — источники заимствования, выделенные цветом (легенда: WC — абхазо-адыгские, NEC — нахско-дагестанские, TRK — тюркские, SC — картвельские, URL — уральские, SLV — славянские).

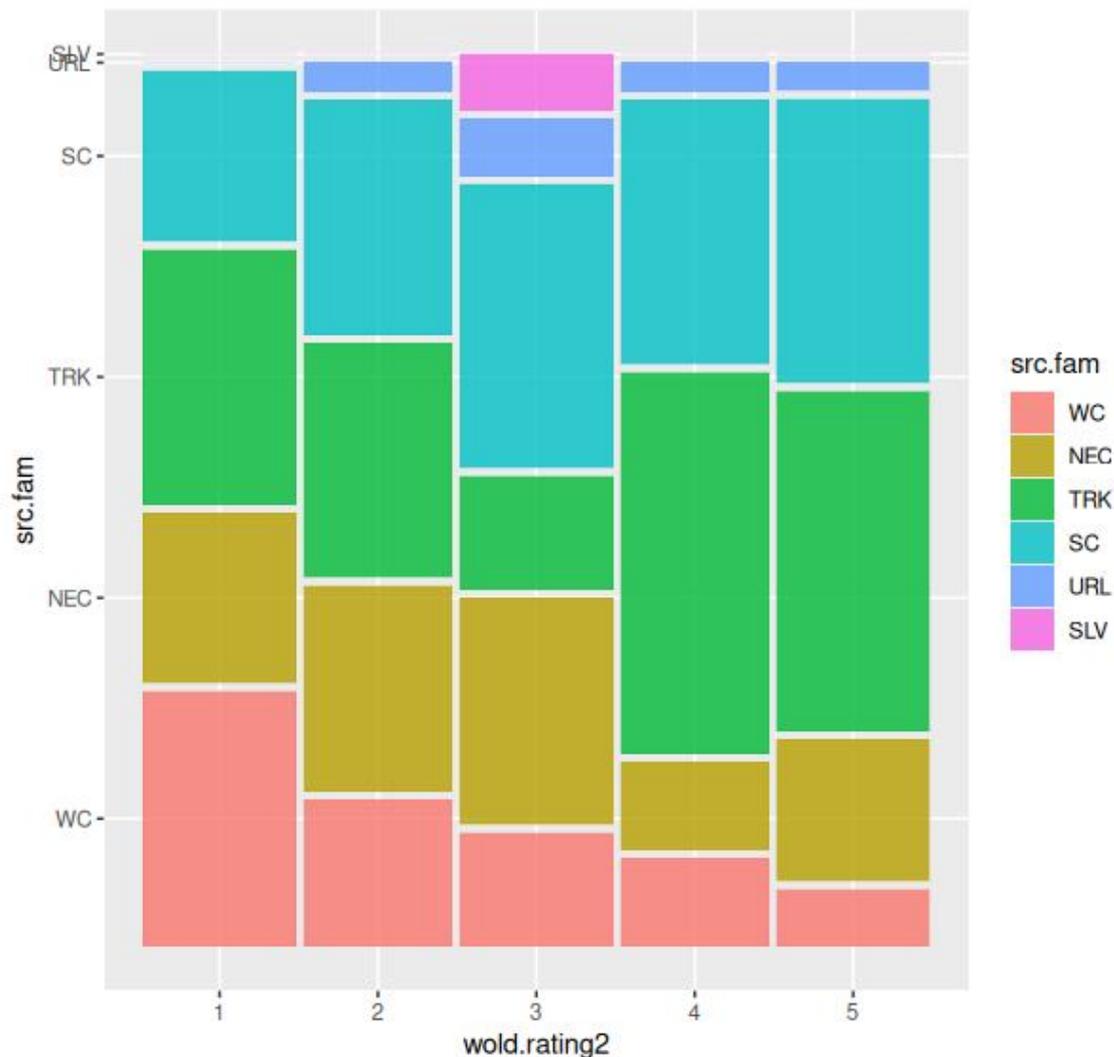

Рисунок 1. Доля заимствований по языковым семьям в зависимости от индекса заимствования WOLD

Даже поверхностный взгляд на рисунок 1 показывает, что гипотеза в общем случае не подтвердилась: какой-либо единой закономерности, объясняющей связь между индексом и источником, выделить не удаётся. Лишь доля абхазо-адыгских языков монотонно убывает по мере возрастания индекса, хотя статистическая значимость этой зависимости под вопросом. Доля нахско-дагестанских языков, оставаясь достаточно стабильной на первых трёх участках, резко снижается к четвёртому, после чего несколько увеличивается до значения, примерно соответствующего первому участку. Доля тюркских языков демонстрирует неравномерное распределение, тяготеющее к крайним точкам: как будто бы тюркских заимствований много среди очень стабильных и очень нестабильных слов, но мало в «средней зоне». Это можно попытаться объяснить наличием нескольких пластов заимствований: в осетинском есть уровень древних тюркизмов, таких, например, как *чызг* | *кызга* ‘девушка’ (из **qiz*), и более недавних «общекавказских» тюркских слов (ср. *хъаз* ‘гусь’, где сохранение увулярного говорит о более недавнем заимствовании). Возможно, похожий фактор объясняет и долю нахско-дагестанских заимствований: все заимствованные слова в списке Сводеша относятся к очень древнему фонду неясного (вероятно, субстратного) происхождения, тогда как среди современных слов с нахско-дагестанскими соответствиями есть и достаточно прозрачные, сравнительно недавние заимствования из нахских языков. На данном этапе ясно одно: простой разметкой источников-семей вопрос не решить. Необходимо более внимательный анализ истории каждого отдельного слова.

4. Доля источников по семантическим полям

Существенно больший интерес представляет распределение заимствованных слов по семантическим полям WOLD в таблице 2.

Таблица 2. Доля заимствований в выборке по семантическим полям WOLD

семантическое поле	число слов	процент
4. Тело (The body)	21	14,19%
8. Сельское хозяйство и растения (Agriculture and vegetation)	21	14,19%
3. Животные (Animals)	20	13,51%
5. Еда и напитки (Food and drink)	19	12,84%
1. Материальный мир (The physical world)	13	8,78%
12. Пространственные отношения (Spatial relations)	9	6,08%
7. Дом (The house)	6	4,05%

семантическое поле	число слов	процент
9. Базовые действия и технологии (Basic actions and technology)	6	4,05%
15. Чувственное восприятие (Sense perception)	6	4,05%
2. Родство (Kinship)	5	3,38%
6. Одежда и уход (Clothing and grooming)	5	3,38%
14. Время (Time)	3	2,03%
16. Эмоции и ценности (Emotions and values)	3	2,03%
20. Война и охота (Warfare and hunting)	3	2,03%
18. Речь и язык (Speech and language)	2	1,35%
10. Движение (Motion)	1	0,68%
11. Обладание (Possession)	1	0,68%
17. Мыслительная деятельность (Cognition)	1	0,68%
21. Закон (Law)	1	0,68%
22. Религия и вера (Religion and belief)	1	0,68%
24. Различные служебные слова (Miscellaneous function words)	1	0,68%
	148	100,00%

Интересно сопоставить этот список с данными о «проницаемости» семантических полей для заимствований из [Haspelmath, Tadmor 2009a], от более стабильных к менее стабильным, см. таблицу 3.

Таблица 3. Индекс заимствования и процент среди заимствований в осетинском

поле	рейтинг	% среди осетинских
12. Пространственные отношения (Spatial relations)	0,15	6,00%
4. Тело (The body)	0,17	14,19%
10. Движение (Motion)	0,21	0,68%
1. Материальный мир (The physical world)	0,21	8,78%
2. Родство (Kinship)	0,23	3,38%
14. Время (Time)	0,28	2,03%
17. Мыслительная деятельность (Cognition)	0,29	0,68%
16. Эмоции и ценности (Emotions and values)	0,3	2,03%
3. Животные (Animals)	0,32	13,51%
9. Базовые действия и технологии (Basic actions and technology)	0,33	4,05%
20. Война и охота (Warfare and hunting)	0,34	2,03%
11. Обладание (Possession)	0,34	0,68%
21. Закон (Law)	0,36	0,68%
18. Речь и язык (Speech and language)	0,36	1,35%
5. Еда и напитки (Food and drink)	0,37	12,84%
6. Одежда и уход (Clothing and grooming)	0,4	3,38%

поле	рейтинг	% среди осетинских
7. Дом (The house)	0,4	4,05%
24. Различные служебные слова (Miscellaneous function words)	0,44	0,68%
8. Сельское хозяйство и растения (Agriculture and vegetation)	0,45	14,19%
22. Религия и вера (Religion and belief)	0,49	0,68%

Какой-либо корреляции из таблицы 3 установить не удаётся. Мы бы ожидали, что бóльшие доли заимствований будут находиться в нижней части таблицы, а меньшие — в верхней, но распределение выглядит случайным. Этому может быть несколько объяснений. Во-первых, возможно, методологически корректнее смотреть не на долю семантического поля в общем числе заимствований, но на долю заимствований внутри всех слов этого семантического поля, входящих в WOLD (чего на базе ИЭСОЯ сделать невозможно, поскольку в него входят далеко не все значения из выборки WOLD). Во-вторых, на статистику мог повлиять сам состав выборки: ИЭСОЯ включает не всю лексику; возможно, правильнее было бы не ограничиваться словами из WOLD, но включить все слова соответствующих семантических полей, или же полностью проанализировать весь список WOLD³. В-третьих, могло повлиять исключение из списка персизмов и арабизмов. Последнее, впрочем, маловероятно, т. к. последние слова относятся преимущественно к абстрактной лексике и не могли повлиять, например, на соотношение между полями 12, 4 и 10. Наконец, возможно, что наблюдаемое распределение отражает некую специфику предистории именно осетинского языка — например, субстратное влияние, ведущее к излишне высокой доле заимствований в отдельных зонах. Данный вопрос требует отдельного изучения.

Как видно из таблицы 2, среди семантических полей, к которым относятся заимствования, явно выделяются пять областей. Интересно посмотреть, как распределены языковые семьи внутри них. В таблице 4 представлена статистика для зон 1 и 3, в которых видно явное преобладание заимствований из двух семей: тюркской и картвельской.

³ Это, впрочем, довольно затруднительно, т. к. значения в WOLD, за редким исключением, не имеют точных определений и допускают множественную трактовку. Строгий семантический контроль, используемый в таких проектах, как GLD [Kassian et al. 2010] и IE-CoR [Heggarty et al. 2023], в WOLD не применялся; это может также объяснять и некоторые из наблюдаемых несоответствий.

Таблица 4. Распределение заимствований по семьям в семантических полях 1 и 3

1. Материальный мир (The physical world)			3. Животные (Animals)		
семья	число	%	семья	число	%
карт.	7	53,85%	тюрк.	11	55%
тюрк.	3	23,08%	карт.	4	20%
нах.-даг.	2	15,38%	нах.-даг.	3	15%
слав.	1	7,69%	урал.	2	10%
	13	100,00%		20	100,00%

В этих семантических полях интерес на себя обращает прежде всего полное отсутствие абхазо-адыских и низкое количество нахско-дагестанских заимствований — при том, что в общем числе их доля довольно существенна. Преобладание картвельских и тюркских языков в этих семантических полях может быть связано с тем, что они тесно связаны с хозяйственным укладом, сложившимся лишь в последние столетия (после XIV в.), когда контакты именно с этими языками (через торговлю и политическую зависимость) были наиболее тесны.

Другие три семантических поля не имеют столь очевидных «лидеров», см. таблицу 5.

Таблица 5. Распределение заимствований по семьям в семантических полях 4, 5 и 8

4. Тело (The body)			5. Еда и напитки (Food and drink)			8. Сельское хозяйство и растения (Agriculture and vegetation)		
семья	№	%	семья	№	%	семья	№	%
абх.-ад.	8	38,10%	нах.-даг.	5	26,32%	карт.	7	33,33%
нах.-даг.	7	33,33%	тюрк.	5	26,32%	нах.-даг.	6	28,57%
карт.	5	23,81%	карт.	5	26,32%	абх.-ад.	5	23,81%
тюрк.	1	4,76%	абх.-ад.	4	21,05%	тюрк.	2	9,52%
						урал.	1	4,76%
	21	100,00%		19	100,00%		21	100,00%

Как кажется, интереснее всего — и ожидаемо, с учётом гипотезы о субстрате — здесь то, что нахско-дагестанские и абхазо-адыгские языки доминируют (наравне с нахско-дагестанскими) только в соматической сфере. В других двух областях вклад всех семей примерно равен, кроме ожидаемо низкой доли уральских языков в области 8 (речь идёт о слове *кау* ‘плетень’, имеющем как уральские, так и нахско-дагестанские параллели, см. [Абаев 1958: 573–574]) и неожиданно низкой доле тюркских заимствований в зонах 4 и 8. Это говорит о том, что, вопреки в целом весьма вы-

сокому числу тюркских заимствований, эта лексика не относится к субстратной и поэтому не проникла в соматическую зону. Что касается семантического поля 8, то в нём низкое количество тюркских слов также естественно, т. к. тюркские народы изначально являются кочевыми и поэтому взаимодействие между ними и осетинами в сфере сельского хозяйства было весьма ограниченным.

5. Заключение и перспективы

В настоящей работе предпринята первая попытка количественного анализа данных о заимствованиях, содержащихся в Историко-этимологическом словаре осетинского языка В.И. Абаева. Для пилотного исследования решено было сосредоточиться на словах, входящих в базу данных о заимствованиях WOLD [Haspelmath, Tadmor 2009a, 2009b]. Анализировались семьи-источники заимствований и связь между ними и статусом значения в WOLD. Некоторые из ранее известных фактов удалось подтвердить, а именно, распределение заимствованных слов по семантическим полям и общая доля семей среди источников заимствования. В то же время попытка построения простой корреляции между подверженностью значения заимствованию и его источником не увенчалась успехом. Доля различных семантических полей в общем числе заимствований также не соответствует тому, что мы ожидаем исходя из данных WOLD. Представляется, что дальнейшая работа в данном направлении должна происходить на базе более сложной базы данных, построенной на основе ИЭСОЯ и других источников и подкреплённой детальным анализом каждой из предлагаемых этимологий. При этом несомненно, что наличие электронного варианта ИЭСОЯ открывает перед осетиноведением принципиально новые возможности. Остаётся надеяться, что аналогичные ресурсы для других иранских и кавказских языков позволят уточнить полученные результаты.

Список источников / References

- Абаев 1949 — Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.–Л.: Издательство АН СССР, 2004. [Abaev V.I. Ossetic language and folklore. Vol. 1. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 2004.]
- Абаев 1958–1995 — Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I: А–К'. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1958. Т. II: L–R. Л.: «Наука», 1973. Т. III: S–T'. Л.: «Наука», 1979. Т. IV: U–Z. Л.: «Наука», 1989. Указатель (сост. Сченснович Е.Н., Лушникова А.В., Додыхудоева Л.П.). М., 1995. [Abaev V.I. Historical-etymological dic-

- tionary of Ossetic. Vol. I: A–K'. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958. Vol. II: L–R. Leningrad: «Nauka», 1973. Vol. III: S–T'. Leningrad: «Nauka», 1979. Vol. IV: U–Z. Leningrad: «Nauka», 1989. Index (compiled by Schensnovich E.N., Lushnikova A.V., Dodykhudoeva L.R.). Moscow, 1995.]
- Абаев 1965 — Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы: на стыке востока и запада. М.: Наука, 1965. [Abaev V.I. Scythian-European isoglosses: Between East and West. M.: Nauka, 1965.]
- Ахвледиани 1960 — Ахвледиани Г.С. О некоторых вопросах аланско-(осетинско-)грузинских языковых взаимоотношений. Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси: Издательство Тбилисского государственного университета им. Сталина, 1960. С. 167–178. [Akhvlediani G.S. On some questions of Alanic-(Ossetic)-Georgian linguistic interrelations. Sbornik izbrannykh rabot po osetinskomu yazyku. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo gosudarstvennogo universiteta im. Stalina, 1960. Pp. 167–178.]
- Belyaev 2020 — Belyaev O. Contact influences on Ossetic. *The Oxford Handbook of Language Contact*. Grant A.P. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2019. Pp. 467–493.
- Belyaev et al. 2021 — Belyaev O., Khomchenkova I., Sinitsyna J., Dyachkov V. Digitizing print dictionaries using TEI: The Abaev Dictionary Project. *IWCLUL 2021: The Seventh International Workshop on Computational Linguistics of Uralic Languages. Proceedings of the Workshop*. Pirinen F.P., Arkhangelskiy T., Torsterud T., Rießler M. (eds.). Syktyvkar: Association for Computational Linguistics, 2021.
- Bielmeier 1977 — Bielmeier R. *Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz* (Asiatische und Afrikanische Studien 2). Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1977.
- Greenberg 1963 — Greenberg J.H. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements. *Universals of Language*. Greenberg J.H. (ed.). Cambridge, MA: MIT Press, 1963. Pp. 73–113.
- Haspelmath, Tadmor 2009a — Haspelmath M., Tadmor U. (eds.). *World Loanword Database*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2009.
URL: <http://wold.livingsources.org/vocabulary/13> (accessed 19.12.2023.)
- Haspelmath, Tadmor 2009b — Haspelmath M., Tadmor U. (eds.). *Loanwords in the world's languages: A comparative handbook*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009.
- Heggarty et al. 2023 — Heggarty P., Anderson C., Scarborough M., King B., Bouckaert R., Jocz L., Kümmel M.J., Jügel T., Irlinger B., Pooth R., Liljegren H., Strand R.F., Haig G., Macák M., Kim R.I., Anonby E., Pronk T., Belyaev O., Dewey-Findell T.K., Boutilier M., Freiberg C., Tegethoff R., Serangeli M., Liosis N., Stroński K., Schulte K., Gupta G.K., Haak W., Krause J., Atkinson Q.D., Greenhill S.J., Kühnert D., Gray R.D. Language trees with sampled ancestors support a hybrid model for the origin of Indo-European languages. *Science* 381, eabg0818, 2018. DOI:10.1126/science.abg0818
- Kassian et al. 2010 — Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification. *Journal of Language Relationship* 4, 2010. Pp. 46–89.
- Nikolayev, Starostin 1994 — Nikolayev S.L., Starostin S.A. *A North Caucasian etymological dictionary*. Moscow: Asterisk Publishers, 1994. An updated version available as a Starling database at: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?basename=\data\cauc\caucet> (accessed 19.12.2023)
- R Core Team 2023 — R Core Team. *R: A Language and Environment for Statistical Computing*. Vienna: R Foundation for Statistical Computing, 2023. URL: <https://www.R-project.org> (accessed 19.12.2023)

- Tadmor 2009 — Tadmor U. Loanwords in the world's languages: Findings and results. *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Haspelmath M., Tadmor U. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2009. Pp 55–75.
- Thordarson 2010 — Thordarson F. *Ossetic Grammatical Studies* (Veröffentlichungen zur Iranistik 48). Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010.
- Wickham 2016 — Wickham H. *ggplot2: Elegant Graphics for Data Analysis*. New York: Springer, 2016. URL: <https://ggplot2.tidyverse.org> (accessed 19.12.2023)
- Wickham et al. 2023 — Wickham H., François R., Henry L., Müller K., Vaughan D. *dplyr: A Grammar of Data Manipulation*. R package version 1.1.4, <https://github.com/tidyverse/dplyr>, <https://dplyr.tidyverse.org> (accessed 19.12.2023).

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 25.12.2023;
The article was received on 20.11.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Олег Игоревич Беляев

к.ф.н.; МГУ имени М.В. Ломоносова / Институт языкознания РАН / Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Oleg Belyaev

Ph.D.; Lomonosov Moscow State University / Institute of Linguistics RAS / Pushkin State Russian Language Institute

belyaev@ossetic-studies.org

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2023.36.61.002

ПРОТИВ АНАЛИЗА РУССКИХ ПРЕСУППОЗИЦИОНАЛЬНЫХ КЛАУЗ В КОСВЕННООБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ КАК СКРЫТЫХ НОМИНАЛИЗАЦИЙ: ДАННЫЕ ВЫНОСА*

М.Ю. Князев

Институт лингвистических исследований РАН /

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —

Санкт-Петербург / МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация: В ряде подходов сентенциальные актанты фактивных (и шире — пресуппозициональных) предикатов имеют статус именных групп и, соответственно, вложены в проекцию выраженной или абстрактной номинализующей вершины (DP). Для пресуппозициональных клауз в подлежащей и, в меньшей степени, в аккумулятивной позиции такой анализ получил некоторую поддержку в литературе. В этой работе проверялись предсказания DP-анализа для пресуппозициональных клауз в косвеннообъектной позиции, статус которых менее очевиден. Для этой цели было проведено два эксперимента, в которых оценивалась приемлемость вопросительного и относительного выноса аргумента из клаузы со *что* при пресуппозициональных (*жалеть, гордиться*) и непресуппозициональных (*надеяться, намекать*) предикатах. DP-анализ предсказывает, что вынос из первых будет менее приемлем, чем из вторых. Также проверялись выносы из клауз с *то, что*, которые считаются островными. Не было обнаружено явных различий в выносе между двумя классами предикатов, при этом в обоих случаях выносы из *то, что*-клаузы оценивались ниже. Таким образом, DP-анализ не получил экспериментального подтверждения, что заставляет пересмотреть жесткую корреляцию между пресуппозициональностью и наличием номинализующей структуры.

Ключевые слова: сентенциальные актанты, пресуппозициональность, оболочка именной группы, экспериментальный синтаксис, русский язык

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, [проект № 22-18-00037](#), реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова.

Для цитирования: Князев М.Ю. Против анализа русских пресуппозиционных клауз в косвеннообъектной позиции как скрытых номинализаций: данные выноса // Типология морфосинтаксических параметров. 2023. Том 6, вып. 1. С. 27–69.

AGAINST THE ANALYSIS OF RUSSIAN PRESUPPOSITIONAL CLAUSES IN OBLIQUE POSITIONS AS COVERTLY NOMINALIZED: EVIDENCE FROM EXTRACTION*

Mikhail Knyazev

*Institute for Linguistic Studies RAS / HSE University, St. Petersburg /
Lomonosov Moscow State University*

Abstract: In a number of approaches, the clausal arguments of factive (and more generally, presuppositional) predicates have the status of nominals and, accordingly, are embedded in the projection of an overt or abstract nominalizing head (DP). For presuppositional clauses in subject and, to a lesser extent, accusative object position, this analysis has received some support in the literature. This paper tested the predictions of the DP analysis for presuppositional clauses in oblique positions, whose status is more controversial. For this purpose, two acceptability rating experiments were conducted to assess the acceptability of interrogative and relative argument extractions from Russian clausal complements with *čto* of presuppositional ('regret', 'be proud') and non-presuppositional ('hope', 'hint') predicates. The DP analysis predicts that extractions from the former should be less acceptable compared to the latter. Extractions from clauses with *to*, *čto*, which are considered to be islands, were also tested. No clear differences in extractions were found between the two classes of predicates, whereas extractions from *to*, *čto*-clauses were rated lower in both cases. Thus, the results provide no evidence for the DP-analysis, forcing a reconsideration of the strict correlation between presuppositionality and the presence of the nominalizing structure.

Keywords: clausal complements, presuppositionality, DP-shells, argument extraction, experimental syntax, Russian

For citation: Knyazev M. Against the analysis of Russian presuppositional clauses in oblique positions as covertly nominalized: Evidence from

* This research is supported by Russian Science Foundation, RSF [project #22-18-00037](#) realized at Lomonosov Moscow State University.

extraction. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2023. Vol. 6, iss. 1. Pp. 27–69. (In Rus.)

1. Введение[†]

В некоторых формальных работах сентенциальные актанты (СА) с союзом *что* анализируются как содержащие непроизносимую номинализующую структуру, сближающую их с СА с *то, что* (подробнее о дистрибуции *то, что*-клауз см. [Кобозева 2013, Knyazev 2016, i.a.]). Такой анализ предлагался как для любых СА со *что* [Knyazev 2016], так и для тех, которые имеют особые семантико-прагматические свойства [Knyazev 2022; Bondarenko 2021, 2022]. Например, в [Knyazev 2022], вслед за [Kastner 2015; Vochnak, Hanink 2022] (см. также классическую работу [Kiparsky, Kiparsky 1970]), анализ с номинализующей структурой предлагается для **пресуппозиционных** клауз со *что*, т. е. таких, для которых имеет место пресуппозиция истинности, как в случае фактивных предикатов (*сожалеть, знать*), либо пресуппозиция известности, как в случае предикатов «ответного мнения» (*соглашаться, сомневаться*) и сентенциальных подлежащих.

Близкий, хотя и не тождественный, анализ предлагается в [Bondarenko 2021, 2022]. Этот подход исходит из допущения о том, что СА при пресуппозиционных предикатах, включая предикаты речи и пропозициональной установки, на семантическом уровне соединяются с предикатом как модификаторы [Moulton 2015, Elliott 2020, i.a.]. Иначе говоря, *Маша думает, что Петя списывает* получает интерпретацию, которую можно упрощенно перефразировать как конъюнкцию: ‘Маша находится в состоянии думания и содержанием этого состояния является то, что Петя списывает’. В отличие от непресуппозиционных предикатов, СА пресуппозиционных предикатов обычно, но не всегда, соединяется с глаголом как аргумент или, более точно, модифицирует такой аргумент. Например, *Маша осознала, что Петя списывает* может получить интерпретацию ‘Маша осознала некий факт и содержанием этого факта является то, что Петя списывает’. В рамках подхода [Bondarenko 2021, 2022] требование номинализации (в том числе, абстрактной) распространяется на СА, которые

[†] Сокращенная версия этой статьи была опубликована как [Knyazev 2023]. Текущая версия отличается от предыдущей в ряде важных технических и содержательных аспектов.

требуют аргументного, а не модификаторного способа интеграции с предикатом.

Таким образом, оба вышеперечисленных подхода в норме предполагают корреляцию между пресуппозициональностью СА и его номинализованностью, как сформулировано в (1). Однако, как будет показано ниже, подход Т. Бондаренко в принципе не исключает ситуацию, при которой СА пресуппозиционального предиката имеет семантический статус модификатора и, соответственно, на него не распространяется требование номинализации.

(1) Пресуппозициональные клаузы должны быть номинализованы.

Рассмотрим аргументы в пользу абстрактной номинализующей структуры в пресуппозициональных клаузах. Один из аргументов, предлагаемый в [Кнуязев 2022], связан со статусом сентенциальных подлежащих. Этот аргумент исходит из допущения, что сентенциальные подлежащие имеют пресуппозицию известности, или «данности» в дискурсе [Kastner 2015]. Как отмечается в литературе [Khomitsevich 2007, Hartman 2012, Кнуязев 2016], сентенциальные подлежащие (по крайней мере такие, которые являются внешним аргументом предикатов типа *доказывать*, *подтверждать*), в норме должны быть выражены с помощью *то, что*-клауз, как в примере (2а) из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Маргинальность *что*-клауз в этой позиции может быть объяснена с помощью гипотезы (1), если допустить, что в позиции подлежащего по независимым причинам (подробнее см. [Кнуязев 2022]), невозможен нулевой вариант вершины *то* (анализируемой как детерминатор), как показано в (2б).

(2) а. *То, что Джонатаном оказалась Рыжая, абсолютно ничего не объясняет.* (НКРЯ)

б. [_{DP} *То*, / ??∅ [_{CP} *что Джонатаном оказалась Рыжая*]], *абсолютно ничего не объясняет.*

Второй аргумент, предлагаемый в [Кнуязев 2022], опирается на отчасти противоположное наблюдение. При непресуппозициональных предикатах типа *утверждать*, *предполагать* и др. *то, что*-клаузы (в позиции аккуза-

тивного дополнения) в норме недопустимы, как в (3)¹. Напротив, при пресуппозициональных предикатах типа *осознать* и *отрицать*, как в (4), а также при предикатах, чей СА тяготеет к пресуппозициональным контекстам, типа *доказывать*, *то, что* допустимо (вопреки утверждениям в [Hartman 2012])².

(3) *Известно, что депутат утверждает (*то), что он спешно покинул место аварии.*

(в нейтральном контексте)

(4) (Контекст: По некоторым данным, после инцидента депутат якобы скрылся с места преступления.)

Известно, что депутат отрицает то, что он спешно покинул место аварии. (НКРЯ)

Контраст в (3)–(4) может объясняться гипотезой в (1) при дополнительном допущении, что в норме **только** пресуппозициональные клаузы, по крайней мере в аккузативной позиции, могут быть номинализованы [Kastner 2015]. (Исключением являются контексты с фокусным ударением на СА [Khomitsevich 2007]. Обратим внимание, что контекст в (4) специально подобран так, чтобы исключить фокус на СА.) Систематический характер контраста в (3)–(4) подтверждается экспериментальными данными [Knyazev, Ustinova 2023]. Также этот контраст может быть использован для объяснения того, почему глаголы с неоднозначностью СА типа *объяснять*, *комментировать* и др. допускают *то, что*-клаузу только в значении, где СА выражает факт, который агент объясняет, комментирует и т. д. (ср. (5a) ниже), но не в значении, где СА выражает содержание речевого акта, с помощью которого агент объясняет, комментирует и т. д. некоторый факт [Bondarenko 2021, 2022] (см. обсуждение в [Князев 2022]).

Наиболее важный в контексте данной статьи аргумент в пользу гипотезы (1) касается ограничений на вопросительный вынос [Bondarenko 2022: 326–327]. Как показывает Т. Бондаренко, вынос из пресуппозиционального СА *со что* в аккузативной позиции при предикатах типа *объяснять*, *доказывать* и др., как в (5b), полностью недопустим и имеет тот же статус,

¹ Здесь мы не рассматриваем нестандартный узус (см., например, [Коротаев 2016]).

² О классификации предиката ‘доказывать’ как факультативно пресуппозиционального см. [Kiparsky, Kiparsky 1970; Degen, Tonhauser 2022].

что и вынос из *то*, *что*-клауз, которые считаются островными [Khomitsevich 2007]. Принципиально, что это ограничение касается именно пресуппозициональных СА, поскольку непресуппозициональные СА при том же предикате (в «речевом» значении) допускают вынос, как в (5с). (Отметим, что в (5b) используется неодушевленное подлежащее, чтобы исключить непресуппозициональное прочтение СА.)

(5) а. *Это объясняет* [_{DP} *то*, / ∅ [_{CP} *что Зенит легко одолеет итальянцев*]].

б. **Кого₁ это объясняет* [_{DP} *то*, / ∅ [_{CP} *что Зенит легко одолеет t₁*]]?
(пресуппозициональный СА)

с. *Кого₁ Маша объяснила*, [_{CP} *что Зенит легко одолеет t₁*]]?
(непресуппозициональный СА)

Запрет на вынос из СА в (5b) следует из гипотезы в (1) при одном из двух допущений: либо DP создает абсолютный барьер для передвижения в русском языке, как ранее предлагалось в работах [Pereltsvaig 2007, Лютикова 2010], либо DP становится таким барьером, когда принимает CP в качестве компонента (в силу Антилокальности), как предлагается в [Bondarenko 2022: 328].

В приведенных выше аргументах пресуппозициональные СА рассматривались только в номинативной (подлежащей) или аккузативной позиции. Однако в свете гипотезы (1) естественно ожидать, что требование номинализации будет распространяться и на пресуппозициональные СА в **косвеннообъектной** позиции, т. е. при предикатах, которые субкатегоризованы на косвенное дополнение или предложную группу (далее [+ _ OBL/PP]), таких, как *гордиться* и *жалеть*. Здесь, однако, подходы [Knyazev 2022] и [Bondarenko 2022] расходятся. Согласно [Knyazev 2022] (а также [Kastner 2015], на который последняя работа ориентируется), пресуппозициональные СА со *что* в косвеннообъектной позиции вложены в DP-оболочку так же, как и СА в аккузативной позиции (ср. (5a)), как в (6a)–(6b). Такой анализ мы будем далее называть *DP-анализом*. (Здесь мы абстрагируемся от вопроса о том, как именно лицензируется DP в косвеннообъектной позиции: посредством нулевого предлога, как предлагается в [Knyazev 2016, 2022], или с помощью селекции матричного предиката на некий признак нулевого D⁰ [Kastner 2015] (см. также обсуждение в [Haegeman, Ürögdi 2010, Jarvis 2021]).)

- (6) DP-анализ [Knyazev 2022] (ср. [Kastner 2015])
- а. *Маша гордится*, [_{DP} ∅ [_{CP} *что смогла обогнать Петю*]].
- б. *Вася жалеет*, [_{DP} ∅ [_{CP} *что одолжил деньги Андрею*]].

В работе [Bondarenko 2022] предлагается другой анализ, представленный в (7a)–(7b), согласно которому СА при пресуппозициональных предикатах [+ __ OBL/PP] имеет категорию CP (CP-анализ).

- (7) CP-анализ [Bondarenko 2022]
- а. *Маша гордится*, [_{CP} *что смогла обогнать Петю*].
- б. *Вася жалеет*, [_{CP} *что одолжил деньги Андрею*].

CP-анализ мотивирован допущением Т. Бондаренко о том, что нулевое D⁰ лицензируется только в аккумулятивной (и, возможно, номинативной) позиции, но не в косвеннообъектной позиции, т. е. не при предикатах, требующих косвенного падежа, и не при предлоге. (Это допущение, в свою очередь, основано на наблюдении, что (аргументный) СА со значением факта при номинализациях типа *объяснение*, *доказательство* в норме выражается с помощью *то, что*-клаузы в генитиве и не может быть выражен *что*-клаузой в отличие от аккумулятивной позиции при соответствующих глаголах (ср. (5a)) [Bondarenko 2021] (но см. контрпримеры в [Князев 2022]).)

Следствием CP-анализа является то, что он вынужден трактовать косвеннообъектный СА в примерах типа (7a)–(7b) не как полноценный фактивный аргумент глагола, поскольку в таком случае он не мог бы быть выражен клаузой со *что*, а как модификатор, т. е. как содержание ментального состояния или речевого акта (≈ ‘Вася находится в состоянии сожаления и содержанием этого состояния является то, что он одолжил деньги Андрею’). Иначе говоря, этот подход предсказывает, что примеры типа (7a)–(7b) по семантике немного отличаются от соответствующих примеров с *то, что* в (8a)–(8b), в которых СА может и должен относиться к фактивному аргументу (≈ ‘Вася находится в состоянии сожаления о некотором факте и содержанием этого факта является то, что он одолжил деньги Андрею’).

- (8) а. *Лена гордится* [_{DP} *тем*, [_{CP} *что смогла обогнать Петю*]].

b. *Вася жалеет* [_{PP} о [_{DP} том, [_{CP} что одолжил деньги Андрею]]].

Т. Бондаренко приводит некоторые соображения в пользу такого семантического различия [Bondarenko 2022: 338–340], однако их сложно назвать окончательными (см. обсуждение в разделе 4). Таким образом, вопрос о том, DP- или CP-анализ является предпочтительным для СА в косвеннообъектной позиции при пресуппозициональных предикатах остается открытым.

Один из способов ответить на этот вопрос — это обратиться к данным выдвигания³. DP-анализ в (6) предсказывает, что выдвигание элементов из *что*-клауз при пресуппозициональных предикатах типа *жалеть* и *гордиться* (см. (9a) ниже) будет менее приемлемо, чем выдвигание из *что*-клауз при непресуппозициональных предикатах типа *надеяться*, *намекать* (см. (9b)), поскольку в первом, но не втором случае СА должен быть вложен в DP-проекцию, предположительно блокирующую выдвигание. Напротив, CP-анализ не предсказывает различия в выдвигании из *что*-клауз между предикатами типа *жалеть* и *надеяться*, поскольку в обоих случаях DP-проекция отсутствует.

Чтобы определить, имеет ли место предсказанное DP-анализом различие в выдвигании между классами предикатов, было проведено два эксперимента на оценку приемлемости, для вопросительного (Эксперимент 1) и относительного (Эксперимент 2) выноса.

2. Эксперимент 1

2.1. Гипотезы и дизайн

Целью эксперимента была проверка предсказаний DP-анализа в (6), согласно которым вопросительный вынос из СА пресуппозициональных предикатов [ПРЕСУПП], как в (9a), должен иметь более низкую приемлемость по сравнению с непресуппозициональными [НЕПРЕСУПП] предикатами, как в (9b). (Для наглядности здесь и далее экспериментальные примеры размечаются исходя из DP-анализа. Разумеется, участникам экспериментов примеры предъявлялись в неразмеченном виде.) Эксперимент опирался на вспомогательную гипотезу, согласно которой DP-проекция создает абсо-

³ В [Bondarenko 2022] выдвигание из косвеннообъектных СА пресуппозициональных предикатов не рассматривается.

лютный барьер для передвижения [Лютикова 2010, Bondarenko 2022: 328] (см. раздел 1). Эксперимент также проверял дополнительную гипотезу, согласно которой клаузы с *то, что* создают абсолютный барьер для передвижения [Khomitsevich 2007: 147], независимо от семантического класса предиката, как в (9c)–(9d).

- (9) а. ^(*)Кому₁ *Вася жалеет*, [_{DP} ∅ [_{CP} *что одолжил* __₁ *деньги*]]?
[ПРЕСУП | ВЫНОС | ЧТО]
- б. Кому₁ *Лена надеется*, [_{CP} *что поможет* __₁ *с квартирой*]?
[НЕПРЕСУП | ВЫНОС | ЧТО]
- с. *Кому₁ *Вася жалеет*, [_{PP} *о* [_{DP} *том* [_{CP} *что одолжил* __₁ *деньги*]]]?
[ПРЕСУП | ВЫНОС | ТО, ЧТО]
- д. *Кому₁ *Лена надеется*, [_{PP} *на* [_{DP} *то* [_{CP} *что поможет* __₁ *с квартирой*]]]?
[НЕПРЕСУП | ВЫНОС | ТО, ЧТО]

DP-анализ предсказывает, что для выноса из СА непресуппозициональных предикатов типа *надеяться* будет наблюдаться контраст в приемлемости в зависимости от типа СА, а именно вынос из СА со *что*, как в (9b), будет более приемлем, чем вынос из СА с *то, что*, как в (9d). Напротив, для пресуппозициональных предикатов типа *жалеть* приемлемость выноса из СА со *что*, как в (9a), не будет отличаться от выноса из СА с *то, что*, как в (9c), или, по крайней мере, соответствующее различие будет меньше, чем для *надеяться*.

Важно также учитывать, что предикаты могут независимо различаться по степени приемлемости СА со *что* и с *то, что*. Так, например, в эксперименте [Knyazev, Ustinova 2023] было показано, что непресуппозициональные предикаты в среднем реже порождаются с *то, что* по сравнению с пресуппозициональными предикатами. Соответственно, можно ожидать, что приемлемость клауз с *то, что* (по сравнению с клаузами со *что*) при непресуппозициональных предикатах будет чуть ниже, чем при пресуппозициональных предикатах, независимо от наличия выноса. Таким образом, если не учитывать это различие в эксперименте, можно искусственно завязать контраст между выносами из *что*- и *то, что*-клауз при непресуппозициональных предикатах. Чтобы исключить такую возможность, в дизайн эксперимента были добавлены базовые условия без выноса [–ВЫНОС], как в (10).

- (10) a. *Вася жалеет*, [_{DP} ∅ [_{CP} *что* *одолжил* *деньги* *Андрею*]].
[ПРЕСУПП | –ВЫНОС | ЧТО]
- b. *Лена надеется*, [_{DP} ∅ [_{CP} *что* *поможет* *Ване* *с квартирой*]].
[НЕПРЕСУПП | –ВЫНОС | ЧТО]
- c. *Вася жалеет*, [_{PP} *о* [_{DP} *том* [_{CP} *что* *одолжил* *деньги* *Андрею*]]].
[ПРЕСУПП | –ВЫНОС | ТО, ЧТО]
- d. *Лена надеется*, [_{PP} *на* [_{DP} *то* [_{CP} *что* *поможет* *Ване* *с квартирой*]]].
[НЕПРЕСУПП | –ВЫНОС | ТО, ЧТО]

Суммируя, статистическую гипотезу, которая проверялась в эксперименте, можно схематично представить, как в (11): понижение приемлемости при выносе из *то, что*-клауз по сравнению со *что*-клаузами (относительно возможного предпочтения *то, что*-клауз по сравнению со *что*-клаузами при отсутствии выноса) будет сильнее для непресуппозиционных предикатов, чем для пресуппозиционных. В статистическом анализе это должно отразиться во взаимодействии выноса и типа СА, а также во взаимодействии выноса, типа СА и класса предиката.

$$(11) ((9b)_{[что]} - (9d)_{[то, что]})_{[непресупп | вынос]} - ((10b)_{[что]} - (10d)_{[то, что]})_{[непресупп | -вынос]} > ((9a)_{[что]} - (9c)_{[то, что]})_{[пресупп | вынос]} - ((10a)_{[что]} - (10c)_{[то, что]})_{[пресупп | -вынос]}$$

Напротив, СР-анализ предсказывает, что не будет различия в «разности разностей» между непресуппозиционными и пресуппозиционными предикатами в (11), т. е. вместо знака «больше» будет знак «равно». Соответственно, на уровне статистического анализа предсказывается только взаимодействие выноса и типа СА (для обоих классов предикатов).

2.2. Материалы

В эксперименте было использовано по 4 пресуппозиционных и непресуппозиционных предиката с субкатегоризацией на косвенное или предложное дополнение, как в (12a)–(12b).

- (12) a. *надеяться, уверен, намекать, хвастаться* [НЕПРЕСУПП]
- b. *жалеть, рад, гордиться, признаться* [ПРЕСУПП]

Три из четырех пресуппозициональных предикатов были эмотивные фактивные и один — коммуникативный фактивный (*признаться*). В пресуппозициональной группе было 2 нефактивных предиката мнения — эмотивный (*надеяться*) и эпистемический (*уверен*) — и 2 нефактивных глагола речи (*намекать, хвастаться*). В каждой из групп было по одному адъективному предикату (*уверен, рад*). Два из четырех предикатов пресуппозициональной группы имели субкатегоризацию на косвенное дополнение (*гордиться, рад*) и два — на предложную группу (*жалеть, признаться*); в пресуппозициональной группе только один предикат (*хвастаться*) имел субкатегоризацию на косвенное дополнение. Таким образом, предикаты двух групп различались не только по признаку пресуппозициональности. Однако мы предполагали, что эти различия, в первую очередь, будут влиять на **общую** приемлемость СА. Поэтому наличие контрольного условия [–вынос] должно было нивелировать возможные различия. Кроме того, планировалось рассмотрение результатов отдельно по предикатам.

С каждым из предикатов в (12a)–(12b) было составлено по 1 набору из 4 предложений, не отличающихся по лексическому составу (с одной и той же лексикализацией), путем пересечения признаков [\pm вынос] и [что]/[то, что], как было показано в (9)–(10) выше. (Полный набор экспериментальных предложений приведен в Приложении.) По 3 из 4 предикатов в каждой группе содержали вынос одушевленного аккумулятивного аргумента (*кого*) и по 1 предикату (*жалеть, надеяться*) — вынос дативного аргумента (*кому*). Мы использовали вынос *кому* при глаголе *жалеть*, чтобы избежать эффекта «садовой дорожки», который мог бы возникнуть для *кого* (ср. *кого Вася жалеет?*); для единообразия в пресуппозициональной группе был произвольным образом выбран 1 глагол, с который был использован вынос *с кому* (*надеяться*).

Во всех экспериментальных предложениях СА имел невыраженное подлежащее, которое интерпретировалось как кореферентное матричному подлежащему. Это было сделано, чтобы повысить приемлемость предложений с выносом, поскольку из психолингвистической литературы известно, что обработка референциальных ИГ (например, имен собственных) между «филлером» (вопросительным словом) и «пробелом» (его позиции в базовой структуре) понижает приемлемость выноса [Hofmeister, Sag 2010].

Получившиеся 32 ($= 8 \times 4$) экспериментальных предложения были распределены методом «латинского квадрата» между 4 группами участников так, чтобы каждый участник видел любую лексикализацию только в 1 из 4

условий и оценивал все условия одинаковое число раз. Поскольку у нас было по 1 лексикализации на предикат, каждый участник оценивал по 1 предложению на каждую комбинацию из 8 экспериментальных условий.

Помимо экспериментальных предложений было использовано 19 филлеров разной степени приемлемости, из которых 3 были тренировочными и всегда помещались в начало экспериментального листа. Среди неприемлемых филлеров было 4 предложения с выносами из сложной ИГ, как в (13a). Эти предложения предполагались в качестве нижней границы приемлемости выноса. Также было 4 предложения с СА с *то, что* (плюс 1 тренировочное предложение со сложной ИГ), в которых была нарушена субкатегоризация матричного предиката, как в (13b). Среди приемлемых филлеров были предложения со сложной ИГ, которые либо не содержали вынос, как в (13c), либо содержали вынос матричного подлежащего, как в (13d) (плюс 1 тренировочное предложение с СА со *что* без выноса). Наконец, еще одно тренировочное предложение содержало вынос из СА со *что* при *думать*, как в (13e). Исходя из частотности *думать* со *что*-клаузами, пример предполагался в качестве верхней границы приемлемости для выносов со *что*.

- (13) а. *Кого₁ Лида позвонила тому, кто недавно обидел __₁?
- б. *Рома хвастается на том, что забьет гол Максиму.
- в. Олег рассердился на того, кто купил игрушку Боре.
- д. Кто гордится тем, что позвал Алину в кино?
- е. Кого₁ Алина думает, что Олег уважает __₁?

Целью филлеров было отвлечь внимание участников от предложений с выносами из *что* и *то, что*. Также филлеры служили для контроля уровня приемлемости и неприемлемости экспериментальных предложений. Наконец, они использовались для отсеивания участников, которые по какой-либо причине не справились с заданием.

2.3. Процедура и участники

Участники должны были оценить естественность предложений по шкале от 1 до 7. Перед началом эксперимента был дан один пример приемлемого предложения (с оценкой 7) и один пример неприемлемого предложе-

ния (с оценкой 1–2). Каждый участник должен был оценить 27 предложений, при этом порядок предложений, кроме первых трех (тренировочных), был автоматически перемешан для каждого участника.

Эксперимент был размещен на платформе [PCibex Farm](#). Ссылка на эксперимент распространялась в социальных сетях. Эксперимент прошло 45 участников (средний возраст — 28.2), из которых были проанализированы данные 44.

2.4. Результаты

Данные одного участника были исключены из анализа на основе оценок филлеров по следующей процедуре. Для всех участников была подсчитана средняя оценка каждой из двух подгрупп приемлемых и неприемлемых филлеров, а затем была подсчитана разность между более низкой оценкой для приемлемых филлеров и более высокой для неприемлемых. У исключенного участника эта разность оказалась отрицательной, тогда как у всех остальных она была выше 2.

2.4.1. Филлеры

Для начала рассмотрим оценки филлеров, приведенные в таблице 1. Как принято в литературе по экспериментальному синтаксису [Sprouse et al. 2016, i.a.], приводятся не только исходные оценки, но и стандартизованные (*z-scores*), которые вычисляются путем деления разности исходной оценки и средней оценки для данного участника на стандартное отклонение для данного участника. Стандартизованные оценки позволяют сравнивать оценки на различных шкалах, а также между участниками, которые по-разному используют одну и ту же шкалу.

Как можно видеть, приемлемые и неприемлемые филлеры в целом хорошо различались (две подгруппы приемлемых филлеров были объединены, т. к. имели идентичные оценки). Также можно отметить, что неприемлемые филлеры с выносом из сложной ИГ получили чуть более низкие оценки, чем филлеры с нарушениями селекции. Также, любопытным образом, при оценке тренировочных предложений (в начале экспериментального листа) участники слегка занижали приемлемые филлеры и слегка завышали неприемлемые филлеры. Пожалуй, наибольший интерес представляет филлер с выносом из *что*-клаузы в (13e), который носители оценивали ниже середины шкалы, что согласуется с представлением о том, что вопросительный вынос из *что*-клауз в русском языке не полностью

приемлем [Khomitsevich 2007, Моргунова 2021b], хотя в свете того, что сказано выше, эта оценка может быть немного занижена.

Таблица 1. Эксперимент 1: средние нестандартизованные и стандартизованные оценки филлеров (со стандартной ошибкой среднего)

тип филлера	средняя оценка	средняя стандартизованная оценка
приемлемые	6,53 (0,06)	0,88 (0,02)
приемлемые (тренировочные)	6,91 (0,04)	1,02 (0,02)
неприемлемые—селекция	1,49 (0,10)	-0,93 (0,03)
неприемлемые—селекция (тренировочные)	1,18 (0,09)	-1,04 (0,04)
неприемлемые—сложная ИГ	1,19 (0,06)	-1,04 (0,02)
вынос— <i>что</i> -клауза (тренировочные)	2,95 (0,30)	-0,40 (0,09)

2.4.2. Общие результаты

Средние оценки экспериментальных условий приведены в таблице 2 и проиллюстрированы на рисунке 1 (для стандартизованных оценок). Как можно видеть, вынос из СА со *что* более приемлем, чем вынос из СА с *то, что*, при этом нет явных различий между двумя классами предикатов, вопреки предсказаниям DP-анализа. Также можно видеть, что выносы из СА с *то, что* по абсолютной приемлемости совпадают с филлерами с нарушениями селекции (светло-серая горизонтальная линия) и чуть выше филлеров с выносами из сложной ИГ (темно-серая линия), что можно связать с дополнительной сложностью последних для обработки. Что касается выноса из СА со *что*, то в абсолютных цифрах он находится ниже средней точки шкалы, что указывает на неполную приемлемость и согласуется с наблюдениями в литературе. Можно также отметить, что оценки такого выноса в целом схожи с оценкой выноса при *думать* в (13e) (см. таблицу 1). Наконец, мы не видим никакого различия между двумя типами СА в базо-

вом условии (в отсутствии выноса), которые оба совпадают с приемлемыми филлерами (светло-серая линия в верхней части графика).

Таблица 2. Эксперимент 1: средние нестандартизованные и стандартизованные оценки экспериментальных условий (со стандартной ошибкой среднего)

класс предиката	тип конструкции	тип СА	средняя оценка	средняя стандартизованная оценка
непресуппозиционные	–вынос	<i>что</i>	6,70 (0,11)	0,95 (0,04)
		<i>то, что</i>	6,77 (0,10)	0,96 (0,04)
	вынос	<i>что</i>	2,82 (0,30)	–0,45 (0,09)
		<i>то, что</i>	1,70 (0,19)	–0,85 (0,06)
пресуппозиционные	–вынос	<i>что</i>	7,00 (0,00)	1,05 (0,03)
		<i>то, что</i>	6,84 (0,07)	0,99 (0,03)
	вынос	<i>что</i>	2,73 (0,30)	–0,49 (0,09)
		<i>то, что</i>	1,57 (0,19)	–0,90 (0,06)

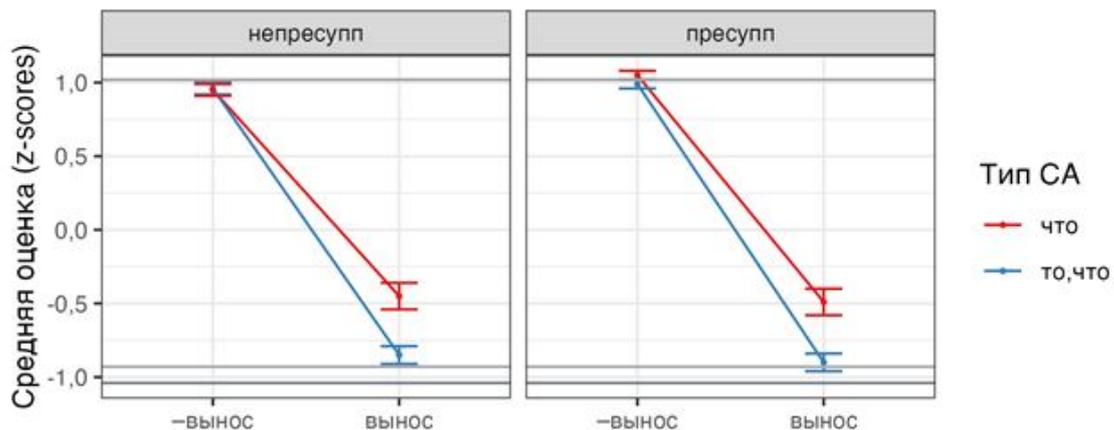

Рисунок 1. Эксперимент 1: средние стандартизованные оценки экспериментальных условий (со стандартной ошибкой среднего)

Для статистической оценки этих результатов была построена смешанная линейная модель с использованием пакета lmerTest для программы R.

Модель предсказывала стандартизованную оценку исходя из фиксированного эффекта выноса, типа СА и класса предиката, а также всех взаимодействий между ними (в качестве базовых уровней были выбраны отсутствие выноса, *что*-клауза и непресуппозиционный класс). В модель также были изначально включены случайные эффекты испытуемого и стимула, однако, поскольку стимул имел нулевую вариативность, он был исключен из модели. Коэффициенты модели приведены в таблице 3⁴.

Таблица 3. Эксперимент 1: коэффициенты смешанной линейной модели

(Примечание. *Estimate* — коэффициент наклона предиктора, посчитанный моделью; *CI* — доверительный интервал этого коэффициента; *p* — *p*-значение коэффициента; *Intercept* — интерцепт; *sentence_type* — тип конструкции; *extraction* — вынос; *complement_type* — тип СА; *predicate_class* — класс предиката; *presupp* — пресуппозиционные)

предиктор	Estimate	CI	<i>p</i>
(Intercept)	0,95	[0,83; 1,06]	< 0,001
sentence_type [extraction]	-1,40	[-1,56; -1,24]	< 0,001
complement_type [to_что]	0,02	[-0,14; 0,17]	0,840
predicate_class [presupp]	0,11	[-0,05; 0,27]	0,182
sentence_type [extraction] × complement_type [to_что]	-0,42	[-0,64; -0,19]	< 0,001
sentence_type [extraction] × predicate_class [presupp]	-0,14	[-0,37; 0,08]	0,204
complement_type [to_что] × predicate_class [presupp]	-0,08	[-0,30; 0,14]	0,484
sentence_type [extraction] × complement_type [to_что] × predicate_class [presupp]	0,07	[-0,25; 0,38]	0,679

Модель показала, что наличие выноса (из *что*-клауз) значительно понижало приемлемость по сравнению с базовой конструкцией (для непресуппозиционных предикатов). Поскольку этот эффект не взаимодействовал с классом предиката, можно заключить, что вынос из *что*-клауз не различался по степени приемлемости для пресуппозиционных и непресуппозиционных предикатов. Также имеется взаимодействие между наличием выноса и типом СА, указывающее на то, что вынос из СА с *то*, *что* (для непресуппозиционных предикатов) значительно хуже, чем вынос из СА со *что*. Наиболее важно для нас то, что нет взаимодействия всех трех факторов, из чего можно сделать вывод, что *то*, *что* понижало приемлемость

⁴ При составлении таблицы 3 (и подобных таблиц далее) использовалась функция `tab_model` из пакета `sjPlot`.

выноса (по сравнению со *что*) одинаково для пресуппозициональных и непресуппозициональных предикатов, что согласуется с визуальной оценкой графиков на рисунке 1. Все остальные эффекты и взаимодействия были незначимы.

2.4.3. Результаты по предикатам

Средние стандартизованные оценки по предикатам приведены в таблице 4 и на рисунке 2. В таблице также приводится разность между СА со *что* и с *то, что* («эффект *то, что*») для выноса и для базового условия, а также разность между этими разностями (difference in differences, или *DD*), отражающая размер взаимодействия (типа СА и выноса) для предиката.

Выше было отмечено, что тип СА оказывает мало влияния на общую приемлемость предложений (при отсутствии выноса). Однако можно заметить небольшое предпочтение *что*-клауз для глаголов *надеяться* и *жалеть* (0,18) и небольшое предпочтение *то, что* для *хвастаться* (также 0,18). Вопреки ожиданиям исходя из [Knyazev, Ustinova 2023], этот эффект не коррелировал с классом предиката.

Таблица 4. Эксперимент 1: средние стандартизованные оценки экспериментальных условий по предикатам

(Примечание. Эффект *то, что(бы)* — разность между СА со *что* и СА с *то, что*; *DD* — разность между эффектом *то, что* при наличии и отсутствии выноса)

предикат	–вынос		вынос		эффект <i>то, что(бы)</i>		<i>DD</i>
	<i>что</i>	<i>то, что(бы)</i>	<i>что</i>	<i>то, что(бы)</i>	–вынос	вынос	
непресуппозициональные							
<i>надеяться</i>	0,96	0,78	–0,44	–0,79	0,18	0,35	0,17
<i>уверен</i>	1,07	1,02	–0,38	–0,82	0,05	0,44	0,39
<i>намекать</i>	0,91	0,98	–0,46	–0,75	–0,07	0,29	0,36
<i>хвастаться</i>	0,86	1,04	–0,55	–0,97	–0,18	0,42	0,60
пресуппозициональные							
<i>жалеть</i>	1,13	0,95	–0,51	–0,91	0,18	0,40	0,22
<i>рад</i>	1,07	0,98	–0,50	–1,01	0,09	0,51	0,42
<i>гордиться</i>	1,02	1,08	–0,44	–0,97	–0,06	0,53	0,59
<i>признаться</i>	1,02	0,98	–0,50	–0,69	0,04	0,19	0,15

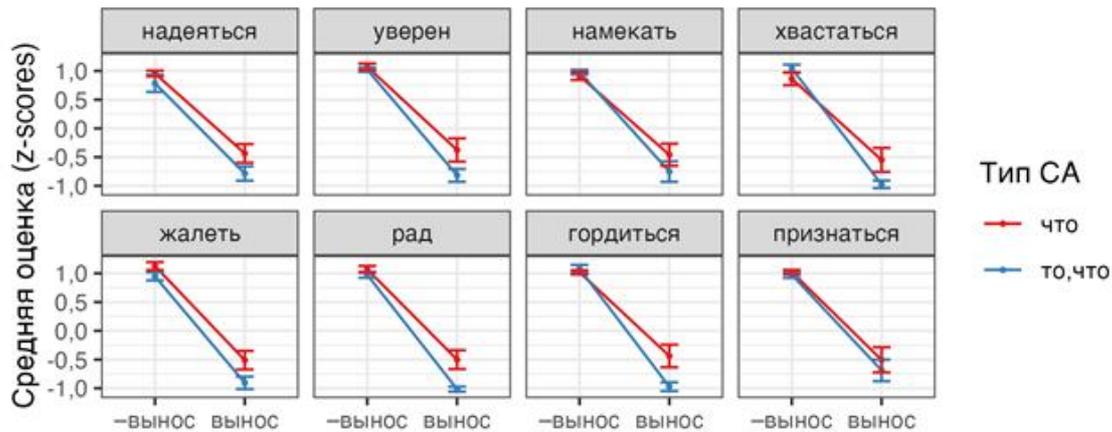

Рисунок 2. Эксперимент 1: средние стандартизованные оценки экспериментальных условий по предикатам

Что касается эффекта *то, что* при наличии выноса, то этот эффект наблюдался для всех предикатов и не зависел от класса предиката (непресуппозиционные — 0,29–0,44; пресуппозиционные — 0,19–0,53). Иначе говоря, для всех предикатов вынос из СА с *то, что* был хуже выноса из СА со *что*. Приемлемость самого выноса из *что*-клаузы была также примерно одинаковой для всех предикатов и не зависела от класса (непресуппозиционные — от –0,38 до –0,55; пресуппозиционные — от –0,44 до –0,51).

Чтобы оценить, насколько величина эффекта *то, что* (предпочтения *что*) при выносе могла объясняться предпочтением *что*-клаузы в базовой конструкции, рассмотрим эффект взаимодействия для предикатов обоих классов (*DD*). Как можно видеть, размер *DD* явным образом не зависел от класса предиката (непресуппозиционные — 0,17–0,60; пресуппозиционные — 0,15–0,59). Минимальный размер *DD* (0,15–0,22) наблюдался для непресуппозиционного глагола *надеяться* и для двух пресуппозиционных глаголов *жалеть* и *признаться*. При *надеяться* и *жалеть* клауза с *то, что* также получила более низкие оценки в базовой конструкции. Это означает, что эффект *то, что* при выносе при этих двух глаголах мог быть завышен за счет общего предпочтения *что*. Однако, по приемлемости самого выноса из *что*-клаузы эти глаголы не отличались от остальных. Кроме того, эффект взаимодействия (*DD*) для этих глаголов был не нулевой. Что касается глагола *признаться*, то здесь мы действительно наблюдаем более слабое различие в выносе между *что* и *то, что* (0,19), которое нельзя объяснить предпочтением одного из типов СА в ба-

зовой конструкции. Однако это различие также не нулевое, при этом вынос из *что* в абсолютных цифрах также не отличался от других предикатов (-0,50).

Таким образом, можно заключить, что все предикаты в той или иной степени показали различие между выносами из СА со *что* и с *то, что*, при это различие было достаточно равномерным для всех предикатов и никак не коррелировало с пресуппозициональностью, вопреки предсказаниям DP-анализа.

2.5. Обсуждение

Результаты эксперимента не дают оснований для принятия DP-анализа для СА пресуппозициональных предикатов (см. (6)), поскольку выносы из пресуппозициональных СА со *что* не отличались от соответствующих выносов из непресуппозициональных СА. Кроме того, наблюдался последовательный контраст между выносами из *что*- и *то, что*-клауз, который проще всего объяснить структурным различием между *что*- и *то, что*-клаузами, единым для обоих классов предикатов, как предполагается в рамках CP-анализа (см. (7)).

Тем не менее результаты не позволяют полностью отвергнуть DP-анализ, поскольку, как было сказано в разделе 2.1, логика проверки гипотезы исходила из допущения о том, что DP (само по себе или с CP в позиции комплемента) является **сильным островом** [Лютикова 2010, Bondarenko 2022: 328]. Альтернативный взгляд состоит в том, что DP-проекция, по крайней мере, возглавляемая нулевым D^0 , как в (6), является **слабым островом** [Kastner 2015], и, таким образом, не должна блокировать аргументный вынос, который проверялся в эксперименте (а только адъюнктивный вынос). Этот взгляд также согласуется с тем, что фактивные СА традиционно считаются слабыми островами [Szabolcsi, Lohndal 2017, i.a.]. Отметим, что такой взгляд потенциально создает проблемы для объяснения запрета на вынос из пресуппозиционального СА в аккузативной позиции при глаголах типа *объяснять*, *доказывать* и др. (см. (5b)). Здесь мы абстрагируемся от этой проблемы.

Слабоостровная гипотеза выше сталкивается со следующей проблемой. Для слабых островов, как правило, отмечается небольшое падение приемлемости даже при **аргументном** выносе, что также наблюдается для пресуппозициональных *that*-клауз в английском языке [Haegeman 2012, Kastner 2015]. Исходя из этого можно было ожидать небольшой контраст между

выносами из непресуппозициональных и пресуппозициональных СА со *что* в эксперименте (даже при большей приемлемости выносов из последних по сравнению с *то, что*). Этот контраст должен был бы отразиться во взаимодействии трех факторов (если мы сравниваем выносы из СА со *что* относительно выносов из СА с *то, что*) либо во взаимодействии выноса и класса предиката, если мы не учитываем *то, что*. Как обсуждалось выше, взаимодействие трех факторов было не значимо. Взаимодействие выноса и класса предиката также было не значимо (см. таблицу 3), хотя можно заметить численный тренд (-0,14) на уменьшение приемлемости выноса из *что*-клауз для пресуппозициональных СА.

В свою очередь, сторонники слабоостровной гипотезы могут возразить, что мы не видим влияния нулевого D⁰ на приемлемость аргументного выноса, поскольку в русском языке *что*-клаузы сами по себе являются слабыми островами [Bailyn 2020]. Иначе говоря, слабоостровной эффект нулевого D⁰ маскируется независимым слабоостровным эффектом *что*-клаузы. В таком случае, однако, этот эффект невозможно подтвердить (или опровергнуть) на русском материале, т. к. его невозможно изолировать от эффекта *что*-клаузы, по крайней мере в пресуппозициональных СА.

Другая возможная линия защиты DP-анализа состоит в том, что экспериментальная манипуляция могла быть неспособна выявить реальное различие между классами предикатов в результате эффекта «подвала» (floor effect). Как мы видели, участники в целом довольно низко оценивали вынос из СА со *что*, который получил оценку в среднем в районе 3 из 7. Если также допустить, что носители оценивали предложения с выносами из пресуппозициональных СА качественно выше, чем неприемлемые филлеры, которым они ставили оценку 1–2 (см. таблицу 1), то носителям могло не хватить нижней части шкалы для различения разной степени приемлемости между выносами из непресуппозициональных и пресуппозициональных *что*-клауз (если такое различие в реальности имело место).

Чтобы избежать этой потенциальной проблемы, был проведен эксперимент с использованием **относительного** выноса, который считается более допустимым по сравнению с вопросительным выносом по крайней мере для фактивных клауз [Моргунова 2021a]. Более того, интуитивно, предложения с относительным выносом кажутся проще для восприятия без дополнительного контекста.

3. Эксперимент 2

3.1. Гипотезы и дизайн

В эксперименте проверялись те же гипотезы и использовался тот же дизайн, что и в Эксперименте 1, за исключением того, что вместо предложений с вопросительным выносом были предложения с выносом относительного местоимения *который*, как в (14)–(15).

(14) а. *Он был уверен, что эти акции будут активно покупать.*

[НЕПРЕСУПП | –ВЫНОС | ЧТО(БЫ)]

б. *Он был уверен в том, что эти акции будут активно покупать.*

[НЕПРЕСУПП | –ВЫНОС | ТО, ЧТО(БЫ)]

с. *Акции, которые₁ он был уверен, что будут активно покупать __₁, неожиданно рухнули.*

[НЕПРЕСУПП | ВЫНОС | ЧТО(БЫ)]

д. *Акции, которые₁ он был уверен в том, что будут активно покупать __₁, неожиданно рухнули.*

[НЕПРЕСУПП | ВЫНОС | ТО, ЧТО(БЫ)]

(15) а. *Он гордился, что написал книгу в соавторстве с нобелевским лауреатом.*

[ПРЕСУПП | –ВЫНОС | ЧТО(БЫ)]

б. *Он гордился тем, что написал книгу в соавторстве с нобелевским лауреатом.*

[ПРЕСУПП | –ВЫНОС | ТО, ЧТО(БЫ)]

с. *Книга, которую₁ он гордился, что написал __₁ в соавторстве с нобелевским лауреатом, не имела успеха.*

[ПРЕСУПП | ВЫНОС | ЧТО(БЫ)]

д. *Книга, которую₁ он гордился тем, что написал __₁ в соавторстве с нобелевским лауреатом, не имела успеха.*

[ПРЕСУПП | ВЫНОС | ТО, ЧТО(БЫ)]

Дополнительно в дизайн были включены предложения с субьюнктивным СА со *чтобы* [СУБЬЮНКТ], как в (16), вынос из которых считается пол-

ностью допустимым в отличие от выноса из *что*-клауз [Khomitsevich 2007].

(16) а. Он настаивал, чтобы студенты прочитали эту статью.

[СУБЪЮНКТ | –ВЫНОС | ЧТО(БЫ)]

б. Он настаивал на том, чтобы студенты прочитали эту статью.

[СУБЪЮНКТ | –ВЫНОС | ТО, ЧТО(БЫ)]

с. Статья, которую₁ он настаивал, чтобы студенты прочитали __, оказалась недоступна для скачивания.

[СУБЪЮНКТ | ВЫНОС | ЧТО(БЫ)]

д. Статья, которую₁ он настаивал на том, чтобы студенты прочитали __, оказалась недоступна для скачивания.

[СУБЪЮНКТ | ВЫНОС | ТО, ЧТО(БЫ)]

Это условие выступало в качестве контроля для приемлемости относительного выноса из *что*-клауз, позволяя оценить, насколько в эксперименте был вероятен эффект «подвала» (см. раздел 2.5.4): если участники достаточно низко оценивают выносы из *чтобы*-клауз, то весьма вероятно, что им будет не хватать нижней части шкалы для различения выносов из *что*-клауз при непресуппозициональных и пресуппозициональных предикатах (при наличии различия между ними).

3.2. Материалы

Было использовано по 4 предиката из 3 групп — с непресуппозициональным, пресуппозициональным и субъюнктивным СА, как в (17а)–(17с). Все предикаты были субкатегоризованы на предложную группу, кроме двух в пресуппозициональной группе (*гордиться* и *удивлен*).

(17) а. *уверен, намекать, настаивать, мечтать* [НЕПРЕСУПП]

б. *жалеть, гордиться, удивлен, согласиться* [ПРЕСУПП]

с. *стремиться, следить, настаивать, мечтать* [СУБЪЮНКТ]

Два непресуппозициональных предиката были взяты из Эксперимента 1 (*уверен, намекать*). К ним были добавлены глагол речи *настаивать* и глагол воображения *мечтать*. Последние два предиката были также исполь-

зованы в субъюнктивной группе (с целью оценить различие между выносами из *что*- и *чтобы*-клауз при одном и том же предикате). Помимо *настаивать* и *мечтать*, в субъюнктивную группу были также добавлены два дезидеративных предиката *стремиться* и *следить*. В пресуппозиционную группу были включены два эмотивных фактивных предиката из Эксперимента 1 (*жалеть* и *гордиться*) и еще один эмотивный фактивный предикат *удивлен*, а также предикат ответного мнения *согласиться*, чей СА в норме имеет пресуппозицию известности. Как и в Эксперименте 1, в пресуппозиционной и непресуппозиционной группах было по одному неглагольному предикату (*уверен* и *удивлен*).

С каждым из предикатов было составлено по одному набору предложений из 4 условий с одной и той же лексикализацией, как в (14)–(16). (См. материалы в Приложении.) Во всех предложениях *который* выносился из позиции прямого дополнения и, за исключением двух случаев, обозначал неодушевленный референт в единственном числе. С двумя произвольно выбранными предикатами из каждой группы относительная клауза модифицировала вершинное существительное в позиции подлежащего в конечной позиции в матричной клаузе, а с другими двумя — прямое или косвенное дополнение в конечной позиции.

Получившиеся 48 ($= 12 \times 4$) экспериментальных предложений должны были быть распределены методом «латинского квадрата» между 4 группами участников, как в Эксперименте 1. Однако при составлении экспериментальных листов была допущена ошибка, в результате которой в пресуппозиционном классе (но не в двух других), вместо того, чтобы оценивать по 1 предложению в каждом из 4 условий, каждая группа участников оценивала все 4 предложения в одном и том же условии, как если бы для пресуппозиционного класса использовался межгрупповой (*between-subjects*) дизайн⁵. Данная ошибка потенциально могла отразиться на большем количестве «шума» в результатах для пресуппозиционного условия и, следовательно, меньшей вероятности выявления существующих различий, однако поскольку оценки в этом условии были весьма схожи с Экспериментом 1, мы считаем, что ошибка не повлияла существенно на результаты.

⁵ Данная ошибка была обнаружена уже после публикации статьи [Knyazev 2023] и поэтому в ней не упоминается.

Также было использовано 18 филлеров. Среди них было 6 неприемлемых (включая одно тренировочное предложение) с *то, что-* или *то, чтобы-* клаузами, в которых была нарушена субкатегоризация предиката, как в Эксперименте 1 (ср. (13b)). Также было 6 приемлемых филлеров (включая одно тренировочное предложение) с относительной клаузой с выносом из позиции матричного подлежащего или дополнения, которая была вложена в СА, как в (18a). Помимо этого, в качестве дополнительного контроля приемлемости относительного выноса из СА было включено 4 предложения с выносом из СА в аккузативной позиции, при *хотеть* и *просить* для *чтобы-*клауз, как в (18b), и при *считать* и *предполагать* для *что-*клауз, как в (18c). Наконец, было два предложения с неприемлемым выносом из острова сложной ИГ, как в (18d).

- (18) а. Кирилл надеялся, что вспомнит название книги₁, которую Оля читает ₁ перед сном.
- б. Вино₁, которое Таня хотела, чтобы Петя принес ₁ к ужину, было раскуплено.
- в. Стас подшил рукава костюма₁, который он предполагает, что Полина привезла ₁ для съемок.
- д. *Контракт₁, который он отверг предложение о том, чтобы продлили ₁ на следующий год, содержал семизначную сумму.

3.3. Процедура и участники

Процедура была такая же, как у Эксперимента 1. Эксперимент прошло 49 участников со средним возрастом 29,8. Были проанализированы данные 42 участников.

3.4. Результаты

Данные 7 участников были исключены из анализа на основе оценок филлеров по следующей процедуре. Для каждого участника была подсчитана средняя оценка приемлемых филлеров (не считая тренировочных) и средняя оценка филлеров с выносами из *чтобы-*клаузы. Далее из более низкой из этих двух оценок была вычтена более высокая из средних оценок неприемлемых филлеров (без тренировочных) и филлеров с выносами из сложной ИГ. У исключенных участников полученная разность была нуле-

вой или отрицательной, иначе говоря, они плохо различали приемлемые и неприемлемые предложения.

3.4.1. Филлеры

Средние нестандартизованные и стандартизованные оценки филлеров приведены в таблице 5.

Таблица 5. Эксперимент 2: средние нестандартизованные и стандартизованные оценки филлеров (со стандартной ошибкой среднего)

тип филлера	средняя оценка	средняя стандартизованная оценка
приемлемые	6,38 (0,07)	1,02 (0,03)
приемлемые (тренировочные)	6,57 (0,11)	1,08 (0,05)
неприемлемые—селекция	1,39 (0,06)	−0,97 (0,02)
неприемлемые—селекция (тренировочные)	1,17 (0,06)	−1,07 (0,04)
неприемлемые—сложная ИГ	1,17 (0,05)	−1,06 (0,02)
вынос из <i>чтобы</i> -клаузы (контроль)	4,33 (0,17)	0,20 (0,06)
вынос из <i>что</i> -клаузы (контроль)	2,68 (0,17)	−0,45 (0,06)

Оценки филлеров не сильно отличались от Эксперимента 1 (см. таблицу 1). Вопреки ожиданиям, относительный вынос из *что*-клауз в аккузативной позиции (в одном из контрольных условий) имел примерно тот же балл, что и соответствующий вопросительный вынос в Эксперименте 1 (выносы при *считать* и *предполагать* практически не отличались друг от друга). При этом выносы из *чтобы*-клауз в аккузативной позиции были оценены довольно высоко, особенно для *хотеть* (исходная оценка — 5,07; стандартизованная оценка — 0,49); для *просить* были получены оценки 3,60 и −0,09.

3.4.2. Общие результаты

Средние оценки экспериментальных условий приведены в таблице 6, а также на рисунке 3 (для стандартизованных оценок).

Таблица 6. Эксперимент 2: средние нестандартизованные и стандартизованные оценки экспериментальных условий (со стандартной ошибкой среднего)

класс предиката	тип конструкции	тип СА	средняя оценка	средняя стандартизованная оценка
непресуппозиционные	–вынос	<i>что</i>	6,43 (0,20)	1,04 (0,09)
		<i>то, что</i>	6,43 (0,16)	1,05 (0,07)
	вынос	<i>что</i>	3,38 (0,26)	–0,18 (0,09)
		<i>то, что</i>	1,55 (0,13)	–0,91 (0,05)
пресуппозиционные	–вынос	<i>что</i>	6,58 (0,15)	0,93 (0,05)
		<i>то, что</i>	6,21 (0,28)	0,98 (0,12)
	вынос	<i>что</i>	2,88 (0,26)	–0,43 (0,10)
		<i>то, что</i>	1,34 (0,09)	–0,84 (0,03)
субьюнктивные	–вынос	<i>чтобы</i>	5,88 (0,23)	0,82 (0,09)
		<i>то, чтобы</i>	6,79 (0,10)	1,17 (0,05)
	вынос	<i>чтобы</i>	3,33 (0,29)	–0,19 (0,10)
		<i>то, чтобы</i>	1,83 (0,17)	–0,78 (0,07)

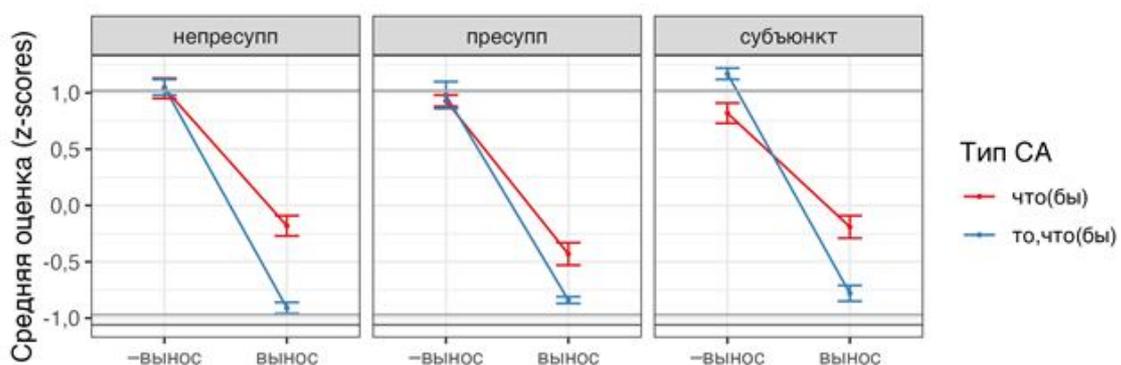

Рисунок 3. Эксперимент 2: средние стандартизованные оценки экспериментальных условий (со стандартной ошибкой среднего)

Как и в Эксперименте 1, носители в среднем выше оценивали выносы из *что*-клауз по сравнению с выносами из *то, что*-клауз. При этом для непресуппозиционных предикатов этот контраст визуально немного

более выражен за счет более высокой оценки для выносов из *что*-клауз, как видно на графиках на рисунке 3. Для субъективных предикатов визуально имеется примерно такой же контраст между выносами из клауз с *то* и без *то*, как для непресуппозициональных предикатов. Также в этой группе (но не в двух других) можно видеть предпочтение клауз с *то* по сравнению с клаузами без *то* в базовой конструкции, за счет которого визуально наблюдается более сильное взаимодействие между выносом и наличием *то* (разница между наклоном прямой для *чтобы* и *то, чтобы*), чем в двух других группах.

Для оценки статистической значимости, была построена смешанная линейная модель для стандартизованных оценок, в которую были включены фиксированные эффекты выноса, типа СА и класса предиката, а также случайные эффекты испытуемого и стимула. Как и для Эксперимента 1, в качестве базового уровня выступали отсутствие выноса, клауза без *то* и непресуппозициональный класс. Для большего сходства класс предиката кодировался с помощью простых контрастов, т. е. пресуппозициональный и субъективный класс сравнивался с непресуппозициональным (каждый по отдельности).

Результаты модели приведены в таблице 7. Был получен значимый эффект выноса, показывающий, что наличие выноса (из *что*-клауз) понижало приемлемость предложения (для непресуппозициональных предикатов). Этот эффект не взаимодействовал с классом предиката. Это указывает на то, что наличие выноса (из клауз без *то*) одинаково влияло на все три класса. При этом можно отметить численный тренд в сторону меньшей приемлемости выноса для пресуппозициональных предикатов, как видно из коэффициента $-0,22$ для взаимодействия выноса и пресуппозициональности, а также тренд $(0,22)$ в сторону большей приемлемости выноса для субъективных предикатов. Также было получено значимое взаимодействие между выносом и наличием *то*, показывающее, что выносы из клауз с *то* были менее приемлемы, чем выносы из клауз без *то* (для непресуппозициональных предикатов). Принципиально, что взаимодействие трех факторов было незначимо. Это означает, что, несмотря на небольшой визуальный контраст между графиками на рисунке 3, взаимодействие между выносом и наличием *то* (меньшая приемлемость выносов при наличии *то*) было **одинаковым** для всех трех классов предикатов, вопреки предсказаниям DP-анализа. Было также обнаружено взаимодействие между наличием *то* и субъективностью предиката, которое заключалось в том,

что клаузы с *то* оценивались выше, чем клаузы без *то*, с субъонктивными предикатами (в базовой конструкции), тогда как для двух других групп клаузы с *то* и без *то* не различались. Наконец, был обнаружен маргинально значимый эффект ($p = 0,052$) субъонктивности предиката, который заключался в том, что клаузы без *то* имели тенденцию оцениваться ниже с субъонктивными предикатами, чем с непресуппозиционными в базовой конструкции.

Таблица 7. Эксперимент 2: коэффициенты смешанной линейной модели

(Примечание. *Estimate* — коэффициент наклона предиктора, посчитанный моделью; *CI* — доверительный интервал этого коэффициента; *p* — *p*-значение коэффициента; *Intercept* — интерцепт; *sentence_type* — тип конструкции; *extraction* — вынос; *complement_type* — тип СА; *predicate_class* — класс предиката; *presupp* — пресуппозиционные; *subjunct* — субъонктивные)

предиктор	<i>Estimate</i>	<i>CI</i>	<i>p</i>
(Intercept)	1,03	[0,87; 1,20]	< 0,001
sentence_type [extraction]	-1,20	[-1,40; -1,00]	< 0,001
complement_type [to_чto(by)]	0,00	[-0,20; 0,20]	0,983
predicate_class [presupp]	-0,06	[-0,28; 0,16]	0,580
predicate_class [subjunct]	-0,22	[-0,45; 0,00]	0,052
sentence_type [extraction] × complement_type [to_чto(by)]	-0,73	[-1,02; -0,45]	< 0,001
sentence_type [extraction] × predicate_class [presupp]	-0,22	[-0,52; 0,07]	0,139
sentence_type [extraction] × predicate_class [subjunct]	0,21	[-0,07; 0,49]	0,148
complement_type [to_чto(by)] × predicate_class [presupp]	0,04	[-0,26; 0,34]	0,798
complement_type [to_чto(by)] × predicate_class [subjunct]	0,37	[0,08; 0,65]	0,011
sentence_type [extraction] × complement_type [to_чto(by)] × predicate_class [presupp]	0,27	[-0,15; 0,69]	0,210
sentence_type [extraction] × complement_type [to_чto(by)] × predicate_class [subjunct]	-0,24	[-0,64; 0,16]	0,235

В целом эти результаты воспроизводят картину, полученную для Эксперимента 1, не давая оснований для DP-анализа. Пожалуй, наиболее неожиданным результатом было то, что выносы из *чтобы*-клауз не были оценены как более приемлемые по сравнению с выносами из *что*-клауз (при непресуппозиционных предикатах).

3.4.3. Результаты по предикатам

Средние стандартизованные оценки по предикатам приведены в таблице 8 и на рисунке 4.

Таблица 8. Эксперимент 2: средние стандартизованные оценки экспериментальных условий по предикатам

(Примечание. Эффект *то, что(бы)* — разность между СА со *что* и СА с *то, что*; *DD* — разность между эффектом *то, что* при наличии и отсутствии выноса)

предикат	–ВЫНОС		ВЫНОС		эффект <i>то, что(бы)</i>		<i>DD</i>
	<i>что(бы)</i>	<i>то, что(бы)</i>	<i>что(бы)</i>	<i>то, что(бы)</i>	–ВЫНОС	ВЫНОС	
непресуппозиционные							
<i>уверен</i>	1,26	1,15	–0,30	–0,91	0,11	0,61	0,50
<i>намекать</i>	1,36	1,04	–0,09	–0,88	0,32	0,79	0,47
<i>настаивать</i>	0,61	1,00	–0,07	–0,80	–0,39	0,73	1,12
<i>мечтать</i>	0,94	0,92	–0,16	–1,06	0,02	0,90	0,88
пресуппозиционные							
<i>жалеть</i>	0,84	1,13	0,01	–0,95	–0,29	0,96	1,25
<i>гордиться</i>	1,01	1,13	–0,78	–0,78	–0,12	0,00	0,12
<i>удивлен</i>	1,00	0,50	–0,38	–0,89	0,50	0,51	0,01
<i>согласиться</i>	0,89	1,18	–0,58	–0,73	–0,29	0,15	0,44
субьюнктивные							
<i>стремиться</i>	0,42	1,03	–0,03	–1,01	–0,61	0,98	1,59
<i>следить</i>	1,04	1,03	–0,74	–0,84	0,01	0,10	0,09
<i>настаивать</i>	0,68	1,31	0,32	–0,42	–0,63	0,74	1,37
<i>мечтать</i>	1,00	1,32	–0,40	–1,02	–0,32	0,62	0,94

Как можно видеть, для непресуппозиционных предикатов наблюдался последовательный контраст между выносами из *что-* и *то, что-*клауз. Выносы из *что-*клауз оценивались как среднеприемлемые с оценками от –0,30 до –0,07, тогда как выносы из *то, что-*клауз получили оценки от –1,06 до –0,80, близкие к неприемлемым филлерам (см. таблицу 5). Кроме того, для всех предикатов этой группы наблюдался эффект *то, что* при выносе (0,61–0,90), который при этом не сводился к общему предпочтению *что-*клауз, что отражено в положительной величине *DD* (0,50–1,12). Отметим также, что относительный вынос из *что-*клауз при непресуппо-

зициональных предикатах оценивался выше, чем вопросительный вынос в Эксперименте 1 (с оценками от $-0,38$ до $-0,55$), ср. также средние оценки: $-0,18$ против $-0,45$ в Эксперименте 1.

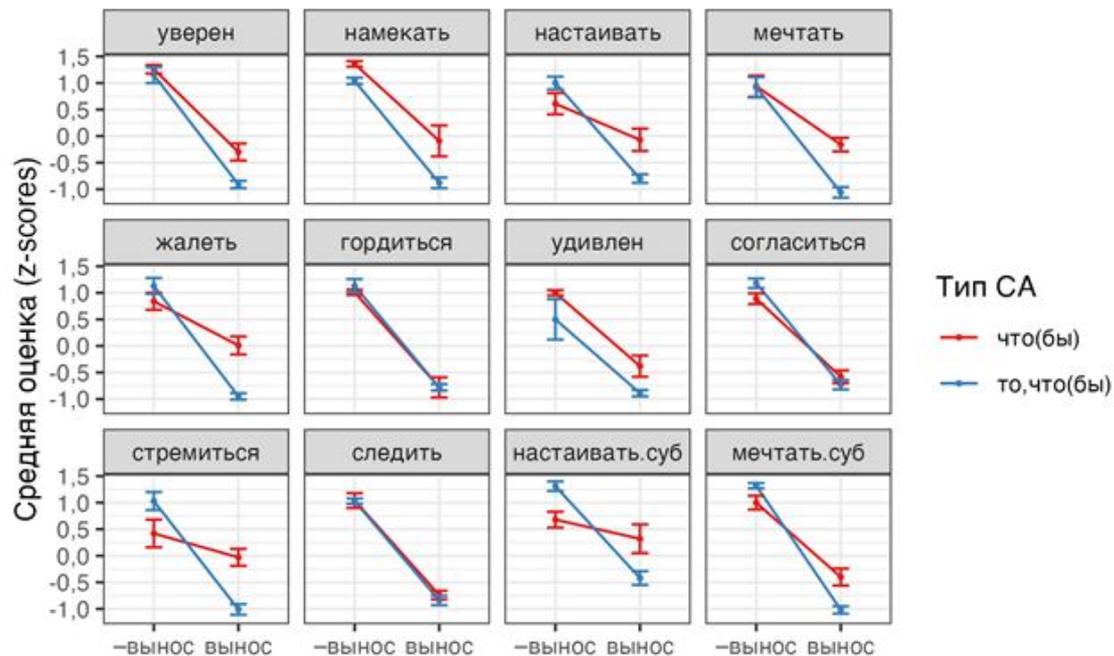

Рисунок 4. Эксперимент 2: средние стандартизованные оценки экспериментальных условий по предикатам

Для пресуппозициональных предикатов картина была менее однозначная. Два предиката (*жалеть* и *удивлен*) показали сопоставимые с пресуппозициональной группой оценки выносов из *что*-клауз ($0,01$ и $-0,38$), а также эффект *то, что* при выносе ($0,96$ и $0,51$). Этот эффект отражался в положительной величине *DD* только для *жалеть*, т. к. для *удивлен* приемлемость *то, что*-клаузы была снижена также в базовой конструкции, что предположительно связано с наличием вариативного управления (*тем / тому*) при этом предикате (ср. увеличенный размер стандартной ошибки среднего по сравнению с другими предикатами в этом условии на рисунке 4). Однако, поскольку в оценках выносов из *что*- и *то, что*-клауз предикат *удивлен* почти не отличался от *уверен* в пресуппозициональной группе, мы считаем маловероятным, чтобы эффект *то, что* при выносе мог сводиться к общему предпочтению *что*-клауз при этом предикате. Таким образом, результаты для *жалеть* и *удивлен* скорее согласуются с предсказаниями CP-анализа.

Напротив, для двух других предикатов (*гордиться* и *согласиться*) эффект *то, что* при выносе почти отсутствует (0,00 и 0,15), при этом в обоих случаях наблюдается достаточно низкая приемлемость выноса из *что*-клауз (-0,78 и -0,58) по сравнению с другими предикатами. Для *согласиться* при этом наблюдается достаточно высокое взаимодействие (*DD*) в размере 0,44 (по сравнению с 0,12 для *гордиться*), однако оно возникает за счет предпочтения *то, что*-клаузы в базовой конструкции. Таким образом, результаты для *гордиться* и *согласиться* скорее согласуются с предсказаниями DP-анализа.

В целом можно говорить о смешанной картине для пресуппозициональной группы, соответствующей предсказаниям каждого из анализов (DP или CP) лишь отчасти. Однако следует учитывать, что, тогда как CP-анализ предсказывал наличие эффекта для предикатов этой группы, DP-анализ предсказывал **отсутствие** эффекта. Тот факт, что эффект был **обнаружен** для части (половины) предикатов непосредственно противоречит DP-анализу, в то время как необнаружение эффекта для другой половины предикатов не столь явно противоречит CP-анализу, поскольку обнаружению эффекта могло препятствовать наличие шума в результатах (что было весьма вероятно, учитывая методологическую проблему, которая обсуждалась в разделе 3.2), а также в целом недостаток статистической мощности. Таким образом, в своей совокупности результаты скорее совместимы с CP-, чем с DP-анализом, хотя поведение глаголов *гордиться* и *согласиться*, бесспорно, нуждается в дальнейшем уточнении.

Для всех глаголов субъюнктивной группы, кроме *следить*, наблюдался довольно выраженный эффект *то* при выносе (0,62–0,98), который невозможно свести к общему предпочтению *чтобы*-клауз, поскольку в базовой конструкции предпочитались клаузы с *то*. При этом величина этого эффекта, равно как и оценка самого выноса из *чтобы*-клауз (-0,40–0,32), вопреки ожиданиям, были схожи с результатами для *что*-клауз с непресуппозициональными предикатами. Интересно также отметить, что вынос из *то, чтобы*-клаузы для глагола *настаивать* получил достаточно высокую оценку -0,42 (при оценке не выше -0,73 для остальных предикатов), сопоставимую с выносом из *чтобы*-клаузы при *мечтать* (-0,40), что может быть проблематично для гипотезы о том, что *то* создает абсолютный барьер для выноса. Что касается глагола *следить*, то при нем наличие *то* практически не влияло на допустимость выноса, поскольку вынос с обоими типами CA получил довольно низкую оценку. Низкая приемлемость

выноса в этом случае может быть связана с тем, что при этом предикате *чтобы*-клауза по крайней мере частью участников воспринимается как целевой адьюнкт и, соответственно, блокирует вынос в силу острова синтаксического адьюнкта, однако эта гипотеза нуждается в проверке.

3.5. Обсуждение

Результаты этого эксперимента оказались ближе к предсказаниям DP-анализа по сравнению с предыдущим, поскольку для двух из 4 пресуппозиционных предикатов (*гордиться* и *согласиться*) вынос из *что*-клауз имел довольно низкую приемлемость и не отличался от выноса из *то, что*-клауз. При этом для двух других пресуппозиционных предикатов (*жалеть* и *удивлен*) вынос из *что*-клауз показал среднюю приемлемость и оценивался значительно выше выноса из *то, что*-клауз, не отличаясь от группы непресуппозиционных предикатов.

При этом что результаты этого эксперимента оказались смешанными, они в большей степени противоречат DP-анализу, поскольку этот анализ предсказывает понижение приемлемости выносов из *что*-клауз для **всех** пресуппозиционных СА (относительно непресуппозиционных), которое не наблюдалось для двух бесспорно пресуппозиционных предикатов. В то же время CP-анализ не предсказывает такого понижения, однако он в принципе совместим с ним, например, если оно вызвано какими-то независимыми факторами. Кроме того, как отмечалось в предыдущем разделе, неразличение приемлемости выносов из *что*- и *то, что*-клауз при *гордиться* и *согласиться* может быть лишь мнимым и быть связанным с недостаточной мощностью эксперимента.

Важно отметить, что, поскольку приемлемость относительного выноса из *что*-клауз, по крайней мере для непресуппозиционных предикатов, оказалась в среднем выше по сравнению с вопросительным выносом в Эксперименте 1 и находилась близко к середине шкалы, отсутствие ключевого для проверки DP-анализа взаимодействия трех факторов сложно объяснить эффектом «подвала». Иначе говоря, эксперимент в принципе позволял носителям различить по степени приемлемости выносы из *что*-клауз при непресуппозиционных и пресуппозиционных предикатах (если бы они систематически различались). Таким образом, тот факт, что эксперимент не показал этого различия, следует связывать именно с отсутствием последовательного влияния пресуппозиционности СА на вынос.

Довольно неожиданным результатом оказалось то, что выносы из *чтобы*-клауз, в том числе при *просить* в филлерах (см. таблицу 4), мало отличались от выносов из *что*-клауз при непресуппозициональных предикатах. (Это не касается выносов при *хотеть* в филлерах, которые были оценены выше.) Также неожиданным было то, что выносы из *что*-клауз в аккумулятивной позиции при *считать* и *предполагать* в филлерах были оценены ниже, чем выносы из *что*-клауз в косвеннообъектной позиции при непресуппозициональных предикатах. Это может быть связано с дополнительными особенностями этих филлеров, например, с использованием настоящего времени в относительной клаузе (для обозначения одновременности в прошлом), тогда как в экспериментальных предложениях было использовано прошедшее время (ср. (18с), а также материалы в Приложении).

4. Общее обсуждение и заключение

В центре внимания данной статьи была проверка гипотезы (1), предполагающей обязательное наличие номинализующей структуры (в том числе абстрактной) в пресуппозициональных клаузах. Целью проведенных экспериментов была проверка этой гипотезы для предикатов с СА в косвеннообъектной позиции, таких, как *жалеть* и *гордиться*. Фокус на таких предикатах был связан с тем, что для предикатов с СА в аккумулятивной позиции, таких, как *объяснять* и *отрицать*, как мы видели в разделе 1, уже имеются хорошие основания для постулирования абстрактной номинализующей структуры, а именно недопустимость выноса из СА (ср. (5b)), а также допустимость выраженного *то*, в отличие от аналогичных непресуппозициональных предикатов (ср. (3)–(4)).

В случае же пресуппозициональных предикатов с косвеннообъектным СА допустимость *то* не диагностирует наличие номинализующей структуры, поскольку в косвеннообъектной позиции *то*, очевидно, допустимо и для непресуппозициональных предикатов типа *надеяться* (хотя и с меньшей частотностью [Knyazev, Ustinova 2023]). Соответственно, мы были бы вынуждены постулировать такую структуру для *что*-клауз с обоими классами предикатов. Что касается данных выноса, то такие данные для косвеннообъектных СА, насколько нам известно, в литературе отсутствуют. Таким образом, целью данной статьи было заполнить этот пробел.

При рассмотрении гипотезы (1) мы противопоставляли подходы [Knyazev 2022] и [Bondarenko 2022], которые по-разному трактуют статус косвенно-объектных СА со *что* при пресуппозициональных предикатах. Подход Т. Бондаренко (CP-анализ) не распространяет на них действие гипотезы и анализирует их как составляющие категории CP по причине предполагаемой недопустимости нулевого D^0 в косвенных позициях, тогда как первый подход (DP-анализ) не проводит различия в категориальном статусе пресуппозициональных СА в прямых и косвенных позициях. С точки зрения подхода Т. Бондаренко, ожидается, что СА со *что* при пресуппозициональных предикатах типа *жалеть* и *гордиться* не должен отличаться по структурным свойствам, в том числе по допустимости выносов, от СА при пресуппозициональных предикатах типа *надеяться*, тогда как, с точки зрения подхода в [Knyazev 2022], СА при предикатах типа *жалеть* вложен в абстрактную DP-оболочку и, таким образом, ожидается меньшая приемлемость выноса из него по сравнению с СА при предикатах типа *надеяться*.

Результаты экспериментов скорее согласуются с предсказаниями CP-анализа в [Bondarenko 2022], поскольку не наблюдалось систематического понижения приемлемости для выносов из *что*-клауз при пресуппозициональных предикатах (по сравнению с непресуппозициональными). При этом довольно последовательно наблюдалось понижение приемлемости для выносов из *то, что*-клауз по сравнению с выносами из *что*-клауз (за исключением относительного выноса при *гордиться* и *согласиться*).

Как отмечалось в разделе 2.5, эти результаты не позволяют сразу отвергнуть DP-анализ, т. к. можно предположить, что DP является слабым островом и, соответственно, не блокирует аргументный вынос [Kastner 2015]. Однако, как отмечалось там же, слабоостровную гипотезу практически невозможно проверить на русском материале в силу вероятного слабоостровного профиля *что*-клауз в целом [Bailyn 2020], что также согласуется со средней приемлемостью аргументного выноса из них в настоящих экспериментах. (Разумеется, для подтверждения этого факта необходимы данные адьюнктного выноса, который в этой статье не рассматривался.) Возможным способом проверки слабоостровного статуса нулевого D^0 могло бы стать рассмотрение адьюнктного выноса из *чтобы*-клауз при отрицании фактивных предикатов, как в примерах типа (19) (ср. обсуждение в [Bondarenko 2022: 329]), однако в таком случае необходимо установить, что такие *чтобы*-клаузы сами не являются слабыми островами.

(19) ??Где₁ ты не помнишь, [_{DP} ∅ [_{CP} чтобы Маша танцевала₋₁]]?

Таким образом, при слабоостровной трактовке нулевого D⁰ результаты экспериментов в принципе не исключают DP-анализ пресуппозициональных СА, но в таком случае более естественно ожидать DP-анализ для **всех** СА, независимо от пресуппозициональности [Кныазев 2016], поскольку такой анализ мог бы объяснить пониженную приемлемость выносов из *что*-клауз при обоих классах предикатов (независимо от допущений об особых формальных признаках комплементаризера *что*, связанных с эффектами «относительной минимальности» и объясняющих его слабоостровной статус [Bailyn 2020]). Такой подход, однако полностью противоречит духу гипотезы (1). С учетом этих соображений более оправданным с свете экспериментальных результатов представляется CP-анализ.

При принятии CP-анализа для косвеннообъектных СА при пресуппозициональных предикатах типа *жалеть*, однако, встает вопрос о том, насколько такой анализ совместим с гипотезой (1) об обязательной номинализации пресуппозициональных клауз. Как обсуждалось в разделе 1, с точки зрения [Bondarenko 2022], гипотеза (1) является эпифеноменом, поскольку требование номинализации на самом деле распространяется на СА, соотнесенный с аргументом предиката (хотя статус такого СА коррелирует с пресуппозициональностью, он не сводится к ней).

Таким образом, чтобы объяснить отсутствие (абстрактной) номинализации СА без *то* при предикатах типа *жалеть*, Т. Бондаренко вынуждена признать, что такой СА не соотнесен с аргументом глагола, а является модификатором с точки зрения семантической композиции. Иначе говоря, в неформальном виде семантику *что*-клаузы при глаголах типа *жалеть* можно представить, как в (20a), тогда как *то*, *что*-клауза будет иметь семантику фактивного аргумента, как в (20b).

(20) а. *Вася жалеет*, [_{CP} что одолжил деньги Андрею]. ≈

‘Вася пребывает в состоянии жалости и содержание этого состояния таково, что Вася одолжил деньги Андрею’

б. *Вася жалеет* [_{PP} о [_{DP} том, [_{CP} что одолжил деньги Андрею]]]. ≈

‘Вася пребывает в состоянии жалости о некоем факте и содержание этого факта таково, что Вася одолжил деньги Андрею’

В поддержку семантического различия между *что*- и *то, что*-клаузами при предикатах типа *жалеть*, как в (20a)–(20b), Т. Бондаренко приводит примеры типа (21), указывая на возможность одновременного выражения двух типов СА.

(21) [*Мой знакомый*] часто хвастался этим, что как круто он решает вопросы. ([URL](#)) [Bondarenko 2022: 339]

Этот пример, однако, не вполне убедителен, т. к. СА со *что* здесь может быть интерпретирован как находящийся в аппозиции к местоимению *это*. Более подходящими могли бы стать примеры типа (22) с добавлением *что* (или даже заменой *мол* на *что*), которое предположительно было бы маргинально допустимо в разговорной речи (ср. [Летучий 2023]). Такие примеры требуют дальнейшего изучения.

(22) Сейчас 56-летний кочегар Геннадий Егорович жалеет о своем звонке, мол, наделал столько шума, но ничего не вернуть. ([URL](#))

Согласно второму аргументу Т. Бондаренко, семантический анализ СА со *что* в (20a) предсказывает, что предикаты, обозначающие такие состояния, которые предположительно не могут быть соотнесены с пропозициональным содержанием, как, например, (*вос*)пользоваться, не будут допускать *что*-клаузу и будут требовать *то, что*-клаузу, как в (23).

(23) Артем пользовался *(*тем*), что лектор не отмечал посещение. [Bondarenko 2022: 338–339]

Этот аргумент, однако, не свободен от циркулярности, поскольку сложно найти **независимые** критерии того, может ли предикат быть соотнесен с пропозициональным содержанием (помимо его способности употребляться со *что*-клаузой). Более того, был обнаружен прямой контрпример к утверждению Т. Бондаренко, как в (24) (обратим внимание, что пример был взят из новостного сообщения).

(24) Как выяснилось позже, гость воспользовался, что хозяин заснул [,] и решил покататься на чужом автомобиле без разрешения. ([URL](#))

В целом предлагаемая Т. Бондаренко семантическая мотивация СР-анализа для косвеннообъектных СА при пресуппозициональных предика-

тах кажется вполне оправданной, однако, учитывая, насколько тонко семантическое различие в (20a)–(20b), требуются дополнительные, более сильные, аргументы в пользу такого различия.

Помимо этого, в связи с анализом в (20a) также возникают вопросы о статусе пресуппозициональности СА. В рамках этого анализа мы вынуждены считать *что*-клаузы при предикатах типа *жалеть* в общем случае непресуппозициональными, как предлагалось в некоторых подходах [Heim 1992, Djärv 2019]. В противном случае необходимо объяснить, как именно возникает пресуппозициональность в таких примерах, учитывая, что модификатор не может быть лексически специфицирован как пресуппозициональный, а также учитывая, что пресуппозициональность здесь не может быть следствием кодирования СА с помощью DP (ср. [Hanink, Vochnak 2022]).

Следует подчеркнуть, что принятие CP-анализа для косвеннообъектных СА традиционных пресуппозициональных предикатов типа *жалеть* и *гордиться*, не вынуждает нас целиком принимать анализ Т. Бондаренко, в частности, допущение о **строгой корреляции** между фактивной семантикой и номинализованностью СА. Альтернативная трактовка состоит в том, чтобы отказаться от гипотезы (1) и считать, что фактивные/пресуппозициональные СА могут выражаться как номинализованными (DP), так и ненормализованными клаузами (CP), что позволило бы избежать проблем, связанных с объяснением пресуппозициональности косвеннообъектных СА. При таком подходе, однако, встает вопрос об объяснении, а для начала — экспериментальной верификации фактов неприемлемости выноса из пресуппозициональных СА в **аккузативной** позиции при глаголах типа *объяснять* и *доказывать* (ср. (5b)). Но это задача для будущего исследования.

Список источников / References

- Князев 2022 — Князев М.Ю. Фактивность и информационный статус как условия употребления номинализованных клауз // Типология морфосинтаксических параметров. 2022. Том 5, вып. 1. С. 35–55. [Knyazev M. Factivity and information status as determinants of the distribution of nominalized clauses. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2022. Vol. 5, iss. 1. Pp. 35–55.]
- Кобозева 2013 — Кобозева И.М. Условия употребления «то» перед придаточным изъяснительным с союзом «что». *Du mot au texte. Études slavo-romanes*. Inkova O. (éd.). Bern: Peter Lang, 2013. С. 129–148. [Kobozeva I. M. Conditions of use of to before the complement clause with conjunction *chto*. *Du mot au texte. Études slavo-romanes*. Inkova O. (éd.). Bern: Peter Lang, 2013. Pp. 129–148.]

- Коротаев 2016 — Коротаев Н.А. Союз *то что* в устной русской речи // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2016. Т. 13. No. 1. С. 101–106. [Korotaev N.A. The conjunction *to čto* in spoken Russian. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. 13. No. 1. Pp. 101–106.]
- Летучий 2023 — Летучий А.Б. Особенности разговорного употребления союза *что*: цитативность и другие нестандартные свойства // *Вопросы языкознания*. 2023. Вып. 3. Сс. 27–59. [Letuchiy A. B. Russian colloquial complement clauses with *čto*: Quotative use and other special properties. *Voprosy Jazykoznanija*. 2023. iss. 3. Pp. 27–59.]
- Лютикова 2010 — Лютикова Е.А. К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. 2010. No 6. С. 36–76. [Lyutikova E.A. Towards the categorial status of noun phrases in Russian. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. 2010. No 6. Pp. 36–76.]
- Моргунова 2021a — Моргунова Е.В. Островные конструкции в русском языке // Лютикова Е.А., Герасимова А.А. (ред.). *Русские острова в свете экспериментальных данных*. Коллективная монография. Буки-Веди, Москва, 2021. Сс. 35–55. [Morgunova E.V. Island constructions in Russian. Lyutikova E. A., Gerasimova A.A. *Russkie ostrova v svete èksperimental'nykh dannyx*. Kollektivnaja monografija. Buki-Vedi, Moscow, 2021. Pp. 35–55.]
- Моргунова 2021b — Моргунова Е.В. Островные свойства придаточных изъяснительных с союзом *что* // Лютикова Е.А., Герасимова А.А. (ред.). *Русские острова в свете экспериментальных данных*. Коллективная монография. Буки-Веди, Москва, 2021. С. 79–99. [Morgunova E.V. Island properties of finite embedded clauses with the complemetizer *čto*. Lyutikova E. A., Gerasimova A.A. *Russkie ostrova v svete èksperimental'nykh dannyx*. Kollektivnaja monografija. Buki-Vedi, Moscow, 2021. Pp. 79–99.]
- Bailyn 2020 — Bailyn J. The scrambling paradox. *Linguistic Inquiry*. 2020. Vol. 51. No. 4. Pp. 635–669.
- Bochnak, Hanink 2022 — Bochnak M.R., Hanink E.A. Clausal embedding in Washo: Complementation vs. modification. *Natural Language & Linguistic Theory* 2022. Vol. 40. Pp. 979–1022.
- Bondarenko 2020 — Bondarenko T. Factivity from pre-existence: Evidence from Barguzin Buryat. *Glossa: A Journal of General Linguistics*. 2020. Vol. 5. Pp.1–35.
- Bondarenko 2021 — Bondarenko T. How do we explain that CPs have two readings with some verbs of speech? Harley, Heidi B; Romero Diaz, Damian Yukio; Whitney, Rebecca M; Ni, Tianyi; Yu, Jianrong; Hall Hartley, Lucy Jane; et al. (2021). 39th West Coast Conference on Formal Linguistics. University of Arizona Research Data Repository. Collection. <https://doi.org/10.25422/azu.data.c.5325401.v2> URL (accessed on 06.11.2023).
- Bondarenko 2022 — Bondarenko T. Anatomy of an attitude. PhD diss. MIT, 2022.
- Degen, Tonhauser 2022 — Degen J., Tonhauser J. Are there factive predicates? An empirical investigation. *Language*. 2022. Vol. 98. No. 3. Pp. 552–591.
- Djävrv 2019 — Djävrv K. Factive and assertive attitude reports. PhD dis, University of Pennsylvania, 2019.
- Elliott 2020 — Elliott P. D. *Elements of clausal embedding*. PhD dis. UCL (University College London), 2020.

- Jarvis 2021 — Jarvis R. Presuppositionality and syntactic nominalization in finite clausal complements. *Proceedings of the 39th West Coast Conference on Formal Linguistics (WCCFL 39)*. 2021. Harley, Heidi B; Romero Diaz, Damian Yukio; Whitney, Rebecca M; Ni, Tianyi; Yu, Jianrong; Hall Hartley, Lucy Jane; et al. (2021). 39th West Coast Conference on Formal Linguistics. University of Arizona Research Data Repository. Collection. <https://doi.org/10.25422/azu.data.c.5325401.v2> URL (accessed on 06.11.2023).
- Haegeman 2012 — Haegeman L. Adverbial clauses, main clause phenomena, and composition of the left periphery: The cartography of syntactic structures. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Haegeman, Ürögdi 2010 — Haegeman L., Ürögdi B. Referential CPs and DPs: An operator movement account. *Theoretical Linguistics*. 2010. Vol. 36, Pp. 111–152.
- Hartman 2012 — Hartman J. *Varieties of clausal complementation*. PhD diss. MIT, 2012.
- Heim 1992 — Heim I. Presupposition projection and the semantics of attitude verbs. *Journal of Semantics*, 1992. Vol. 9. No. 3. Pp. 183–221.
- Hofmeister, Sag 2010 — Hofmeister P., Sag I.A. Cognitive constraints and island effects. *Language*. 2010. Vol. 86. No. 2. Pp. 366.
- Kastner 2015 — Kastner I. Factivity mirrors interpretation: The selectional requirements of presuppositional verbs. *Lingua*. Vol. 164. Pp. 156–188.
- Khomitsevich 2007 — Khomitsevich O. Dependencies across Phases: From sequence of tense to restrictions on movement. PhD dis. Utrecht University, 2007.
- Kiparsky, Kiparsky 1970 — Kiparsky C., Kiparsky P. Fact. *Progress in Linguistics*. Bierwisch M., Heidolph K. E. (ed.). The Hague: Mouton, 1970. Pp. 143–173.
- Knyazev 2016 — Knyazev M. *Licensing clausal complements. The case of Russian čto-clauses*. PhD dis. Utrecht University, 2016.
- Knyazev 2022 — Knyazev M. Spanning complement-taking verbs and spanning complementizers: On the realization of presuppositional clauses. *Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 58. No. 4. Pp. 887–899.
- Knyazev 2023 — Knyazev M. An experimental study of argument extraction from presuppositional clauses in Russian. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2023)*. Vol. 22. Pp. 242–252.
- Knyazev, Ustinova 2023 — Knyazev M., Ustinova I. The role of case and presuppositionality in the distribution of *to čto*-clauses in colloquial Russian: an experimental study. *Russian Linguistics*. 2023. Vol. 47, No. 1. Pp. 87–121.
- Moulton 2015 — Moulton K. CPs: Copies and compositionality. *Linguistic Inquiry*. 2015. Vol. 46. No. 2. Pp. 305–342.
- Pereltsvaig 2007 — Pereltsvaig A. The universality of DP: A view from Russian. *Studia Linguistica*. 2007. Vol. 61. No. 1. Pp. 59–94.
- Sprouse et al., 2016 — Sprouse J., Caponigro I., Greco C., Cecchetto C. Experimental syntax and the variation of island effects in English and Italian. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2016. Vol. 34. No. 1. Pp. 307–344.
- Szabolcsi, Lohndal 2017 — Szabolcsi, A. and Lohndal, T. Everaert M., Riemsdijk H.C. Strong vs. Weak Islands. *The Wiley Blackwell Companion to Syntax, Second Edition*. 2017. Malden, MA: John Wiley & Sons. Pp. 1–51.

Приложение

Эксперимент 1

Экспериментальные предложения

Вася жалеет (о том), что одолжил деньги Андрею.

Кому Вася жалеет (о том), что одолжил деньги?

Таня рада (тому), что пригласила в гости Олю.

Кого Таня рада (тому), что пригласила в гости?

Витя признался (в том), что забыл поздравить Аню.

Кого Витя признался (в том), что забыл поздравить?

Маша гордится (тем), что смогла обогнать Петю.

Кого Маша гордится (тем), что смогла обогнать?

Лена надеется (на то), что поможет Ване с квартирой.

Кому Лена надеется (на то), что поможет с квартирой?

Женя уверен (в том), что обрадует Катю подарком.

Кого Женя уверен (в том), что обрадует подарком?

Оля намекает (на то), что сможет убедить Федю.

Кого Оля намекает (на то), что сможет убедить?

Толя хвастается (тем), что обыграет в шахматы Антона.

Кого Толя хвастается (тем), что обыграет в шахматы?

Филлеры

Игорь сказал, что ходит в магазин вечером. (тренировочное предложение)

Марина сочувствует того, на кого смеялся Федя. (тренировочное предложение)

Кого Алина думает, что Олег уважает? (тренировочное предложение)

Кто жалеет, что не передал ключи Полине?

Кто намекает на то, что позвонит Сереже?

Кто признался в том, что никогда не видел Вику?

Кто гордится тем, что позвал Алину в кино?

Кому Лиза разочаровалась в том, кто сделал комплимент?

Кому Олег рассердился на того, кто купил игрушку?

Кого Лида позвонила тому, кто недавно обидел?

Кого Юра встретился с тем, кто поцеловал на вечеринке?

Лиза вспоминает о том, кто сделал комплимент Гале.

Олег рассердился на того, кто купил игрушку Боре.

Лида позвонила тому, кто недавно обидел Юлю.

*Юра встретился с тем, кто поцеловал на вечеринке Иру.
Рома хвастается на том, что забьет гол Максиму.
Паша рад на то, что послал открытку Свете.
Инна надеется тем, что не расстроит Леру.
Надя уверена тому, что встретит на работе Лешу.*

Эксперимент 2

Экспериментальные предложения

*Он настаивал (на том), чтобы студенты прочитали эту статью.
Статья, которую он настаивал (на том), чтобы студенты прочитали, оказалась недоступна для скачивания.
Он стремился (к тому), чтобы они сохранили дружбу после университета.
Дружба, которую он стремился (к тому), чтобы они сохранили после университета, была на грани развала.
Повар мечтал (о том), чтобы Мишлен присвоил звезду его ресторану.
Повар наконец получил звезду, которую он мечтал (о том), чтобы Мишлен присвоил его ресторану.
Они следили (за тем), чтобы ребенок не трогал чашку.
Ребенок неожиданно сбросил чашку, которую они следили (за тем), чтобы он не трогал.
Депутат настаивал (на том), что знает эти проблемы лучше других.
Депутат начал обсуждение с проблем, которые он настаивал (на том), что знает лучше других.
Иван мечтал (о том), что когда-нибудь построит дом на берегу Волги.
Здание напомнило Ивану дом, который он мечтал (о том), что когда-нибудь построит на берегу Волги.
Он был уверен (в том), что эти акции будут активно покупать.
Акции, которые он был уверен (в том), что будут активно покупать, неожиданно рухнули.
Она намекала (на то), что хочет получить такой же подарок на день рождения.
Подарок, который она намекала (на то), что хочет получить на день рождения, оказался слишком дорогим.
Он гордился (тем), что написал книгу в соавторстве с нобелевским лауреатом.
Книга, которую он гордился (тем), что написал в соавторстве с нобелевским лауреатом, не имела успеха.*

Она жалела (о том), что ее статью не приняли к публикации.

Статья, которую она жалела (о том), что не приняли к публикации, была действительно неудачной.

Хозяйка была удивлена (тем), что квартиру никто не хочет покупать.

Хозяйка решила сдать квартиру, которую она была удивлена (тем), что никто не хочет покупать.

Губернатор согласился с (тем), что реформу нельзя больше откладывать.

Губернатор ищет средства на реформу, которую он согласился с (тем), что нельзя больше откладывать.

Филлеры

Организаторы были заинтересованы в том, чтобы поэт прочитал стихи, которые не вошли в сборник. (тренировочное предложение)

Путешественники нуждались тем, чтобы их кто-то приютил. (тренировочное предложение)

Вино, которое Таня хотела, чтобы Петя принес к ужину, было раскуплено.

Рома не видел трейлер фильма, который Маша просила, чтобы они вместе посмотрели.

Света нахваливала телевизор, который она считает, что Коля купил на распродаже.

Стас подшил рукава костюма, который он предполагает, что Полина привезла для съемок.

Тренер повысил зарплату игроку, которого он опроверг слухи о том, что собирается продавать в немецкий клуб.

Контракт, который он отверг предложение о том, чтобы продлили на следующий год, содержал семизначную сумму.

Кирилл надеялся, что вспомнит название книги, которую Оля читает перед сном.

Футболисты верили в то, что смогут победить клуб, который в прошлом году выиграл Лигу чемпионов.

Основатели программы старались, чтобы студенты получали лучшее образование, которое было тогда доступно.

Студент добился того, чтобы его диплом прочитал преподаватель, который хорошо разбирается в теме.

Антон заслужил, чтобы на него обратил внимание художник, которого он боготворил с детства.

Лиза была рада того, что Петя самостоятельно починил тостер.

Успех компании был связан, что она экспериментировала с форматом магазинов.

Игорь был озабочен тому, чтобы его дочь поступила в один из лучших московских вузов.

Воспитание не сводилось, чтобы ученики слепо выполняли приказания.

Мероприятия были направлены, чтобы человек освоился в коллективе.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 05.12.2023;

The article was received on 10.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 05.12.2023.

Михаил Юрьевич Князев

PhD; Институт лингвистических исследований РАН / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург / МГУ имени М.В. Ломоносова

Mikhail Knyazev

PhD; Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences / HSE University, St. Petersburg / Lomonosov Moscow State University

misha.knjazev@gmail.com

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2023.74.73.003

СИНТАКСИС ПСЕВДОКЛЕФТА (КТО X, ТАК ЭТО Y) В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Э.А. Ожогова

МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация: В статье описывается синтаксис псевдоклефтов — предложений типа «кто X, так это Y» — в русском языке. Для исследования свойств конструкции было проведено корпусное исследование, по результатам которого предлагается анализ, объясняющий проявляемые большинством псевдоклефтов эффекты связанности — явления, при котором элемент присутствует в структуре или интерпретируется таким образом, который обычно ассоциируется с определённой синтаксической конфигурацией при видимом её отсутствии [Mikkelsen 2011]. Будет показано, что для специфицирующих и предикативных псевдоклефтов необходимы разные анализы: анализ через удаление и анализ с базовым порождением фокусной составляющей соответственно. Второй анализ также деривирует псевдоклефты, не проявляющие эффектов связанности. В конце статьи обсуждаются проблемные для анализа через удаление случаи и предлагаются способы их решения.

Ключевые слова: псевдоклефт, специфицирующее прочтение, предикативное прочтение, связанность, фонологическое удаление

Для цитирования: Ожогова Э.А. Синтаксис псевдоклефта (кто X, так это Y) в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров. 2023. Том 6, вып. 1. С. 70–89.

THE SYNTAX OF PSEUDOCLEFTS (КТО X, ТАК ЭТО Y) IN RUSSIAN

Elina Ozhogova

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The article describes the syntax of pseudoclefts — sentences of the form “kto X, tak eto Y” — in Russian. To study the properties of the structure, a corpus study was conducted, building on the results of which, I offer an analysis explaining connectivity effects exhibited by most pseudoclefts — the phenomenon whereby “an element is present or interpreted in a way that is normally associated with a certain syntactic configuration seemingly without that configuration obtaining” [Mikkelsen 2011]. I show that different analyses are required for specificational and predicational pseudoclefts: the deletion analysis and the analysis relying on the basic generation of the focal component respectively. The second analysis will also derive pseudoclefts that do not exhibit connectivity effects. At the end of the paper, problematic cases for the deletion analysis are discussed and solutions to them are proposed.

Keywords: pseudo-cleft, specificational reading, predicational reading, connectivity, PF-deletion

For citation: Ozhogova E. The syntax of pseudoclefts (kto X, tak eto Y) in Russian. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2023. Vol. 6, iss. 1. Pp. 70–89. (In Rus.)

1. Введение

Псевдоклефт, псевдоклефтовая конструкция, или «псевдорасщеплённое» предложение, традиционно определяется как предложение с глаголом-связкой, или копулой, подлежащим в котором выступает безвершинное относительное придаточное, вводимое вопросительной группой, а в предикативной позиции справа от связки находится номинативная составляющая. На схеме (1) представлен упрощённый общий вид псевдоклефтовой конструкции.

(1) Вопросительное слово + X + связка + Y

Схема (1) сообщает ощутимо меньше, чем определение, данное выше, так как при её составлении нами был сделан ряд допущений. Во-первых, структурные части слева и справа от связки мы обозначили как X и Y соответственно. Таким образом, мы отошли от понятий «подлежащее» и «предикативная позиция», так как в рамках данной работы структурная позиция X и Y относительно связки объектом изучения не является. Также в (1) ничего не сказано о природе X и Y. Поскольку определение синтаксического материала, которым возможно заполнение этих позиций, явля-

ется одной из целей исследования, в схеме не нашло отражения априорное представление о том, чем являются X и Y, выводимое из традиционного определения псевдоклефта. Наконец, вопросительное слово в (1) отделено от X как отличительная черта конструкции, представляющая собственный интерес для изучения.

Ниже приведен классический пример псевдоклефта в английском языке, взятый из одной из первых посвящённых им работ:

(2) *What John is buying is a tie-press.*

‘Что Джон покупает, так это пресс для галстука.’ [Higgins 1979: 33]

Сопоставляя пример (2) со схемой (1), получаем, что X соответствует *John is buying*, а Y — *a tie-press*.

Рассмотрим также пример псевдоклефта в русском языке (3). Аналогично получаем, что *Петя читает* — это X, а *газету* — Y.

(3) *Что Петя читает, так это газету.*

Теперь сравним этот пример с предложением (4):

(4) *Петя читает газету.*

На первый взгляд предложения (3) и (4) кажутся похожими и по значению, и по форме: создаётся впечатление, что (4) как будто разделили на две части: *Петя читает* и *газету*, — затем добавили в первую вопросительное слово, соединили со второй с помощью «так это» и получили (3). Похоже выглядят истинные клефты (5), что и послужило источником названия для этого типа предложений (англ. *cleft* ‘расщеплённый, расколотый’). Впрочем, это вовсе не означает наличия деривационного отношения между (3) и (4). Далее будет показано, что (3) действительно не производно из (4) или его глубинной структуры и имеет другой источник, и наоборот: (4) не производно из (3).

Хотя (3) и (4) похожи по значению, семантически они неравнозначны. Заметим, что с точки зрения коммуникативной структуры расщеплённые предложения представляют собой особый способ организации информации, а именно выражения темы и ремы. Если в истинном клефте (также известном как *it*-клефт) вперёд выносятся рема, то в псевдоклефте впереди, напротив, находится [тема]:

(5) *It is a book on syntax [that I read].*
'Это книгу по синтаксису я читаю.'

(6) *[What I read] is a book on syntax.*
'Что я читаю, так это книгу по синтаксису.'

Таким образом, в примере (4) узкая рема на *gazetu* — лишь одна из возможностей: предложение также имеет прочтение с предикативной ремой и тетическое прочтение. В примере (3) же узкая рема — единственный вариант, и сама рематическая составляющая находится в фокусной позиции в конце предложения. Поэтому к части *Y* в дальнейшем мы иногда будем обращаться как к «фокусной составляющей».

Другое наблюдение, касающееся семантики псевдоклефтов, связано с их диалоговым единством, заключающимся в сравнении их с вопросно-ответными парами ([Higgins 1979], [den Dikken et al. 2000], и др.) Действительно, можно заметить определённую связь между (3) и парой предложений — *Что Петя читает? — Газету.*

Подобное наблюдение делали и отечественные лингвисты, например в [Шведова 1964: 13] находим: «Участие строевых схем диалога в формировании недиалогических единиц — характерная черта устной монологической речи, не связанной письменными нормами. Наиболее обычный случай — **внесение в монолог вопросо-ответного единства** как средства, развертывающего ход изложения. Особенно интересны в этом смысле случаи таких внесений **в целях акцентирования отдельных синтагм** внутри предложения». В качестве примеров автор в том числе приводит псевдоклефтовые конструкции (конечно, не используя сам термин, в то время ещё не вошедший в обиход отечественной лингвистики).

Что касается классификации псевдоклефтов, то большинство авторов выделяют как минимум два типа, соответствующих двум прочтениям: предикативному и специфицирующему. Впервые в отношении псевдоклефтовой конструкции эта идея была высказана А. Акмаджаном [Акмаджан 1970]. Специфицирующими псевдоклефтами он называл такие, в которых зависимая клауза содержит семантическую переменную, представленную вопросительным словом, а элемент за связкой является значением этой переменной. В свою очередь в предикативных псевдоклефтах зависимая клауза обозначает референта, а послесвязочный элемент является предикатом, т.е. описывает свойство, предсказуемое референту. Для де-

монстрации различия между ними хорошо подходят предложения, имеющие оба прочтения. Рассмотрим следующий пример, адаптированный для русского языка из работы [den Dikken 2006]:

(7) *Что дети не съедят, это корм для собак.*

При предикативном прочтении (7) примерно значит: «X — это то, что не съедят дети. То, что дети не съедят, станет кормом для собак». При этом не уточняется, что именно дети не съедят. С другой стороны, при специфицирующем прочтении (7) значит: «Дети что-то не съедят, и это что-то — корм для собак», — то есть клауза *Что дети не съедят* вводит не референта, а переменную, значение которой — *корм для собак*.

Замечено, что предикативные и специфицирующие псевдоклефты демонстрируют различные синтаксические и семантические свойства ([Bošković 1997], [Iatridou, Varlokosta 1998], [den Dikken et al. 2000] и др.) Вследствие этого неоднократно поднимался вопрос о том, одинакова ли структура этих конструкций. Более того, в зависимости от данного псевдоклефту определения может оказаться, что конструкции с предикативным прочтением вовсе не должны относиться к псевдоклефтам. Что касается данной работы, то предикативные псевдоклефты, которых в корпусной выборке встретилось сравнительно немного (только 5 из 338 примеров имеют единственно возможную предикативную интерпретацию), из рассмотрения не исключались, и в разделе 4 для них также будет предложен анализ.

Второй основой для классификации псевдоклефтов является линейный порядок его частей. Наряду с обычными псевдоклефтами существуют обратные (англ. *reversed / inverted*), где Y стоит перед связкой, а вопросительное слово и X — после. Так, обратной к конструкции (2) будет:

(8) *A tie-press is what John is buying.*

При этом на составляющей *a tie-press* сохраняется рематический акцент. Эта трансформация, очевидно, аналогична той, которая имеется у биноминативных предложений, и даже имеет то же ограничение: изменить порядок следования частей X и Y можно только в специфицирующих псевдоклефтах (см. (2) и (8)). Предикативные же, как и биноминативные предложения с предикативным прочтением, не инвертируют (предложения в (9) и (10) из [Hartmann 2019: 71]):

- (9) специфицирующее биноминативное предложение и его инверсия
- a. *The culprit was John.*
'Преступником был Джон.'
- b. *John was the culprit.*
'Джон был преступником.'
- (10) предикативное биноминативное предложение и его инверсия
- a. *John was the culprit.*
'Джон был преступником.'
- b. **The culprit was John.*
Ожид.: 'Преступником был Джон.'
- (11) предикативный псевдоклефт и его инверсия [den Dikken et al. 2000]
- a. *What John is is important to him.*
'То, что из себя представляет Джон, для него важно.'
- b. **Important to him is what John is.*
Ожид.: 'Для него важно то, что Джон из себя представляет.'

Однако в ходе корпусного исследования обратных псевдоклефтов в русском языке найдено не было. Более того, поменять порядок X и Y в предложении (3) и получить грамматичное выражение вида (12) нельзя, вследствие чего есть основания полагать, что в русском языке обратные псевдоклефты отсутствуют. Мнение о том, что псевдоклефты в русском не инвертируют, также высказывается в работе [den Dikken et al. 2000: 74].

- (12) *Газету, (так) это что Петя читает.

Итак, псевдоклефты в русском языке представляют собой одну из типологически засвидетельствованных фокусных конструкций. Следующий раздел 2 содержит краткий межъязыковой обзор, призванный обеспечить типологический фон для исследования русских псевдоклефтов. Далее в работе будет описан синтаксис псевдоклефтов русского языка с использованием данных, полученных корпусным методом (раздел 3). Будут установлены свойства конструкции, с учётом которых будет предложен анализ, адекватный всему разнообразию собранных данных (раздел 4). В разделе 5 приводится обсуждение проблемных случаев.

2. Псевдоклефты в типологическом освещении

Прежде чем перейти к анализу синтаксиса псевдоклефтов в русском языке, попробуем установить, с каким спектром типологических возможностей для структуры псевдоклефтов мы имеем дело, обратившись к данным других языков. Основным источником при написании данного раздела послужила статья [Maschler et al. 2023], в которой среди прочего представлен обзор структурных разновидностей псевдоклефтов на материале шести языков: французского, итальянского, шведского, иврита, китайского и японского. Основываясь на этих и некоторых других данных, рассмотрим, как могут выражаться части конструкции, схематично изображённой на схеме (1), повторяемой здесь как (13):

(13) = (1) [Вопросительное слово + X + связка + Y]

Связка чаще всего представляет собой некоторую форму глагола «быть» (французский, итальянский, шведский, японский, китайский, немецкий [Patridou, Varlokosta 1998], испанский [Bravo 2021]), однако это не единственная возможность. В иврите, например, она реализуется как указательное (14) или личное (15) местоимение.

(14) *ma she-hu ratsa la'asot ze kampeyn.*

что COMP-он хотел сделать DEM.M.SG кампания

‘Что он хотел сделать, так это кампанию.’ [Maschler et al. 2023: 4]

(15) *ma she-magniv hu she-matsati xem'at botnim.*

что COMP-классный он COMP-я_нашёл масло_из арахис

‘Что классно, так это то, что я нашёл немного арахисовой пасты.’

[Maschler et al. 2023: 4]

В русском языке в позиции связки мы также в большинстве случаев не увидим бытийного глагола (подробнее в разделе 3).

Кроме того, в некоторых языках в пред- или послесвязочной позиции может стоять местоимение, кореферентное части X. Например, во французском языке перед связкой *est* может находиться указательное местоимение *ce*, образуя характерное для французского сочетание *c'est*:

(16) *ce qui est important c'est le travail.*

это COMP есть важный это-есть DEF работа

‘Что важно, так это работа.’ [Maschler et al. 2023: 4]

Перейдём к позиции X. Слева от связки в канонических псевдоклефтах располагается относительная клауза. При этом в большинстве рассмотренных языков псевдоклефт начинается с вопросительного слова (иврит, итальянский, шведский, испанский, немецкий), в некоторых языках он (также) начинается с сочетания указательного и относительного местоимений (французский, итальянский, шведский) или с относительного местоимения (итальянский, испанский). Также в начале псевдоклефта часто стоят относительно семантически пустые именные группы, например «вещь», «народ», «проблема», «место», «момент времени» и т.п. (иврит, французский, итальянский). В (17) приведён пример из французского языка, начинающийся со слова *le truc* «вещь»:

- (17) *Le truc qui m'a manqué le plus*
 DEF вещь COMP мне-AUX.3SG нехватать.PTCP.PST DEF больше_всего
- pendant mon voyage en Asie, c'est le vin.*
 во_время мой поездка в Азия это-есть DEF вино
- ‘Вещь, которой мне больше всего не хватало во время поездки в Азию, это вино.’ [Интернет]

В русском языке псевдоклефты, как правило, начинаются с вопросительного слова (вопросительно-относительного местоимения или местоимённого наречия), перед которым могут стоять слова типа *главное*, *первое*, *единственное* и т.п. (подробнее в разделе 3.2.)

Ещё одним вариантом заполнения X является японская конструкция, начинающаяся с вопросительного слова *nani* ‘что’ и заканчивающаяся на *tte*, которое анализируют как разговорную тематическую частицу (18). Отметим, что при этом псевдоклефтами в японском обычно называют конструкции типа (19), не содержащие ни частицы *tte*, ни вопросительного слова.

Так как японский является языком с левосторонним ветвлением, в обеих конструкциях связка расположена не между X и Y, а за ними.

- (18) *nani ga mondai tte sa = semee n da yo na*
 что NOM проблема TP FP узкий PART COP FP FP
- ‘В чём заключается проблема, так это в том, что маленькая (из контекста — машина).’ [Maschler et al. 2023: 3]

- (19) *John ga katta no ga kono ringo de ar-u (koto)*
 Джон NOM купил PART NOM этот яблоко COP быть-NPST факт
 ‘(Тот факт, что то,) что купил Джон, так это вот это яблоко.’ [Harada 2016: 59]

Вопросительного слова (а также выраженной связки) нет и в примере (20) из малагасийского языка. Отсутствие вопросительных слов в примерах (19) и (20), вероятно, является следствием того, что относительные конструкции в японском и малагасийском не содержат (относительного) местоимения, на месте которого мы обнаруживаем пробел (англ. *gap*) ([Harada 2016: 59], [Paul 2008: 31]). То есть особая структура части X обусловлена особой структурой относительной клаузы в языке в целом.

- (20) *Ny nomeko azy dia ity peratra ity.*
 DEF я.дал он.ACC TOP этот кольцо этот
 ‘Что я дал ему, так это вот это кольцо.’ [Paul 2008: 20]

Так как цель у данного обзора лишь ознакомительная, мы оставим вопрос о том, можно ли считать эти примеры псевдоклефтами, учитывая их отличную от классической структуру, и как они соотносятся (если соотносятся) с псевдоклефтами, например, английского языка. Однако эти примеры показывают, что к псевдоклефтам могут относить конструкции со схожей информационной, но довольно разной синтаксической структурой. И схема (1), несмотря на свою обобщённость, подходит не для всех расщеплённых фокусных конструкций, наблюдаемых в языках мира. Мы не будем её пересматривать, так как она подходит для интересующего нас русского и хорошо исследованного английского языков, но отметим, что важно обращать внимание на то, что понимает под псевдоклефтом автор каждой конкретной работы.

Наконец, рассмотрим заполнение позиции Y. В [Maschler et al. 2023] отмечено, что послесвязочным элементом может быть именная группа, инфинитивная группа или зависимая клауза (21). В позиции Y встречаются и группы других категорий, например предложные, как в примере (22) из испанского языка. Видно, что набор синтаксических категорий, группы которых возможны в позиции Y, достаточно широк, и то, какие именно категории допустимы, зависит от конкретного языка.

- (21) *ce qu'on va faire c'est qu'on va aller*
 это что-IMPERS PROSP.3SG делать это-есть что-IMPERS PROSP.3SG идти

au restaurant

в.DEF ресторан

‘Что мы будем делать, так это пойдём в ресторан.’ [Maschler et al. 2023: 5]

- (22) *donde no he estado es en Japón.*
 где не AUX.1SG находиться.PTCP.PST есть в Япония

‘Где я не был, так это в Японии.’ [Интернет]

Интересной особенностью части Y, свойственной языкам с падежным маркированием, является возможность оформления её разными падежами в тех случаях, когда Y — именная группа. Так, в немецком языке грамматично и предложение (23), и (24). При этом в [Iatridou, Varlokosta 1998] уточняется, что (23) имеет специфицирующее прочтение, а (24) — предикативное. Далее, однако, подчёркивается, что подобное соотношение падежа на именной составляющей в Y и прочтения не универсально: так, в греческом языке в специфицирующих псевдоклефтах будет употреблена именная группа в именительном падеже, а не в винительном.

- (23) *Was Hans essen wollte war einen Apfel.*
 что ханс есть хотел было INDEF.ACC яблоко.ACC

‘Что Ханс хотел съесть, так это яблоко.’ [Iatridou, Varlokosta 1998: 6]

- (24) *Was Hans essen wollte war ein Apfel.*
 что ханс есть хотел было INDEF.NOM яблоко.NOM

‘Что Ханс хотел съесть, так это яблоко.’ [Iatridou, Varlokosta 1998]

3. Корпусное исследование псевдоклефтов в русском языке: обзор и анализ материала

Для исследования свойств псевдоклефтовой конструкции в русском языке было проведено корпусное исследование, в ходе которого было собрано 338 предложений. Большая их часть была взята из основного раздела Национального корпуса русского языка (НКРЯ), но дополнительно привлекались коллекции газетного корпуса и корпуса «Социальные сети» НКРЯ, а также веб-страницы сети Интернет (поисковая система Google). В таблице 1 представлено распределение предложений по типам источников.

Таблица 1. Распределение исследуемого материала по типам источников

Корпус	Количество предложений
Основной	218
Социальные сети	4
Центральные СМИ	72
Поисковые запросы (Google)	44
Общий итог	338

Далее предложения были размечены по релевантным для исследования параметрам. Таблица 2 представляет собой сводную таблицу по двум из них: вопросительному слову и типу Y.

Таблица 2. Сводная таблица по параметрам «Вопросительное слово» и «Тип Y»

Вопросительное слово	Тип Y						Всего
	AdvP	AP	CP	NP	PP	VP	
Где	3		1	2	15		21
Какой		5		2	9		16
Когда	2		1	2	5		10
Кто				98	9		107
Куда				3	10		13
Откуда				1	2		3
Почему			2	1	1		4
Чей				4			4
Что	1		15	98	24	17	155
Зачем			3				3
Каков				1			1
Сколько					1		1
Всего предложений	6	5	22	212	76	17	338

Мы видим, что в выборке присутствуют предложения с разными вопросительными словами (*где, какой, когда, кто, куда, откуда, почему, чей, что, зачем, каков*) и разными типами составляющих Y (группа наречия, прилагательного, клауза, именная группа, предложная, глагольная). Это отличает русский язык от английского, многие носители которого признают допустимыми только псевдоклефты с *what* ‘что’ и, соответственно, ИГ в позиции Y (см. [Higgins 1979]).

Ниже приведены несколько предложений из выборки, демонстрирующих разные категориальные варианты:

- (25) а. *Кого бесполезно искать в Севилье, так это цирюльника.* [Юрий Красавин. Севилья в апреле (30.04.2013) // «Новгородские ведомости», 2013]

b. *Чего там действительно много, так это сахара.* [Маленькие обжоры // Аргументы и факты, 2005.05]

c. *Где хорошо отдыхать в шоне на море, так это в Турции.* [Интернет]

Теперь обсудим некоторые особенности синтаксиса русских псевдоклефтов, не отражённые в сводной таблице, но кратко уже упоминавшиеся в разделе 2.

3.1. Связка

В русском языке глагол-связка в настоящем времени, как правило, опускается. Поэтому в подавляющем большинстве русских псевдоклефтов в позиции связки нет аналога английского *be*. Вместо него мы наблюдаем указательное местоимение *это*, обычно сопровождающееся усилительной частицей *так*. Русская грамматика 1980 относит словоформу *это* к связкам [РГ 1980: § 1955], поэтому, вероятно, в сочетании с усилительной частицей *так* она и берёт на себя роль связующего элемента в псевдоклефтах.

3.2. Относительная клауза

Приведённые выше примеры показывают, что часть X содержательно довольно разнообразна, но структурно это всегда клауза. Точнее, не полная клауза, а *C'*, т.е. CP за исключением позиции спецификатора, в которую поднимается вопросительное слово либо само по себе, либо в составе группы с именной вершиной (*Какой сок он любил, так это гранатовый*), либо вместе с предлогом, увлечённым эффектом крысолова (*С кем я бы поговорил, так это с Ваней*). Таким образом, «Вопросительное слово + X» — это клауза с синтаксисом относительного предложения.

Для иллюстрации вернёмся к предложению (3): «Что Петя читает, так это газету». Здесь *Что Петя читает* — относительная клауза, в которой вопросительно-относительное местоимение *что* поднимается в позицию *спрес-CP* из своей исходной позиции внутреннего аргумента при глаголе *читать*: [*CP* [*спрес-CP* *что_i*] [*C'* Петя читает *t_i*]]. Особенностью этой относительной клаузы является отсутствие фонологически выраженной именной вершины. Такие относительные предложения называются «безвершинными» (англ. *headless relatives*, или *free relatives*, далее FR), и в (26) приведён более типичный их пример:

(26) *Мне пришлось съесть, [FR что купил Петя].*

Отметим некоторые свойства первой части псевдоклефта. Вопросительному слову в ней не может предшествовать тематическая составляющая, как это возможно, например, в вопросительных клаузах:

(27) а. *А Петя что читает?*

б. **Петя что читает, так это книгу.*

При этом в псевдоклефтах так же, как в вопросительных клаузах, возможны составляющие вида «какой X», невозможные в большинстве относительных конструкций. В этом отношении первая часть псевдоклефта похожа на вопросительную часть коррелятивной конструкции, в которой составляющие вида «какой X» тоже допустимы:

(28) *Какой сок купили, такой и будем пить.*

Другая общая черта коррелятивной конструкции и псевдоклефтовой — возможность в их первой части нескольких вопросительных слов:

(29) а. *Кому что нужно, тот то и берёт.*

б. *Кто кого любит, так это Петя Машу.*

Однако вернёмся к структуре части X. По левую сторону от связки в псевдоклефтах встречаются не только безвершинные относительные клаузы:

(30) *Главное, чему эксперта будут учить, так это организации группового сетевого анализа ситуации, согласованного формирования управленческих решений, проведения сетевых экспертных процедур.* [А. Н. Райков. Нормативное обеспечение сетевой экспертной деятельности // «Информационное общество», 2010]

(31) *Лена вышла, и я поняла, что первое, кем сумела обзавестись на первом же дежурстве, — так это врагом.* [Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)]

В предложениях (30) и (31) вершина есть, однако не именная, как в стандартных относительных предложениях с вершиной. Такие клаузы называются относительными предложениями с лёгкой вершиной (англ. *light-headed*). В русском языке от относительных клауз с именной вершиной их

отличает невозможность употребления в них относительного местоимения *который*: оно заменяется на *кто* или *что*.

Отметим, какое влияние лёгкие вершины оказывают на интерпретацию псевдоклефтовой конструкции. Вспомним взгляд Акмаджана на семантику специфицирующих псевдоклефтов: в таких конструкциях зависимая клауза содержит семантическую переменную, а элемент за связкой — её значение. Значит, роль «лёгких вершин» заключается в накладывании ограничения на означивание семантической переменной: какой именно элемент из определённого множества возможных ответов выбирается для ответа на поставленный вопрос: *главный, первый* и т.п.

4. Анализ структуры псевдоклефтовой конструкции в русском языке

В заключительной части будет разработан синтаксический анализ для псевдоклефтов в русском языке, однако, прежде чем это сделать, ещё раз обратимся к языковым данным и рассмотрим, какие синтаксические свойства проявляют псевдоклефты. Мы увидим, что между материалом до и после связки имеется связь, учесть которую и должен будет наш анализ.

4.1. Связанность

Связанностью (англ. *connectivity*) называется явление, при котором элемент присутствует в структуре или интерпретируется таким образом, который обычно ассоциируется с определённой синтаксической конфигурацией при видимом её отсутствии [Mikkelsen 2011].

Так, пожалуй, наиболее заметным свойством псевдоклефтов в русском языке является совпадение вопросительного местоимения-существительного в относительной клаузе и именной составляющей за связкой в падеже. Например, в примере (3) *что* и *газету* имеют винительный падеж, что вызывает вопрос об источнике падежа у существительного. Интуиция подсказывает, что аккузатив ему должен приписывать глагол *читает*, однако приписывание падежа не может пересекать границу финитной клаузы. Другая проблема заключается в том, что винительный падеж от *читает* должен получить и его внутренний аргумент — местоимение *что*.

Помимо этого, связь между материалом до и после связки проявляется в действии принципов теории связывания. Рассмотрим примеры ниже:

(32) *Единственно, кого она_i любит, так это — себя_i самое.* [Борис Васильев. Ольга, королева русов (2002)]

(33) *Первое, что увидели дети_i, так это друг друга_i.* [Интернет]

В предложениях (32) и (33) после связки стоят анафоры: *себя* и *друг друга*. Эти выражения полностью грамматичны, а значит оба анафора связаны в своих локальных областях (принцип А). Однако их потенциальные связыватели (*она* и *дети*) находятся в относительной клаузе и ими не командуют.

Итак, анализ псевдоклефтов должен объяснять приписывание падежа фокусной ИГ и помочь избежать противоречия теории связывания, т.е. справиться с объяснением эффектов связанности. В разделе 4.2. будет предложен анализ, достигающий этой цели.

Отметим, что связанность наблюдается только у специфицирующих псевдоклефтов. О предикативных псевдоклефтах будет сказано отдельно в разделе 4.3.

4.2. Анализ через удаление

Объяснить эффекты связанности псевдоклефтов можно, предположив наличие на глубинном уровне в позиции за связкой полной клаузы, весь материал которой, за исключением выдвинутой фокусной составляющей, элидируется и не произносится. Тогда в упрощённом виде деривация предложения (3) выглядит так:

(34) [[**спец-СР** *Что_i*] **С** [**ТР** *Петя читает t_i*]] *так это* [[**спец-СР** *газету_j*] **С** [**ТР** ~~*Петя читает t_j*~~]],

где элидируется вторая ТР, идентичная первой по структуре. До выдвижения фокусной составляющей в позицию спецификатора СР и удаления остального материала клаузы происходят приписывание падежа и проверка принципов теории связывания, что объясняет эффекты связанности.

Однако не все псевдоклефты русского языка демонстрируют связанность. Так, в предложении (35) именная составляющая после связки стоит в именительном падеже, а не в творительном, как предсказывает анализ через удаление (ср. с упрощённой записью (36)):

(35) *С кем Вознесенский, открывающий Америку, вступает в диалог — подчеркнуто и сразу, — это Маяковский.* [И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)]

- (36) [[**спец-CP** *С кем_i*] **C** [**TP** *Вознесенский вступает в диалог t_i*]] это [[**спец-CP** *с Маяковским_j*] **C** [**TP** ~~*Вознесенский вступает в диалог t_j*~~]].

Предложение (35) не единичное исключение: в выборке присутствуют 20 подобных примеров. Предусмотреть механизм, который изменял бы падежную характеристику составляющей в фокусной позиции, «стирая» присвоенный ей в клаузе падеж и заменяя его на именительный, представляется задачей пусть и достижимой, однако с теоретической точки зрения трудно объяснимой и неэкономной. Мы рассмотрим иной подход, предусматривающий два разных анализа для двух типов псевдоклефтов.

4.3. Анализ с базовым порождением фокусной составляющей

Для начала заметим, что, когда падеж вопросительного местоимения в относительной клаузе не совпадает с падежом именной составляющей после связки, последняя всегда стоит в именительном падеже. Был найден лишь один пример, для которого это обобщение неверно (37), однако при опросе носителей русского языка он получил низкие оценки приемлемости, а потому, вероятно, содержит грамматическую ошибку.

- (37) ^{??}*А вот что действительно потребуется — так это **принципиальных изменений** в кадровой политике для привлечения многих, прежде всего молодых активистов.* [Андрей Андреев. Будущее принадлежит нам! (2003) // «Завтра», 22.08.2003]

Если отбросить (37), получается, что в предложении (35) и подобных ему мы наблюдаем поверхностную структуру, очень похожую на предикативные псевдоклефты. Ср. (35) и (38):

- (38) *А с кем дружбу водит, так это все избранные.* [Евгений Сухов. Делу конец — сроку начало (2007)]

Оба предложения состоят из связки (*так*) *это*, безвершинного относительного придаточного слева от неё и субстантивной составляющей в именительном падеже справа. Вспомним, что в предикативных псевдоклефтах относительная клауза вводит референт, а фокусная составляющая — прецизируемое ему свойство. В таком случае в исходной структуре в позиции после связки нельзя усмотреть полной клаузы: это не только не имеет смысла с точки зрения семантики, но и не находит синтаксического подтверждения, так как предикативные псевдоклефты не проявляют эффектов связанности:

- (39) Специфицирующий псевдоклефт с эффектами связанности
С кем он_i дружит, так это с подобными себе_i людьми.
- (40) Предикативный псевдоклефт без эффектов связанности
*С кем он_i дружит, так это подобные *себе_i/ему_i люди.*
- (41) Специфицирующие псевдоклефты без эффектов связанности (пример ниже и предложение (35))
На чем Prada дала себе волю и продемонстрировала саркастичность, так это аксессуары. [Лето в 1950-х // Коммерсант, 2004.03]

Сходство синтаксических свойств двух типов псевдоклефтов (40) и (41), отличающих их от типа (39), указывает на их вероятное структурное сходство, что ведёт к следующему выводу: в то время как одна часть псевдоклефтов (39) имеет в глубинной синтаксической структуре после связки полную клаузу, в другой (40)-(41) в позиции Y непосредственно порождается фокусная субстантивная составляющая, и дополнительных передвижений и удаления не происходит.

4.4. Анализ через удаление: проблемные случаи

Наконец, обсудим, с какими проблемами сталкивается предлагаемый анализ псевдоклефтов, и доработаем его таким образом, чтобы он мог охватить всё многообразие примеров.

4.4.1. Извлечение не-составляющих

Рассмотрим предложение (42):

- (42) *Вот от каких ресторанов Москва не устанет никогда, так это от мясных.* [Интернет]

Поскольку «от мясных» не является составляющей, её непосредственное извлечение невозможно, а значит, необходимо обосновать наблюдаемую на поверхности структуру.

Один из возможных вариантов — извлечение всей предложной группы с последующим удалением существительного: [[**спец-CP** от мясных *ресторанов*]_i С [**TP** ~~Москва не устанет никогда~~ *t_j*]]. Подобное удаление было бы примером N'-эллипсиса, или так называемого эллипсиса именной группы «с сохранением представителя»: прилагательное, согласованное с существительным по категориям рода и числа, даёт достаточно ясное представление о том, какое слово подверглось удалению.

Также образование наблюдаемой структуры можно объяснить через разрозненное удаление: [[**спец-CP** *от мясных ресторанов*]_k С [TP *Москва не устанет никогда* [~~от мясных ресторанов~~]_k]]. Далее так же, как при объяснении через N'-эллипсис, происходит удаление нефокусной TP, предусмотренное самим анализом через удаление.

4.4.2. Нарушение ограничений на извлечение

Рассмотрим предложение (43):

(43) *Чья великолепная форма не вызывает сомнений, так это Александра Овечкина.*

[[**спец-CP** *Александра Овечкина*]_j С [TP ~~*великолепная форма t_j не вызывает сомнений*~~]]

[NP *форма* [NP *Александра Овечкина*]]

Анализ через удаление предполагает здесь извлечение генитивного зависимого именной группы, которое в русском языке невозможно (за исключением количественного генитива). Ср.:

(44) **На лёд выходит Александр Овечкин, которого великолепная форма не вызывает сомнений.*

[[**спец-CP** *которого*]_j С [TP [NP *великолепная форма t_j*] *не вызывает сомнений*]]

Таким образом, грамматичность (43), нарушающая свойственное русскому языку ограничение на извлечение, требует объяснения. Заметим важное отличие (43) от (44): в нём на постсинтаксического уровне происходит фонологическое удаление материала клаузы, из которой происходит извлечение генитивного зависимого. Можно предположить, что эллипсис и является причиной грамматичности (43).

Повышение приемлемости предложений с нарушением островных ограничений при эллипсисе в литературе носит название «rescue-by-PF-deletion», а сама идея была высказана ещё в работе [Ross 1969], однако первоначальный подход подвергся некоторым изменениям, и к постсинтаксическому уровню это явление отнесли уже в более поздних работах, рассматривая эллипсис как фонологическое удаление ([Lasnik 2001], [Vošković 2011]). Эта теория позволяет нам объяснить грамматичность (43): неприемлемое для русского языка извлечение «спасается» эллипси-

сом той части структуры, из которой происходит извлечение, как бы делая неграмматичность невидимой на поверхностном уровне.

5. Выводы

В этой статье было предложено два анализа для псевдоклефтов русского языка: анализ через удаление для конструкций, демонстрирующих эффекты связанности, и анализ с базовым порождением фокусной составляющей для конструкций без связанности. Были обсуждены проблемные случаи для анализа через удаление и предложены способы их решения. В свою очередь типологический обзор в разделе 2, дополненный обзором корпусных данных в разделе 3, показал, что псевдоклефты в русском языке схожи с псевдоклефтами других европейских языков (и отличаются от соответствующих конструкций языков другой структуры), при этом имея свои особенности, например, выражение связки не бытийным глаголом, а указательным местоимением с акцентирующей частицей ((*так*) *это*), возможность в начале относительной клаузы всех вопросительных слов и допустимость там же лёгкой вершины типа *главное* или *первое*.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; AUX — вспомогательный глагол; COMP — комплементаризер; COP — связка; CP — группа подчинительного союза; DEM — демонстратив; DEF — определённый артикль; FP — фокусная частица; IMPERS — (субъектный) имперсонал; INDEF — неопределённый артикль; M — мужской род; NOM — номинатив; NPST — непрошедшее время; PROSP — проспектив; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; SG — единственное число; TP — топиальная частица; ИГ — именная группа.

Список источников / References

- РГ1980 — Под ред. Н.Ю. Шведовой. Русская грамматика: в 2 томах. Т. 2. Синтаксис. Москва: Наука, 1980. [Russian grammar: in 2 volumes. Vol. 2. Syntax. Shvedova N.Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Шведова 1964 — Шведова Н.Ю. О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе (наблюдения над языком газеты) // Вопросы языкознания. 1964. № 2. С. 3–18. [Shvedova N.Yu. On some active processes in modern Russian syntax (observations on the language of the newspaper). Voprosy jazykoznanija. 1964. No. 2. Pp. 3–18]
- Akmajian 1970 — Akmajian A. *Aspects of the grammar of focus in English*. Ph.D. dis. Massachusetts Institute of Technology, 1970.

- Bošković 1997 — Bošković Ž. Pseudoclefts. *Studia linguistica*. 1997. Vol. 51. No. 3. Pp. 235–277.
- Bošković 2011 — Bošković Ž. Rescue by PF deletion, traces as (non) interveners, and the that-trace effect. *Linguistic inquiry*. 2011. Vol. 42. No. 1. Pp. 1–44.
- Bravo 2021 — Bravo R.G. Las oraciones pseudohendidas en español: Sintaxis y propiedades informativas. *La estructura informativa*. Leonetti M., Escandell-Vidal V. (eds.). Madrid: Visor, 2021. Pp. 359–392.
- den Dikken et al. 2000 — Dikken M.D., Meinunger A., Wilder C. Pseudoclefts and ellipsis. *Studia linguistica*. 2000. Vol. 54. No. 1. Pp. 41–89.
- den Dikken 2006 — Dikken M.D. Specificational Copular Sentences and Pseudoclefts. *The Blackwell Companion to Syntax*. Malden: Blackwell Publishing, 2006. Pp. 292–409.
- Harada 2016 — Harada M. Japanese pseudoclefts. *Kansas Working Papers in Linguistics*. 2016. Vol. 37. Pp. 59–75.
- Hartmann 2019 — Hartmann J.M. Focus and prosody in nominal copular clauses. *Information structure and semantic processing*. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2019. Pp. 71–104.
- Higgins 1979 — Higgins F.R. *The pseudo-cleft construction in English*. New York, NY, 1979.
- Iatridou, Varlokosta 1998 — Iatridou S., Varlokosta S. Pseudoclefts crosslinguistically. *Natural language semantics*. 1998. Vol. 6. No. 1. Pp. 3–28.
- Lasnik 2001 — Lasnik H. When can you save a structure by destroying it? *North East Linguistics Society*. 2001. Vol. 31. No. 2. Pp. 301–320.
- Maschler et al. 2023 — Maschler Y., Lindström J., De Stefani E. Pseudo-clefts: An interactional analysis across languages. *Lingua*. 2023. Vol. 291. Pp. 1–12.
- Mikkelsen 2011 — Mikkelsen L. Copular clauses. *Semantics: An international handbook of natural language meaning*. Walter de Gruyter, 2011. Vol. 2. Pp. 1805–1829.
- Paul 2008 — Paul I. On the topic of pseudoclefts. *Syntax*. 2008. Vol. 11. No. 1. Pp. 91–124.
- Ross 1969 — Ross J.R. Guess who? *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago Linguistic Society, 1969. Vol. 5. No. 1. Pp. 252–286.

Статья поступила в редакцию 25.06.2023; одобрена после рецензирования 31.10.2023; принята к публикации 13.11.2023;

The article was received on 25.06.2023; approved after reviewing 31.10.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Элина Алексеевна Ожогова

МГУ имени М.В. Ломоносова

Elina Ozhogova

Lomonosov Moscow State University

e-lin1904salida135@mail.ru

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2023.74.79.004

СТАРΟΣЛАВЯНСКОЕ ПРИЧАСТИЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В ФУНКЦИИ ПРЕДШЕСТВОВАНИЯ. ИСТОЧНИКИ ВИДОВОГО НЕСООТВЕТСТВИЯ*

Е.А. Сведенцова

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: Статья представляет крайне редкие употребления старославянских презентных причастий глаголов СВ и перфективные употребления презентных причастий двувидовых глаголов на временном срезе X–XI вв. Совмещение несочетающихся граммем настоящего времени и СВ внутри одной формы разрешается как доминированием категории времени относительно вида, так и наоборот. По-видимому, старославянский язык предоставляет обе эти возможности. Разнообразие же сохранившихся причастных форм глаголов СВ позволяет посмотреть под другим углом зрения на зарождение славянского вида. Обнаруженные в текстах византийские греческие соответствия и точная частотность употреблений в славянских текстах помогают понять специфику образования презентных причастий глаголов СВ в старославянском языке. Однако в фокусе работы — функция предшествования причастий PART.PFV.PRS. Такая фокусировка оказывается полезной для типологии таксисных конструкций.

Ключевые слова: старославянский язык, византийский греческий язык, презентное причастие, глагол совершенного вида, (славянский) вид, таксис предшествования, таксисные конструкции, типология

Для цитирования: Сведенцова Е.А. Старославянское причастие настоящего времени совершенного вида в функции предшествования. Источники видового несоответствия // Типология морфосинтаксических параметров. 2023. Том 6, вып. 1. С. 90–111.

* Я благодарю анонимных рецензентов за конструктивные замечания и полезную информацию, а также Е.В. Горбову и Т.А. Майсака за обсуждение отдельных фрагментов работы.

THE OLD SLAVONIC PRESENT PARTICIPLES OF PERFECTIVE VERBS WITH ANTERIORITY MEANING. SOURCES OF ASPECT MISMATCH*

Elena Svedentsova
St Petersburg University

Abstract: The paper shows the extremely rare uses of the Old Slavonic present participles of perfective verbs and biaspectual verbs in perfective utterances on the time slice of the X–XI centuries. The combination of incompatible grammemes of the present tense and the perfective aspect within one form is resolved either by dominance of the tense category with respect to the aspect, or vice versa. The Old Slavonic language seems to provide both of these possibilities. The variety of the preserved perfective participle forms gives us a different angle to reassess the Slavic Aspect origination process. The available Byzantine Greek correspondences and the precisely defined frequency of participial uses in Slavonic texts allow a peek into the specificity of the present participles formation from perfective verbs in the Slavonic language. Focusing on the meaning of anteriority makes it possible to contribute to a typology of taxis constructions.

Keywords: Old Slavonic, Byzantine Greek, the present participle, perfect verb, biaspectual verb, (Slavic) aspect, anteriority, taxis constructions, typology

For citation: Svedentsova E. The Old Slavonic present participles of perfective verbs with anteriority meaning. Sources of aspect mismatch. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2023. Vol. 6, iss. 1. Pp. 90–111. (In Rus.)

В качестве одного из (парадигматических) критериев для идентификации видовой основы глагола как основы НСВ в современных славянских языках, Ю.С. Маслов называет «возможность образования от этой видовой основы формы причастия настоящего времени действительного залога» [Маслов 1963: 14, 20]. Одновременно констатируется невозможность образования этой причастной формы от основы СВ [Маслов 1963: 20]. Безусловно, этот критерий является результатом синхронных наблюдений.

* I thank the anonymous reviewers for their constructive comments and useful information, as well as E.V. Gorbova and T.A. Maisak for discussing the separate pieces of the paper.

В диахронии, очевидно, имел место ряд изменений: в ранних старославянских памятниках, примерно спустя 200–250 лет отражающих состояние общеславянского языка, встречаются употребления действительных причастий настоящего времени глаголов СВ.

- (1) **се во отврѣзъ вл(адъ)ка чрътога своего двѣри зоветъ ны. Придѣте къ мнѣ, рекъ, вси обрѣменени ꙗ азъ покою вѣ. Къ томуу припадѣмъ <припасть.PFV.IMP.1PL>, слъзами себе очистище <очистить.PFV.PART.PRS. АСТ.М.РЛ.НОМ> ꙗ поѣще <петь.IPFV.PART.PRS.АСТ.М.РЛ.НОМ.> емуу пѣснь.**
(Евх., л. 86^a)

‘... ибо/ведь, вот, Владыка открыв двери чертога Своего, зовет нас: «Придите ко Мне, — сказав, — все обремененные, и Я успокою вас». К Нему давайте **припадем**, слезами себя “очистя” и “поя” Ему песнь.’

В (1) причастие **настоящего времени глагола СВ** ‘очистить’ передаёт законченное действие, иначе говоря, выражает семантику комплетива. Именно поэтому в конструкции с личной глагольной формой возникает таксисное значение предшествования. При этом общепринято, что это значение «закреплено» за причастием **прошедшего времени**. Особенно интересны случаи употребления причастий прошедшего времени глаголов **НСВ** (как грети ‘грести’ в (2)), показывающие, что эта закреплённость неслучайна и что именно граммема **времени** в подавляющем большинстве случаев ответственна за возникновение значения предшествования.

- (2) ¹⁸ по морю же вѣтроу великоу дѣхашю • ¹⁹ гребъше <грести.IPFV. PART.PST.АСТ.М.РЛ.НОМ> же ѣко дѣва десяти ꙗ пять стадн • ли ꙗ ти оузьрѣша <увидеть.PFV.AOR.3PL> ꙗ ходаша по морю • ꙗ близъ кораблѣ бѣвѣша • оубоѣша сѣ • ²⁰ онъ же гла ꙗмъ • (Зогр.) — Ин 6, 19

¹⁸ По морю же дул сильный ветер. ¹⁹ **Проплыв** же приблизительно двадцать пять или тридцать стадий, они **увидели** Иисуса, идущего по морю и приближавшегося к лодке, (и) испугались. Он же сказал/говорил им...’

Однако (1) показывает, что значение предшествования может возникать без участия граммы прошедшего времени. Иначе говоря, в этом отношении категория вида может доминировать над категорией времени. Здесь уместно напомнить об уже сделанных решениях относительно личных презентных форм СВ.

Общеизвестен факт из диахронии русского языка — при доминировании категории вида обе граммы реинтерпретируются в значение будущего времени. В южнославянских языках, например, в болгарском, сербском или хорватском в генерическом контексте или контексте нарратива значением «по умолчанию» является значение (настоящего) времени. Различие между южнославянскими и восточнославянскими языками «апеллирует» к тому, что в первых (настоящее) время является доминирующим относительно вида, а во вторых наоборот. Иначе говоря, в болгарском (настоящее) время является доминантной категорией, а вид рецессивной, в то время как в русском аспектуальная граммма (перфектива или СВ) является доминантной, а граммма времени рецессивной [Comrie 1976: 66–71; Breu 1994; Malchukov 2009: 19–21].

Возможно, показываемые употребления старославянских причастий являют обе эти возможности. Примеры выше, на наш взгляд, подтверждают это предположение, а два примера ниже делают картину полной. Так, в (3) предшествующая ситуация передаётся клаузой, организованной причастием **настоящего времени глагола НСВ**. По-видимому, в этом случае семантическую нагрузку в выражении порядка следования ситуаций несёт только иконичность, и предшествование языком никак не маркируется.

(3) ⁵ ꙗ елико не приѣмѣтъ васъ. ꙗсходѣште отъ града того. ꙗ прахъ отъ ногъ вашихъ отътрѣсѣте. въ свѣдѣнїе на нѣ. ⁶ ꙗсходѣште¹ <выходить.1PFV. АСТ.PRS.PART.M.PL.NOM.> же прохѣждаахъ сквозѣ вси. благовѣстоуѣште. ꙗ цѣлѣште въсѣдѣ (Мар.)

⁵ «И которые <букв.: сколько> не примут вас, выходя из города того, (и) прах с ног ваших отрясите, в свидетельство на них». ⁶ **Выходили** <букв.: **выходя**; = отправились> же, проходили через селения, благовествуя и исцеляя всюду.» — Лк 9, 5–6

В (4) причастная форма читается как семантически нагруженная. Тем не менее это снова причастие **настоящего времени глагола НСВ** — **раздѣлати сѣ** ‘разделяться’.

¹ К причастию в Зогр, Асс, Савв разночтений нет. В греческом презентное причастие ἐξέρχόμενοι ‘выходя(щие)’ от ἐξέρχομαι. Синод.: «Они **пошли** и проходили...». Здесь и далее для греческих примеров из Евангелий используется реконструированный для Византийской эпохи текст с разночтениями, который приводится по изданиям [Новый Завет на греческом... 2003], [Nestle-Aland 1993–2001].

- (4) ¹⁷ онъ же вѣды ихъ помышленьѣ • рече ѿмъ • всѣко цр̄снѣ • **раздѣльѣа сѧ**²
 ⟨разделяться.PFV.PART.PRS.ACT.N.SG.NOM⟩ само въ себѣ **запустѣетъ** ⟨прийти.в.запустение.PFV.ACT.IND.PRS.3SG⟩ • ѿ домъ на домъ падаетъ • (Зогр.)
 ‘Он ⟨= Иисус⟩ же **зная/знающий** их (= иудеев) помышления, сказал им:
 «Всякое царство, разделившись/разделившееся (букв.: **разделяясь/разделяющееся**) само в себе, **запустеет**, и дом на дом падает» — Лк 11, 17

Некоторую проблему составляет выбор между атрибутивной и адвербиальной функцией причастия **раздѣльѣа сѧ**. В нашем прочтении контекст выдаёт скорее таксисную семантику предшествования, чем условную. Возможно, поэтому адвербиальная интерпретация кажется более естественной. Отметим, что причастие употреблено в генерическом контексте, обычном для форм настоящего времени.

Употребления типа **очистѣаще** ‘очистя’ крайне редки. Выявление общей статистики таких редких употреблений в значительной мере осложняет отсутствие корпуса старославянских текстов с морфологической разметкой, которая охватывала бы и категорию вида. Видно, что они обнаруживаются в разных по жанру канонических старославянских текстах. Без подсчётов вручную можно сказать, что в тексте Синайской псалтыри причастия PART.PFV.PRS чаще встречаются или в атрибутивной функции, или в уже субстантивированном виде, в таксисных же функциях — в Супрасльской рукописи и Синайском евхологии. В разных функциях и достаточно умеренно (если вообще оценивать редкие употребления этих причастий), они представлены в Евангельских текстах. Например, в Саввиной книге употреблено причастие настоящего времени **обинъа сѧ** глагола СВ **обинжти сѧ** ‘сказать, поступить прямо, без обиняков’, в Зографском и Мариинском четвероевангелиях — причастие **падъа** глагола СВ **пасти** ‘упасть’.³

² Мар: **раздѣль сѧ** ‘разделившись / разделившееся’. В греческом тексте причастие пассивного аориста $\delta\iota\alpha\mu\epsilon\rho\iota\sigma\theta\epsilon\iota\sigma\alpha$ ($\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\iota\alpha$ ‘царство’) глагола $\delta\iota\alpha\mu\epsilon\rho\iota\zeta\omega$ ‘разделять’. Текст Зографского четвероевангелия, в частности, показывает, что в каких-то случаях переводчики действовали без оглядки на греческую морфологию.

³ Случаи образования причастий настоящего времени от глаголов СВ известны и в древнерусском языке. В памятниках XI–XII вв. они «достаточно редки (... составляют ≈1,5% от общего количества случаев употребления кратких форм)» [Кузьмина, Немченко 1982: 290–291]. Однако в Киевской летописи XII в. таких случаев уже 95. В памятниках XV–XVII вв. их число, по данным И. Б. Кузьминой, превышает 330 из ≈1300. Эти причастные формы особенно употребительны в «некнижных» текстах, что свидетельствует об их принадлежности живому русскому языку. Я благодарю за эту информацию анонимного рецензента.

Первое употреблено в функции характеристики (5), второе, скорее, имеет функцию определения, чем адвербиальную в таксисной конструкции с семантикой предшествования (6). **всѣкъ** ‘всякий, любой’ в (6) указывает на генерический контекст, предполагающий кратность ситуаций, и поддерживает прочтение причастия **падъ** как PFV.PART.PRS.

- (5) ¹⁴ **тогда рече ѿмь іс не обинъи сѧ** <поступить.без.обиняков.PFV.PART.PRS. АСТ.М.SG.NOM>. **лазаръ Ѹмрѣтъ**. (Савв., л. 82)
 ‘Тогда сказал им Иисус **прямо (без обиняков)**: «Лазарь умер.» — Ин 11, 14
- (6) ¹⁸ **всѣкъ падъ** <упасть.PFV.PART.PRS.АСТ.М.SG.NOM> **на камене семь съкроушнѣ сѧ**. **Ѧ на нѣмъже падетъ**. **сътъретъ** і. (Зогр.)
 ‘**Всякий упдающий/упадя**⁴ на этот камень, разобьётся, а того, на которого (он) упадёт, сотрёт’ — Лк 20, 18

Чаще встречаются причастия настоящего времени от двувидовых глаголов, в частности, и «в перфективном прочтении».

- (7) ¹⁹ **шедъше оубо наоучите**. **въсѧ ѡзкъи**. **крѣсташте** <крестить.IPFV/PFV. PART.PRS.АСТ.М.PL.NOM> **ѡ**. **въ имя оца и сѧ и стѡаго дѡха**. (Асс., л. 112^с)
 ‘Пойдите же научите (= сделайте учениками) все народы, **крестя** их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа’ — Мф 28, 19

Таблица 1 показывает, какие глаголы были обнаружены в рассматриваемых причастных формах и в каких функциях последние употреблены в текстах. Видовая характеристика глагольных лексем и их общая частотность приводится по [ССС 1994].

Таблица 1. Глаголы СВ, СВ/НСВ, НСВ/СВ, представленные причастиями настоящего времени. Функции причастных форм

предшествование	одновременность	характеризация
очистити СВ (45)	дати СВ (> 1000)	
пасти (сѧ) СВ (> 100) ‘упасть’, ‘пасть’ / определительная функция	написати СВ ⁵ (93 + 5) (кратность)	

⁴ В греческом тексте — уже субстантивированное причастие сильного аориста: **πᾶς ὁ πεσών** ‘всякий упавший’.

⁵ Помета моя — Е.С. Решение принимается исходя из имеющихся данных конкретного временного среза, нахождение других языковых данных этого же периода, естественно, может его изменить.

предшествование	одновременность	характеризация
кръстити СВ/НСВ (>100)	завъзати СВ ¹ (4) (кратность)	
възискати СВ 'разыскать', 'пожелать' / субстантивация		
похотѣти СВ (1) здесь: 'по- желать, почувствовать влече- ние'		
испытати СВ/НСВ (34)		
рещи СВ, реже НСВ (>1000) 'сказать/говорить'		
послушати НСВ/СВ (>200) 'слушать/ послушать', 'слу- шаться/послушаться'		
	обиняжти сѧ СВ (3) 'поступить без обиняков'	

Некоторым «осложнением» при исследовании презентных причастий глаголов СВ является проблема омонимии, касающаяся форм на **-ѣ**. Это причастные формы именительного падежа мужского и среднего рода глаголов I, II, V-го классов.⁶ Проблема заключается в том, что причастия PART.PST.M/N.SG.NOM (твёрдого варианта склонения) имеют окончание **-ѣ**. При образовании полной формы из краткой (**-ѣ + и = -ѣи**) окончание приобретает вид, омонимичный окончанию полной формы причастия PART.PRS.M/N.SG.NOM. Возможное стяжение (**-ѣи → -ѣ**) умножает двусмысленность, ср. [Вайан 2002: 153]. Так, от **пастѣ** 'пастѣ' краткие и полные формы действительных причастий настоящего и прошедшего времени выглядят следующим образом:

пастѣ <PART.PRS.M/N.SG.NOM> + и = **пастѣи**

и **пастѣ** <PART.PST.M/N.SG.NOM> + и = **пастѣи → пастѣ**

Далее будем приводить непоказанные выше примеры употреблений причастий настоящего времени глаголов СВ, СВ/НСВ, НСВ/СВ блоками, комментируя таблицу 1.

⁶ Оба суффикса причастий настоящего времени действительного залога **-ѣи(-ѣи)** и **-ѣи(-ѣи)** образовались в праславянский период согласно действовавшему закону открытого слога из тематического гласного основы глагола и праславянского суффикса действительных причастий настоящего времени **-nt-**, распространённого **j**. Праславянские (причастные) формы именительного падежа мужского и среднего рода не имели гласного в окончании. Поэтому древний суффикс действительных причастий настоящего времени в этих формах представлен в изменённом виде: **-ѣ** от глаголов I, II, V-го классов, **-ѣ** (**-ѣ**) от глаголов III и IV-го классов [Иванова 1997: 153].

Если не принимать во внимание возможную в некоторых случаях атрибутивную функцию, можно констатировать, что названные причастные формы встречаются, главным образом, в трёх адвербиальных: предшествования, одновременности и характеристики.

Ниже ещё один пример употребления презентного причастия глагола испытати СВ/НСВ в функции предшествования.

- (8) ⁷ Да съкоуаетъ съ зѣлоба грѣшныѣхъ испраши⁷ праведнаго: Испытаѣа <испытать.PFV/IPFV.PART.PRS.ACT.M.SG.NOM> ср̄дца ꙗ жтробѣ бже праведно: (Син.)

‘Да прекратится злоба грешных, (Ты) исправишь праведнаго, **испытая**/испытующий сердца и утробу, Боже, праведно’ — Пс 7, 10

Употребление причастий настоящего времени глаголов СВ, и двувидовых (в перфективном прочтении) в функции одновременности в ряде случаев объяснимо. В двух случаях ((9), (10)) из пяти обнаруженных одновременность, говоря языком математики, является «функцией» от значения кратности ситуаций. Значение одновременности возникает только потому, что имеет место кратность завершённых ситуаций. Через семантику комплетива и кратности значения предшествования и одновременности оказываются связанными друг с другом.

- (9) ²⁰ ꙗ родъ бо боѣше съ ꙗѡана • вѣды мѣжа правдѣна ꙗ стѣ • ꙗ хранѣаше ꙗ ꙗ послоушаѣа <(по)слушать(ся).PFV/PFV.PART.PRS.ACT. M.SG.NOM> его мѣного творѣаше • ꙗ въ сласть его слоушаѣше • (Зогр.)

‘Потому что / ибо Ирод боялся Иоанна, зная, что он муж праведный и святой; и берёт его; и **каждый раз** слуша^(сь) его, много делал; и с удовольствием его **слушал**’ — Мк 6, 20

Показательно, на наш взгляд, разночтение Зографского четвероевангелия с Саввиной книгой. В тексте последней, где передаётся та же цепочка ситуаций, мы видим причастие прошедшего времени послоушавъ в явной функции предшествования.⁸

⁷ В Син описка: испра(ви)ши.

⁸ Связь с кратностью ситуаций демонстрирует и имперфект слоушаѣше в тексте Мариинского четвероевангелия «на месте» слоушаѣше Зографского.

Та же связь семантики комплетива и кратности со значением одновременности видна в употреблении презентного причастия глагола **написати** СВ⁹.

- (10) а. Блюди, чадо, какова обѣтованиѣ даеши Б(ог)у? а(н)ѣ(е)ли во придѣ
 <прийти.PFV.AOR.3PL> написаѣще <записать.PFV.PRT.PRS.ACT.M.PL.NOM>
 исповѣдание твое се... (Евх., л. 87b)
 ‘Следи, чадо, какие обетования даёшь Богу; ангелы ведь **пришли**
 (и здесь **находятся**), **записывая** это твоё исповедание’
- б. ἄγγελοι γὰρ πᾶρειασι <быть.возле.IND.ACT.PRS.3PL> ἀπογραφόμενοι <за-
 писывать.MED.PRS.PART.M.PL.NOM> τὴν ὁμολογίαν σοῦ ταύτην...
 ‘ангелы ведь **находятся возле**, **записывая** это твоё исповедание’

Предложенное объяснение (9), (10a) через кратность ситуаций, с нашей точки зрения, поддерживается известным фактом употребления форм имперфекта глаголов СВ¹⁰. Оно является альтернативным традиционному рассмотрению приставочных глаголов на -а- как омонимов СВ – НСВ. Традиционно имеется в виду, что глаголы СВ типа **написати** в какой-то момент были переосмыслены носителями языка как глаголы НСВ. Соответственно, исследователи интерпретируют тематический -а- глагольной основы приставочного перфектива как омонимичный суффиксу имперфективации появившегося позднее глагола НСВ. Так, в [ССС 1994; 350–351] отдельной словарной статьёй записывается **написати** НСВ со значением ‘описывать, записывать’ с частотностью в пять употреблений. Это всего два разных контекста — Евх. 876, 3; 84а, 19–20 и Лк 2, 1 (Зогр, Мар, Асс) — которые, с нашей точки зрения, можно интерпретировать через кратность ситуаций. Один приведён выше, второй таков:

- (11) ¹ Бысть же въ дни ты• ѿзиде повелѣние• ѿтъ кѣсара ѡвгуста• на-
писати всѣхъ всѣхъ земель• (Зогр.) — Лк 2, 1
 ‘Было же в те дни. Вышло повеление от кесаря Августа **переписать**
 всю обитаемую землю’

⁹ Помета моя — Е.С.

¹⁰ Работа Ю.С. Маслова «Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках» стала уже классической [Маслов 2004: 141–175].

В случае с дати ‘дать’ СВ (12) эта связь уже не так очевидна.¹¹ А презентное причастие глагола *завъзати* СВ⁷ ‘связать’ (13) во всех зафиксированных четырёх употреблениях представляет одну-единственную денотативную ситуацию.

- (12) *семоу оубо ѿѡану божественоуму • девать лѣтъ въ епискоупии сътворивъшоу • сълоучи сѧ мжжоу сестры ѿго мариѧ • пасиникоу нарицаемоу • строити рамѣньскѧ власть • ѿже отъ дѣиства сотонина • нача отъштиштати ѿ сѧмжштати семоу върженжѧ црѣкѣве • строаштинимъ оубо ѿ не дады* <дать.PFV.PART.PRS.ACT.M.SG.NOM> *лѣпааго твѣрити промышлѧга • ѿ строа црѣкѣвъныхъ потрѣбъ • прибѣгажшгѧга же къ оуставомъ • тоа съ ноуждежѧ отътрѣзаа • ѿ оуставомъ оутврѣжденок разараа*’ (Супр., 281, 20–30)

‘Когда же этот божественный Иоанн пробыл в епископстве девять лет, случилось, что муж его сестры Марии, по имени Пасиник, управлял Арменией, который, по сатанинскому действию, начал вредить и смущать вручѣнную ему (=Иоанну) церковь’, не давая же управляющим совершать должного попечения и забот о церковных нуждах, прибегающих же к (её) уставам насильственно отстраняя и утверждённое уставом уничтожая.’

- (13) ¹⁹ *ѿ прѣшедъ отъ тждоу оузрьѣ ѿѡкова зеведеова. ѿ иоана брата его. ѿ та* <они.DU.NOM/ACC> *въ ладии завъзашта* <связать.PFV¹².PART.PRS.ACT.M.DU.NOM/ACC> *мрѣжаа*. (Мар.)

‘И пройдя немного оттуда, увидел Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, и они в лодке **чинили сети**’ — Мк 1, 19

В употреблении причастия глагола дати — дады — как в (12), исследователи, вслед за предположением Ю.С. Маслова, склонны видеть колебание видового значения основы да- || дад-. Рассматривая аналогичный пример из древнерусского (14), близкий по времени, Ю.С. Маслов предлагает

¹¹ Ср.: ¹⁶ ... *ѿ не дадѣаше* <дать.PFV.ACT.IPRF.3SG> *никомуже мимо нести • съсждѣ сквозѣ црѣковь* • (Зогр.) ‘... и не давал никому нести мимо (какую-либо) вещь через Храм’ — Мк 11, 16

В Мар та же форма имперфекта.

¹² [ССС 1994] фиксирует этот глагол как глагол НСВ, с частотностью в четыре употребления. Это также два разных контекста, представляющие одни и те же ситуации: Мф 4, 21 (Зогр, Асс) и Мк 1, 19 (Зогр, Мар). В греческом тексте PART.PRS.M.PL.ACC *καταρτίζοντας* глагола *καταρτίζω* ‘исправлять’.

интерпретировать грамматическое значение причастия как «старое значение предельного действия, ещё не переосмысленное в подлинную совершенность» [Маслов 2004: 168].

(14) и тако прѣбывааше не дадѣи себѣ покоя бдѣннемъ и мѣтвами (Ж.Ф., 24^б) [Потебня 1941: 52–54]

‘и так пребывал, не давая себе покоя бдением и молитвами’

Исторический экскурс: гипотеза Ю.С. Маслова

Ю.С. Маслов связывал развитие значений, предшествовавших видовым, и появление видовых с развитием способов действия. Формирование видовых значений началось из сосуществования и взаимного перекрещивания корреляций по определённости/неопределённости¹³ (*nesti* : *positi*) и предельности/непредельности. (Так называемая перфективация восходит к положительному члену одной корреляции — предельности, а имперфективация — к положительному члену другой корреляции — неопределённости.)

Формы предельных глаголов типа **sъbrati* употреблялись до некоторых пор двояко: «сохраняли... своё “прямое” значение итеративности, потенциальности, вообще “неактуальности”, неконкретности действия и... могли ещё обозначать и протекающее действие (**se sьberet* & ‘вот он собирает’)». Позднее они «начинают иметь» только первое значение, так как появляются формы типа **s&birajetъ*, с «будущим» суффиксом имперфективации, которые, поначалу эмфатические и факультативные, «постепенно полностью завоёвывают всю семантическую зону “действия в процессе протекания”».

«Появление форм типа **sъbirajetъ*, **sъbirati* было рождением НСВ.» В момент употребления форм типа **sъbrati* только для случаев «действительного достижения результата действия» «нейтральный вид» превращается в совершенный. «Далее категорией вида охватываются и непредельные глаголы ⟨+ попутный процесс перфективации⟩. Они входят в состав НСВ... Значение НСВ становится всё более широким. В конце концов НСВ

¹³ «В корреляции О ⟨= определённый⟩ / НО ⟨= неопределённый⟩ противопоставлено “конкретное” и “отвлечённое” действие — приблизительно в том смысле, который придавал этим терминам А.А. Потебня [Потебня 1941: 47, 77 и сл.]: конкретным является определённое, относительно простое, единичное, разовое действие, отвлечённым — действие сложное, многократно повторяющееся, обобщённое, обычное или только возможное, одним словом — неопределённое, порой даже одна лишь способность субъекта к выполнению действия» [Маслов 2004: 134].

из положительного члена оппозиции превращается в её отрицательный член.» [Маслов 2004: 133–139].

Возвращаясь к употреблению *дады* и *дадыи* в значении ‘давая’ и функции одновременности, можем констатировать, что обычно вслед за гипотезой Ю. С. Маслова эти формы обычно интерпретируют как формы глагола ещё «нейтрального» вида.¹⁴ Мы придерживаемся традиции чешской славистики, которой, в частности, следует [ССС 1994] и фиксирует *дати* как глагол СВ.

Картина употреблений форм глагола *реци* другая. Глагол *реци* в подавляющем большинстве случаев (общая частотность по старославянским текстам X–XI вв. — более 1000) выступает как глагол СВ в значении ‘сказать’. На образование причастий **настоящего времени** от глагола *реци* СВ указывает А. Вайан [Вайан 2002: 379].¹⁵ Ниже один из его примеров в контексте.

- (15) *Сей смокви мнози съказателе рѣша ђ жидовьстѣ съборѣ приложенѣ быти • къ нейже рече приде господь ѡшта на ней плода вѣрты • ѡ не ѡбрѣте на ней • нѣ тѣчиѡ ѡ словесты пророчьскыи ѡ законьныи • ѡкты листвиѡмь красаште¹⁶ сѧ <красоваться.IPFV.PART.PRS.ACT.N.SG.ACC> • тѣмь ѡ ѡсуоуши ѡ рекы <сказать.PFV/IPFV.PART.PRS.ACT.M.SG.NOM> • не бѣди къ семоу плоду ѡтѣ тебе въ вѣкы • (Супр., л. 346, 13–20)*
 ‘Эта смоковница — многие истолкователи сказали — уподоблена собою иудеев. К ней же сказал, <когда> пришёл Господь, ища на ней

¹⁴ Ср., например, [Силина 1982: 162–163]. Иллюстрацией этого положения дел могут служить две цитаты. 1) «СВ, функционировавший первоначально как фон, как “нейтральный вид”, становится положительным, семантически наиболее весомым членом оппозиции. К концу общеславянского периода эта стадия развития в основном достигнута, хотя многочисленные пережитки старых отношений преодолеваются лишь позже в самостоятельной эволюции отдельных славянских языков.» (Zur Entstehungsgeschichte des slavischen Verbalaspektes // Zeitschrift für Slawistik. 1959. Bd 4.) [Маслов 2004: 139].

2) «Колебания видового значения некоторых основ прямо или косвенно отражают относительно позднее происхождение совершенного и несовершенного видов в славянских языках» («Имперфект глаголов СВ в славянских языках» // Вопросы славянского языкознания. В.1. М., 1954.) [Маслов 2004: 167].

¹⁵ Разумеется, они тоже крайне редки. В Супрасльской рукописи *рекы* употреблено 12 раз.

¹⁶ В греческом тексте причастная форма *κομῶσαν* (PRS.F.SG.ACC) глагола *κομᾶω* ‘быть покрытым листвою’; перен.: ‘гордиться, красоваться’. Имеется в виду ἡ συκὴ ‘смоковница’. Примечание С. Северьянова.

плод веры; и не нашёл на ней, но только словами пророков и Закона, как листвою¹⁷, красующуюся. Поэтому и засушил её, сказав/говоря (букв.: сказя): «Не будь уже плод от тебя вовек».

В этом контексте, вероятно, для причастия *ректы* можно говорить о функции предшествования.

[ССС 1994] отмечает, что есть редкие случаи употребления *реци* ‘сказать’ как глагола НСВ. Для значения же ‘говорить’ использовался глаголати НСВ (> 3300)¹⁸. В отличие от *дати* СВ (> 1000) ‘дать’ — *дати* НСВ (> 100) ‘давать’, по крайней мере с нашей точки зрения, *реци* и глаголати не составляют (разнолексемную) видовую пару (за исключением значения ‘говорить’ = ‘произносить слова, речь’). Глагол *реци* ‘сказать’ выражает сам предел действия без предшествующей процессуальной составляющей (или событийности). В любом случае, с нашей точки зрения, у старославянского глагола *реци* в значении ‘сказать’ отсутствует семантический «диапазон» для колебания видового значения «внутри» основы этого глагола. Учитывая также раритетность употреблений типа (16), мы воздерживаемся от интерпретации этого случая как колебания видового значения в основе глагола.

(16) *и́уда сто́иаше* <стоять.IPFV.ACT.IMPF.3SG> *близь ихъ тѣ ректы* <сказать.PFV/IPFV.PART.PRS.ACT.M.SG.NOM> • *что хощете ми дати и азъ предамъ ѿ* • (Супр., 413, 14–15)

‘Иуда стоял около них, он/сам говоря: «Что хотите мне дать, и я предам Его?»’

Значение длительности — выражается оно граммемой или встроено в лексическое значение глагола — не совмещается со значением комплетива (исключение — кратность ситуаций). В (16) в форме *сто́иаше* ‘стоял’ длительность имперфекта органично сочетается с предикатным значением глагола, но не допускает перфективного (в виде комплетива) прочтения *ректы*, потому что последняя форма не выражает и кратности ситуаций. Поэтому омонимия причастия разрешается в пользу формы с граммемой

¹⁷ Вообще, синтаксическая логика требует перестановки акты: акты словесы... листвиюкъ красаште сд. Однако не исключено, что здесь И. Златоуст пользуется некоей фигурой стилистики, возможной для риторики устных жанров.

¹⁸ [ССС 1994] и [ССЯ 2006] не отмечают, но глаголати как раз (обычно в формах аориста) мог передавать несвойственное ему значение СВ. Однако эти употребления не настолько раритетны, как (16).

настоящего времени. Вероятно, в этом случае для выражения значения одновременности граммема времени доминирует над граммемой вида. В этом отношении, с нашей точки зрения, этот случай аналогичен тем, которые ранее демонстрировали возможности выбора граммем в таксисных конструкциях предшествования (1)–(4). Нетрудно видеть, что идея о доминировании граммем является альтернативой традиционной точке зрения о «недоспециализации» подобных форм.

Снова для полноты картины приводим контекст, в котором причастие *рѣкты* передает значение одновременности и для которого возможны оба видовых прочтения причастия.

(17) въстави же ꙗго • ѿ за рѣкж ѿмъ сътвори ѿ съ собоѡ ходити •
 зыбѣѡштоу сѧ съпрѣва ѿ прѣстранѣѡштоу на бѣѣ странѣ •
 оутврѣжденомъ же ꙗго оудомъ • ѿ съврѣшенѣ ѿцѣленомъ • дасть ꙗмоу
 свой жъзль *рѣкты* <сказать.PFV/IPFV.PART.PRS.ACT.M.SG.NOM> • възьмъ съ
 ходи • и оставивъшоу ꙗго правѣднѡоудомоу хождааше ѡ себѣ слава ба •
 (Супр., 563, 6–12)

‘(Преподобный Анин) поднял же его (военачальника Троконда) и, за руку взяв, «сделал его ходящим с ним». (Он) сначала качался и наклонялся в обе стороны. В тот момент, когда его части тела «стали утвержденными» и он был совершенно исцелён, (Анин) дал ему свой посох, **сказав/говоря**: «Возьми его, ходи (букв.: взяв его, ходи)!» И когда его оставил праведный, (он) ходил сам по себе, славя Бога.’

На примерах (10), (13) видно, что в ряде случаев, мы, благодаря точно указанной в [ССС 1994] частотности глаголов, имеем возможность принять другое решение относительно видовой характеристики некоторых глаголов.¹⁹ Так, исходя из того, что в старославянском встречается имперфект глаголов СВ, а в (10) и, по-видимому, в (13) можно усмотреть кратность мелких, дробных ситуаций, на срезе к. X–XI вв. мы считаем глаголы *написати* и *завязати* глаголами СВ. На материале же Синайского евхология видна следующая тенденция. В случаях, когда для славянского текста есть параллельный греческий и в нём презентное причастие, славянские глаголы «потенциально СВ», обычно фиксируются как двувидовые.²⁰ При этом видна высокая «активность» образования форм от глаголов СВ.

¹⁹ К сожалению, точное число фиксируемых употреблений было указано с порогом до 100.

²⁰ См. ниже контрпример (21).

Так, тексте Синайской псалтыри чаще встречаются уже субстантивированные презентные причастия, такие как *ѣспытаѣшѣи*, букв.: ‘испытующие — те, которые «испытали» несколько раз’.

(18) ² *Блажени ѣспытаѣшѣи* <испытать.PFV/IPFV.PART.PRS.ACT.M.PL.NOM>

сѣвѣдѣниѣ го: всѣмъ срѣемъ възштѣтъ его: (Син.)

‘Блаженны испытующие откровений Его. (Они) всем сердцем возже-
лают Его’ — Пс 118, 2

Последние наблюдения являются косвенным подтверждением большой, если не решающей роли имперфективации типа *сѣбрати – сѣбирати, пас-ти – падати* (с поначалу «нейтральным»), позднее немаркированным СВ и маркированным НСВ), само протекание которой Ю. С. Маслов приравнивал к рождению славянского вида.

Известно, что аспектуальные значения в древнегреческом и в диахроническом развитии греческого языка, в целом, существуют в результате противопоставления систем презенса, аориста и перфекта. Позднее в истории греческого языка словоизменительная категория аспекта распространяется на всю глагольную парадигму [Архангельский, Панов 2012: 146–148]. К сказанному выше добавим, что славянский тип видового противопоставления, представленный в старославянском, с момента его зарождения [Маслов 2004: 139; Достал 1962: 278; Сведенцова 2012: 38–39] имел смешанный характер. Наряду со словоизменительными противопоставлениями форм аориста, имперфекта и перфекта наличествовали и словоизменительные же противопоставления по виду глагольных лексем целиком.

Для переводчиков греческих текстов могла иметь место двусмысленность в восприятии греческих основ настоящего времени. Известно, что формы презенса части греческих глаголов могли употребляться в значении будущего. Постоянное футуральное употребление глаголов *ѣѣи* <IND.PRS> ‘иду’ и ‘пойду’, ‘выйду’, *δῆω* ‘найду’, *νέομαι* ‘возвращусь’ констатирует Э. Швицер [Schwyzer, Debrunner 1950: 265]. М. Штеле для *ѣѣи* наряду с ‘иду’ даёт ‘пойду’ [Штеле 1994: 54]. В качестве футурума глагола *ѣѣи* использовался глагол *ѣрхоμαι* ‘прихожу’ [Вейсман 1991: 531]. Старославянский глагол *ити* ‘идти’ ведёт себя таким же образом, употребляясь в футуральном контексте (19a). В примере ниже в греческом (19b) перед нами *casus futuralis*, комплетивное значение в условной конструкции пе-

редаётся формой глагола $\rho\omicron\rho\epsilon\upsilon\theta\omega\iota$ ‘отправляюсь’ — $\rho\omicron\rho\epsilon\upsilon\theta\omega$ (AOR.CONJ) ‘пойду’, по-славянски же даже основа в форме **идж** внешне морфологически не меняется.²¹

- (19) а. ³ и **ѣште идж** (идти.IPFV/PFV.ACT.IND.PRS.1SG) **оуготоваѣж мѣсто вамъ. пакъты придж** (прийти.PFV.ACT.IND.FUT.1SG) и **понимж въ къ себѣ. да идеже есмъ азъ и въ бждете.** (Мар.)
 ‘И если **пойду** приготовлю место вам, опять приду и возьму вас к Себе, чтобы где Я есть, и вы были.’ — Ин 14, 3

б. $\kappa\alpha\iota$ $\epsilon\acute{\alpha}\nu$ $\rho\omicron\rho\epsilon\upsilon\theta\omega$ $\kappa\alpha\iota$ $\epsilon\tau\omicron\upsilon\mu\acute{\alpha}\sigma\omega$
 и если отправляться.MED.CONJ.AOR.1SG и готовить.IND.FUT.ACT.1SG

$\tau\acute{o}\pi\omicron\nu$ $\upsilon\mu\acute{\iota}\nu$, $\pi\acute{\alpha}\lambda\lambda\iota\nu$ $\xi\rho\chi\omicron\mu\alpha\iota$ $\kappa\alpha\iota$
 место.M.ACC.SG вы.DAT опять приходит.MED.IND.PRS.1SG и

$\pi\alpha\rho\alpha\lambda\eta\mu\psi\omicron\mu\alpha\iota$ $\upsilon\mu\acute{\alpha}\varsigma$ $\pi\rho\acute{o}\varsigma$ $\epsilon\mu\alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$, $\imath\nu\alpha$ $\acute{o}\pi\lambda\omicron\nu$
 брать.себе.MED.IND.FUT.1SG вы.ACC к 1SG.REFL.ACC чтобы где

$\epsilon\acute{\iota}\mu\iota$ $\epsilon\gamma\omega$ $\kappa\alpha\iota$ $\upsilon\mu\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ $\eta\tau\epsilon$.
 быть.IND.PRS.ACT.1SG я и вы.NOM быть.IND.IMPF.ACT.2PL

‘И если **пойду** приготовлю место вам, опять приду и возьму вас к Себе Самому, чтобы где Я есть, и вы были.’ — Ин 14, 3

Изменения в глагольной основе можно наблюдать на материале разночтений уже на «внутриславянском текстовом пространстве». Так, греческому глаголу $\epsilon\acute{\xi}\epsilon\rho\chi\omicron\mu\alpha\iota$ ‘выхожу’ соответствует и старославянский глагол **ити** ‘идти, пойти, выходить/выйти, уходить/уйти, прийти’, и **изити** ‘выйти’. В (20) представлен текст Зографского четвероевангелия и причастие **шедъша** ‘букв.: (два) шедшие’, морфологически ту же форму показывает Саввина книга. Разночтения в виде формы **ишедъша** ‘букв.: (два) вышедшие’ представляют тексты Мариинского четвероевангелия и Ассеманиева Евангелия. В греческом тексте причастие аориста $\epsilon\acute{\xi}\epsilon\lambda\theta\acute{o}\nu\tau\epsilon\varsigma$, букв.: ‘вышедшие’ глагола $\epsilon\acute{\xi}\epsilon\rho\chi\omicron\mu\alpha\iota$ ‘выхожу’.

²¹ Ср. предшествующий контекст: ² **въ домоу отца моего обитѣли многы сжтъ. аште ли же ни рекътъ вимъ вамъ. ѣко идж** (идти.IPFV/PFV.ACT.PRS.1SG) **оуготовати мѣсто вамъ.** (Мар.). ‘В доме Отца Моего обитателей много. Если бы нет, сказал бы Я вам: «(Я) иду приготовить место вам?»’. Греч.: $\epsilon\nu\ \tau\eta\ \omicron\iota\kappa\acute{\iota}\alpha\ \tau\omicron\upsilon\ \pi\alpha\tau\rho\acute{o}\varsigma\ \mu\omicron\upsilon\ \mu\omicron\nu\alpha\iota\ \pi\omicron\lambda\lambda\alpha\acute{\iota}\ \epsilon\iota\sigma\iota\nu\ \epsilon\acute{\iota}\ \delta\epsilon\ \mu\acute{\eta},\ \epsilon\acute{\iota}\pi\omicron\nu\ \grave{\alpha}\nu\ \upsilon\mu\acute{\iota}\nu\ \acute{o}\tau\iota\ \rho\omicron\rho\epsilon\upsilon\theta\omega\iota$ (отправляться.MED.IND.PRS.1SG) $\epsilon\tau\omicron\upsilon\mu\acute{\alpha}\sigma\alpha\iota\ \tau\acute{o}\pi\omicron\nu\ \upsilon\mu\acute{\iota}\nu$;

- (20) ³¹ она же шедъша <идти.IPFV/PFV.PART.PST.ACT.M.DU.NOM> прославиште
 <прославить.PFV.ACT.IND.AOR.3DU> и по всей земли той. (Зогр.)
 ‘Они <два исцелённых слепца> пошли (и) прославили Его <Иисуса> по
 всей земле той.’ — Мф 9, 31

Опираясь на предыдущие рассуждения, можно сделать допущение, что при переводе на старославянский суффиксы причастий настоящего времени могли быть присоединены к любой основе — и глагола НСВ, и глагола СВ. Именно так, на наш взгляд, можно объяснить показанное в (10a–b) соответствие:

стсл.: написаѣще <записать.PFV.PRT.PRS.ACT.PL.M.NOM>

греч.: ἀπογραφόμενοι <записывать.MED.PRS.PART.M.PL.NOM>.

Факт такого соответствия можно видеть в [Супрасълски... 1982: 33]:

- (21) навъкъ зѣло хытрость' влѣшебънжѣ. блдъникъ сы ѣзлиха паче
 вѣсѣхъ чловѣкъ. живштинихъ. вида чловѣчьскы добрыа жены и
 дъштери. тѣмъ похота <пожелать.PFV.PART.PRS.ACT.M.SG.NOM> ѣ въ лице
 вѣсѣдоуа ѣмъ. ѣ съвъкоупѣа са съ ними. прѣврати ѿ ... (Супр 7, 14–
 21)

‘(Он), усвоив колдовское мастерство, будучи блудником namного больше всех других людей живущих, видя хороших жен и дочерей, их возжелая и лицом к лицу беседа с ними и совокупляясь с ними, совратил их...’²²

В греческом тексте «на месте» прѣврати начинается лакуна, причастию похота соответствует презентное причастие ὁρῶν <PART.ACT.PRS.M.NOM.SG> глагола ὁρῶ ‘видеть’ в значении ‘желать’.

До сих пор в работе приводился материал византийских греческих текстов: либо дошедший в славянских списках, либо надежно реконструированный для IV века. Древнегреческий материал также представляет интерес. Сплошная выборка данных из древнегреческой прозы V–IV вв. до н.э. (ионийский и аттический диалекты) показывает, что в употреблении презентных причастий в составе таксисных конструкций также нет абсолютной однородности: одновременность положения дел ЗЧ (= зависимой час-

²² Старославянский пример приводится без сокращений, чтобы была видна вся полипредикативная конструкция. Более этичным приведением материала с сокращением пришлось пожертвовать в пользу исследовательской точности.

ти конструкции) с положением дел ГЧ (=главной части конструкции) наблюдается в 89% случаев. В случаях, когда причастие презенса не связано с одновременностью, на временную соотнесённость указывают наречия времени или последовательность событий хорошо известна адресату, и нет необходимости ее уточнять [Ибрагимов 2009: 484–486]. Ниже иллюстрация последнего случая.

- (22) ὑπὲρ δ' ὧν ἐκεῖ διεπράξατο, οἱ
о же чем там делать:AOR-IND:MED:3SG ART
- συμπρεσβεύοντες καὶ παρόντες
участвовать.вместе.в.посольстве:PRS-PART:ACT и присутствовать:PART:PRS:ACT
- καταμαρτυρήσουσιν, ...
свидетельствовать:FUT-IND:ACT:3PL
- ‘О том же, что сделал он там, вам дадут свидетельские показания те, кто участвовал вместе [с ним] в посольстве и те, кто там был’²³

Сам факт употребления причастия настоящего времени в функции предшествования имеет выход и в типологию таксисных конструкций. Это ещё одно свидетельство того, что морфологически одна глагольная форма в разных конструкциях способна покрыть весь континуум таксисных значений от предшествования (см. выше (4)) до следования (23). Правда, если «отбирать» причастия «с точностью до категории вида», это форма причастия PART.IPFV.PRS.

- (23) ¹⁸ приде во иоанъ не пьѣ <пить.IPFV/PFV.PART.PRS.ACT.M.SG.NOM> ни ѣды <есть.IPFV/PFV.PART.PRS.ACT.M.SG.NOM>. и глаголютъ вѣсь имать. ¹⁹ приде снѣ члвчскъ ѣды и пьѣ. и глаголютъ се съ члвкъ ѣдѣца и винопица. мытаремъ дроугъ и грѣшникомъ. (Мар.)²⁴
- ‘Ведь пришёл Иоанн, ни пьёт, ни ест; и говорят: «В нём бес». Пришёл Сын Человеческий, ест и пьёт; и говорят: «Вот, этот человек — обжора и пьяница, друг мытарям и грешникам».’ — Мф 11, 18–19

²³ Одна глосса в этом примере была изменена: DEF → ART.

²⁴ В греческом тексте употреблены те же формы — две личные формы аориста ἦλθεν, после каждой из которых следуют два причастия настоящего времени ἐσθίων букв. ‘едя’ и πίνων букв. ‘пия’: ¹⁸ ἦλθεν γὰρ Ἰωάννης μῆτε ἐσθίων μῆτε πίνων καὶ λέγουσιν δαιμόνιον ἔχει ¹⁹ ἦλθεν ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου ἐσθίων καὶ πίνων, καὶ λέγουσιν, ἰδοὺ ἄνθρωπος φάγος καὶ οἰνοπότης τελωνῶν φίλος καὶ ἁμαρτωλῶν...

Пример требует небольшого комментария. Причастия *πινῶν* и *ἐδῶν*, с нашей точки зрения, организуют отдельные клаузы и имеют в этой конструкции значение следования. Появление на земле Иоанна Предтечи, и то, что он вёл аскетический образ жизни, не настолько связаны, чтобы все три соответствующих глагола — *прити* ‘прийти’, *ἄστι* ‘есть’ и *πιπι* ‘пить’ — вместе с отрицанием видеть в вершине конструкции *πριδε βο ιοανῆ νε πινῶνι ἐδῶν* ‘ведь пришёл Иоанн не “едающий” и не пьющий’. Этот контекст представляет собой не тот случай, когда причастие вместе с личной формой глагола является предикатом и в этом качестве характеризует A-/S-участника ситуации²⁵. Комментаторы греческого текста отмечают: «... Во все не предполагается, что он был сверхъестественным существом, которое не нуждается ни в еде, ни в питье» [Ньюман, Стайн 1998: 320–321].

Безусловно, высказанные в работе соображения не представляют собой окончательных исследовательских решений, а лишь намекают на возможное дальнейшее погружение в материал, которое могло бы их скорректировать.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ACT — активный залог; AOR — аорист; ART — артикль; CONJ — конъюнктив; DAT — датив; DU — двойственное число; FUT — будущее время; IMP — императив; IMPF — имперфект; IND — индикатив; IPFV — имперфектив; M — мужской род; MED — медий; N — средний род; NOM — номинатив; PART — причастие; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

Список источников / References

Архангельский, Панов 2012 — Архангельский Т.А., Панов В.А. Аспект в греческом языке: проблемные зоны и типология // Плуноян В.А. (отв. ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий / Acta Linguistica Petropolitana. T. VIII. Ч. 2. СПб: Наука, 2012. С. 122–148. [Arkhangel'skii T.A., Panov V.A. Aspect in Greek: Problems and typology. Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 6: Tipologiya aspektual'nykh sistem i kategorii. Acta Linguistica Petropolitana. V. VIII. P. 2. Plungian V.A. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2012. S. 122–148.]

²⁵ Этот случай выглядит следующим образом: ⁷ ἰ ρεχε εμοῦ ἰδι οὔμῳι σα ἐν κοῦπῆλι σιλοῦαμῶςιτῆ. εἰε σῆκαζατῆ σα посланῆ. ἰδεἰε и οὔμῳι σα и πριδε вида. (Мар.) ‘И сказал ему (Иисус): «Иди, умойся в купели Силоамской, что значит “послан(ный)”», где и умылся (он) = (слепорожденный) и «пришёл видящий» — Ин 9, 7.

- Вайан 2002 — Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М.: УРСС, 2002. [Vaian A. Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku [Guide to the Old Slavonic language]. Moscow: URSS, 2002.]
- Вейсман 1991 — Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М., 1991. [Veisman A.D. Grechesko-russkii slovar' [Greek-Russian Dictionary]. Moscow, 1991.]
- Достал 1962 — Достал А. Каково было значение видовых основ в праславянском языке? // Маслов Ю.С. (сост. и ред.). Вопросы глагольного вида. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 276–279. [Dostal A. What were the aspectual bases' meanings in Proto-Slavonic? Maslov Yu.S. (ed.). Voprosy glagol'nogo vida. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1962. S. 276–279.]
- Ибрагимов 2009 — Ибрагимов И.И. Таксис в древнегреческом языке // Храковский В.С. (отв. ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 470–503. [Ibragimov I.I. Taxis in Ancient Greek. Tipologiya taksisnykh konstruksii. Khrakovskii V.S. (ed.). Moscow: Znak, 2009. S. 470–503.]
- Иванова 1997 — Иванова Т.А. Старославянский язык. М.: Высшая школа, 1997. [Ivanova T.A. Staroslavjanskii yazyk [The Old Slavonic language]. Moscow: Vysshaya shkola, 1997.]
- Кузьмина, Немченко 1982 — Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. История причастий // Аванесов Р.И., Иванов В.В. (ред.). Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М.: Наука, 1982. С. 280–411. [Kuz'mina I.B., Nemchenko E.V. The history of participles. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya. Glagol. Avanesov R.I., Ivanov V.V. (eds.). Moscow: Nauka, 1982. S. 280–411.]
- Маслов 1963 — Маслов Ю.С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1963. [Maslov Yu.S. Morfologiya glagol'nogo vida v sovremennom bolgarskom literaturnom yazyke [Morfology of verbal aspect in Modern Standard Bulgarian]. Moscow-Leningrad.: Izd. AN SSSR, 1963.]
- Маслов 2004 — Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание / Бондарко А.В., Майсак Т.А., Плунгян В.А. (сост. и ред.). М.: Языки славянской культуры, 2004. [Maslov Yu.S. Selected Works. Aspectology. General Linguistics. Bondarko A.V., Maisak T.A., Plungian V.A. (eds.). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.]
- Ньюман, Стайн 1998 — Ньюман Б., Стайн Ф. Комментарии к Евангелию от Матфея. М.: Российское Библейское общество, 1998. [N'yuman B., Stain F. A translator's handbook on the Gospel of Matthew. Moscow: Rossiiskoe Bibleiskoe obshchestvo, 1998.]
- Потебня 1941 — Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. М.: Издательство АН СССР, 1941. [Potebnya A.A. From the notes on Russian Grammar. Vol. IV. Verb. Pronoun. Numeral. Preposition. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941.]
- Сведенцова 2012 — Сведенцова Е.А. Старославянский глагол: внутри и вне сферы действия грамматического вида // Славянские языки и культуры в современном мире: II Международный научный симпозиум (Москва, МГУ, филологический факультет, 21–24 марта 2012 г.): Труды и материалы. Сост. Дедова О.В., Захаров Л.М., Лифанов К.В.; под общим руководством Ремнёвой М.Л. М.: Изд. МГУ, 2012. С. 38–39. [Svedentsova E.A. The Old Slavonic verb: inside and outside the scope of the grammatical aspect // Slavyanskie yazyki i kul'tury v sovremennom mire: II Mezhdunarodnyi nauchnyi simpozium (Moscow, MGU, filologicheskii fakul'tet, 21–24.03.2012): Trudy i materialy / Dedova O.V., Zakharov L.M., Lifanov K.V. (eds.), Remneva M.L. (ed. in-chief). Moscow: Izd. MGU, 2012. S. 38–39.]

- Силина 1982 — Силина В.Б. История категории глагольного вида // Аванесов Р.И., Иванов И.И. (ред.). Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М.: Наука, 1982. С. 158–279. [Silina V.B. The history of the verbal aspect category. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya. Glagol*. Avanesov R.I., Ivanov V. (eds.). Moscow: Nauka, 1982. S. 158–279.]
- ССС 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Цейтлин Р.М., Вечерка Р., Благова Э. (ред.). М.: Русский язык, 1994. [Old Slavonic Dictionary (based on manuscripts of the 10th–11th centuries). Tseitlin R.M., Vecherka R., Blagova E. (eds.). Moscow: Russkii yazyk, 1994.]
- ССЯ 2006 — Словарь старославянского языка. В 4-х томах. Алексеев А.А., Герд А.С. (отв. ред.). СПб: СПбГУ (репринт издания Чешской АН, 1966–1997), 2006. [The Old Slavonic Language Dictionary. In 4 volumes. Alekseev A.A., Gerd A.S. (eds.). SPb: SPBGU (reprint izdaniya Cheshskoi AN, 1966–1997), 2006.]
- Штеле 1994 — Штеле М. Грамматика древнегреческого языка. Пер. с нем. В.П. Казанскене. СПб: Санкт-Петербургская классическая гимназия, Алетейя, 1994. [Shtele M. Ancient Greek grammar. Per. s nem. Kazanskene V.P. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskaya klassicheskaya gimnaziya. Aleteiya, 1994.]
- Breu 1994 — Breu W. Interactions between lexical, temporal and aspectual meanings. *Studies in Language*, 18 (1), 1994. Pp. 23–44.
- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Malchukov 2009 — Malchukov A. Incompatible categories: Resolving the “present perfective paradox”. Hogeweg L., de Hoop H., Malchukov A. L. (eds.). *Cross-linguistic Semantics of Tense, Aspect, and Modality*. Amsterdam: Benjamins, 2009. Pp. 13–32.
- Schwyzler, Debrunner 1950 — Schwyzler E., Debrunner A. *Griechische Grammatik. Auf der Grundlage von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik von Eduard Schwyzler*. Band 2. Syntax und Syntaktische Stilistik. Vervollständigt und herausgegeben von Albert Debrunner. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1950.

Источники текстов

- Асс. — Ассеманиево четвероевангелие (XI в.): Kurz, J. *Evangeliář Assemanův. Kodex Vatikánský 3. slovanský. Díl II*. Praha, 1955.
- Евх. — Евхологий Синайский = Синайский требник (XI в.). Frček, J. *Euhologium Sinaiticum. Texte slave avec sources grecques et traduction française*. Paris: Patrologia Orientalis. T. 25, fasc. 3, 1939.
- Зогр. — Зографское четвероевангелие (к. X–XI в.): Jagić, V. *Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus*. Graz: Akademische Druck – U. Verlagsanstalt, 1954.
- Мар. — Мариинское четвероевангелие (XI в.): Мариинское четвероевангелие / Труд И. В. Ягича. СПб, 1883.
- Савв. — Саввина книга (XI в.): Саввина книга / Изд. Щепкин В. Н. СПб, 1903. Переизд.: Грац, 1959.
- Син. — Синайская псалтырь (XI в.): Северьянов С. Н. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в. Петроград: Отд. русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1922.
- Супр. — Супрасльская рукопись (с. XI в.): Северьянов С. Н. Супрасльская рукопись. СПб: Отд. русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1904.

Новый Завет на греческом с подстрочным переводом на русский язык / Алексеев А.А. (ред.). СПб., 2003.

Супрасълски или Ретков сборник. София: Издателство на Българската Академия на Науките. Т.1. 1982. Заимов, Й. Увод и коментар на старобългарския текст. Капалдо, М. Подбор и коментар на гръцкия текст.

Novum Testamentum Graece. (Nestle-Aland). Deutsche Bibelgesellschaft. 27. Revidierte Auflage, 1993–2001.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 24.11.2023; принята к публикации 14.12.2023;

The article was received on 02.10.2023; approved after reviewing 24.11.2023; accepted for publication 14.12.2023.

Елена Анатольевна Сведенцова

Санкт-Петербургский государственный университет

Elena Svedentsova

St Petersburg University

svedentsova@gmail.com

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi: 10.37632/PI.2023.15.57.005

СОБЫТИЙНАЯ СТРУКТУРА МОРФОЛОГИЧЕСКОГО КАУЗАТИВА В СОБСТВЕННО ХВАРШИНСКОМ*

Г.О. Сибилев

Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: В статье рассматривается устройство событийной структуры морфологического каузатива в собственно хваршинском диалекте хваршинского языка (цезская группа < аваро-андо-цезская ветвь < нахско-дагестанские языки). Мы также проанализировали семантические параметры морфологического каузатива на *-χ/-k'* и сравнили их с семантическими параметрами аналитической каузативной конструкции. Отметим, что конструкция с морфологическим маркером каузатива может являться как однособытийной (концептуализироваться как единая ситуация), так и двусобытийной (концептуализироваться как две независимых ситуации). Известно, что на событийную структуру морфологического каузатива главным образом влияют прагматические ограничения и акциональная характеристика предиката. Однако, материалы полевого исследования хваршинского языка демонстрируют, что на событийную структуру также могут влиять и иные факторы: например, временная соотносённость события каузации и каузируемого события или засвидетельствованность говорящим процесса каузации.

Ключевые слова: морфологический каузатив, нахско-дагестанские языки, событийная структура, хваршинский язык

Для цитирования: Сибилев Г.О. Событийная структура морфологического каузатива в собственно хваршинском // Типология морфосинтаксических параметров. 2023. Том 6, вып. 1. С. 112–129.

* Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Полевое исследование грамматической семантики хваршинского языка» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

THE EVENT STRUCTURE OF THE MORPHOLOGICAL CAUSATIVE IN KHWARSHI PROPER*

Grigorij Sibilev

Russian State University for the Humanities

Abstract: The article discusses the event structure of morphological causative in Khwarshi Proper dialect of the Khwarshi language (Tsezic < Avar-Ando-Tsezic < Nakh-Daghestanian). We also analyzed the semantic parameters of the morphological causative on *-χ/-k'* and compared them with the semantic parameters of the analytical causative construction. Note that a construction with a morphological causative can be either mono-eventive (conceptualized as a single situation) or bi-eventive (conceptualized as two independent situations). The event structure of morphological causative is mainly influenced by pragmatic constraints and the actional characteristic of predicate. However, the field data from Khwarshi Proper demonstrate that other factors can also affect the event structure: for example, the temporal correlation of the causing event and the caused event or the witness of the causation process by the speaker.

Keywords: morphological causative, Nakh-Daghestanian, event structure, Khwarshi language

For citation: Sibilev G. The event structure of the morphological causative in Khwarshi Proper. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2023. Vol. 6, iss. 1. Pp. 112–129. (In Rus.)

1. Введение

В структуре морфологического каузатива принято выделять два подсобытия — событие каузации и каузируемое событие (см. [Shibatani 1972; Rylkkänen 2000; Лютикова и др. 2006] и т.п.). Основным параметром, связанным с данным свойством, заключается в противопоставлении (i) однособытийного и (ii) двусобытийного морфологического каузатива. Разница между этими типами заключается в концептуализации окружающей действительности: так, при однособытийной концептуализации предполагается, что вся ситуация едина, в то время как при двусобытийной событие каузации и каузируемое событие могут представлять собой два независи-

* The findings presented in this paper are part of “Khwarshi grammar and semantics field research” project (RSUH student’s scientific groups programme).

мых события и тем самым породить несколько возможных интерпретаций при взаимодействии с разными синтаксическими контекстами.

Изначально особое поведение морфологического каузатива в сравнении с непроизводными переходными глаголами было отмечено в японском языке [Shibatani 1972; Shibatani 1990]. Так, в конструкции с переходным глаголом (а) рефлексивному местоимению доступен только один антецедент; в то время как каузативная конструкция (b) допускает два:

(1) a. *Taroo wa Hanako ni zibun no syasin*
Таро TOP Ханакo DAT себя GEN картинка

o mise-ta.

ACC показать-PST

‘Таро_i показал Ханакo своё_i фото.’

b. *Taroo wa Hanako ni zibun no syasin*
Таро TOP Ханакo DAT себя GEN картинка

o mi-sase-ta.

ACC смотреть-CAUS-PST

‘Таро_i сделал так, чтобы Ханакo_j посмотрел на его_{i,j} фото.’ [Shibatani 1990: 312]

Позже были предложены синтаксические тесты на многособытийность каузативных конструкций, связанные со сферой действия разных модификаторов. Так, если морфологический каузатив двусобытиен, то каждое из выделяемых подсобытий должно иметь возможность модифицироваться отдельно от другого, что создаёт допустимость наличия нескольких интерпретаций у одного высказывания. Например, обстоятельство длительности в карачаево-балкарском языке демонстрирует двусобытийную структуру:

(2) *fatima eki minut kerim-ge terek-ni cajqa-t-ti.*
Фатима два минута Керим-DAT дерево-ACC качать-CAUS-PST.3SG

i. ‘Фатима заставляла Керима покачать дерево (и все это происходило) две минуты.’

ii. ‘Фатима заставила Керима покачать дерево две минуты.’

iii. ‘Фатима две минуты заставляла Керима покачать дерево.’

[Лютикова и др. 2006: 141]

В адыгейском языке обстоятельство временной локализации обязательно относится к каузируемой ситуации и тем самым диагностирует одно-событийную структуру:

- (3) *jate njepe čale-mwəcə r-jə-ve-wəpč'e.*
 отец(OBL) сегодня парень-OBL 3SG.CS-3SG.CR-CAUS-косить(PRS)
 i. 'Отец сегодня заставляет/просит парня косить траву (и парень косит сегодня).'
 ii. 'Парень сегодня косит траву, потому что отец его (раньше) заставил/попросил.'
 *iii. 'Отец сегодня заставляет/просит парня косить траву, но будет ли тот косить и если да, то когда, неизвестно.' [Аркадьев, Летучий 2007: 4]

Отдельно стоит отметить, что в (3) также доступна широкая модификация всей ситуации, но, поскольку обстоятельство временной локализации не может отдельно модифицировать каузирующую ситуацию, структура не может быть двусобытийной (подробнее см. раздел 4).

На данный момент существует некоторое количество работ, рассматривающих событийную структуру морфологического каузатива в разных языках мира (например, карачаево-балкарский [Лютикова и др. 2006], адыгейский [Аркадьев, Летучий 2007], венгерский [Bartos 2011], удмуртский [Tánczos 2015], абазинский [Koshevoy 2018], татышлинский говор удмуртского языка [Белова 2022] и т.д.).

Настоящая статья посвящена событийной структуре морфологического каузатива в собственно хваршинском диалекте хваршинского языка (цезская группа < аваро-андо-цезская ветвь < нахско-дагестанские языки) и состоит из следующих разделов: раздел 2 посвящён обзору семантических параметров, используемых при описании каузативных конструкций, в разделе 3 приведена базовая информация о хваршинском языке, а также о способах выражения каузации в этом идиоме, в разделе 4 рассматривается событийная структура морфологического каузатива хваршинского языка, в разделе 5 приведены обобщающие данные.

2. Теоретический обзор

На данный момент разными исследователями было разработано определённое количество параметров, используемых для описания каузативных конструкций и, в частности, для описания морфологического каузатива и

его событийной структуры. Прежде чем перейти к объекту настоящего исследования, рассмотрим некоторые фундаментальные семантические параметры, применяемые для описания каузативных конструкций.

Первый семантический параметр заключается в противопоставлении контактного и дистантного каузатива [Холодович 1969]. Контактный каузатив используется для описания ситуаций прямого физического воздействия каузирующего на каузируемого, в то время как дистантный — для описания ситуаций опосредованного влияния на каулируемого. Данное семантическое противопоставление может отражаться и в глагольной морфологии. Например, амурский диалект нивхского языка различает разные показатели контактного и дистантного каузатива [Nedjalkov, Otaina 2013]:

(4) a. *Lep t'e-d.*

хлеб высушиться-IND

‘Хлеб высушился.’

b. *If lep + se-u-d.*

он(а) хлеб + высушиться-TR-IND

‘Он высушил хлеб.’ (для высушенных корочек)

c. *If lep + etu-doχ q'au-r t'e-gu-d.*

он(а) хлеб + покрыть-SPN не.быть-CONV:NAR:3SG высушиться-CAUS-IND

‘Не накрыв хлеб, он позволил (ему) высушиться.’ [Nedjalkov, Otaina 2013: 234]

Так, для образования контактного каузатива от исходного глагола *t'e* ‘высушиться’ в (4b) используется маркер *-u-*, а полученная конструкция описывает ситуацию, при которой каузатор имеет прямое физическое влияние на каулируемого (каузатор взял хлеб и сделал что-то для того, чтобы он стал сухим). В (4c) для образования дистантного каузатива используется маркер *-gu-*, при этом, как уточняют авторы, для такой конструкции существует как фактитивно-дистантное прочтение (каузатор намеренно позволил хлебу высушиться, не используя при этом никаких физических манипуляций), так и пермиссивное (каузатор не препятствовал реализации ситуации)¹.

¹ Интересно, что пермиссивная интерпретация не всегда доступна для морфологического каузатива (подробнее см. [Холодович 1969: 29]).

В [Shibatani, Pardeshi 2002] описывается параметр, базирующийся на понятиях агентивности/пациентивности участников ситуации и различающий прямой/непрямой тип каузации. Так, при прямой каузации осуществление исходной ситуации полностью возлагается на каузатора, а сам он оказывается единственным агентивным участником; каузируемый, соответственно, претерпевает некоторые физические манипуляции и тем самым пациентивен. Непрямая каузация устроена иначе — поскольку влияние каузатора опосредовано, каузируемый способен влиять на каузируемое событие, что позволяет концептуализировать события как два независимых — подсобытие каузации и каузируемое подсобытие.

Стоит также отметить, что авторы демонстрируют градуальный характер противопоставления прямого и непрямого типа каузации; так, например, в работе выделяется такой промежуточный тип каузации как ассистив (*assistive*), при котором каузатор выполняет исходное действие совместно с каузируемым.

3. Хваршинский язык

3.1. Общие сведения

Хваршинский язык относится к западноцезским языкам, входящим в цезскую группу аваро-андо-цезской ветви нахско-дагестанской семьи, и распространён на территориях Цумадинского, Хасавюртовского и Кизилюртовского районов республики Дагестан. Внутри хваршинского языка, согласно [Testelets, Khalilova in print], принято выделять два диалекта: инхокваринский и собственно хваршинский.

Наиболее изученным диалектом хваршинского языка остаётся инхокваринский диалект; ему посвящена грамматика 2009 года ([Khalilova 2009]), кроме того, многие исследователи, приводя данные хваршинского языка, чаще всего имеют в виду именно инхокваринский диалект (см. например [Добрушина 2009: 52]). В то же время собственно хваршинскому диалекту (в некоторых работах также «хварши-хонокский») посвящено два кратких грамматических очерка [Шарафутдинова, Левина 1961] и [Testelets, Khalilova in print], а также отдельные статьи.

В настоящем исследовании были использованы материалы собственно хваршинского диалекта хваршинского языка (далее «хваршинский язык»), полученные в ходе экспедиций 2023 года в сёла Хонох и Муцалаул.

3.2. Морфологический каузатив хваршинского языка

Хваршинский язык — морфологически эргативный язык, в котором глагол согласуется с абсолютивом². Базовый порядок слов — SOV:

(5) *obu durda-ha.*
отец бегать-PRS
'Отец бегаёт.'

(6) *obut'-i ħalt'i b-u-ho.*
отец\O-ERG работа(III) III-делать-PRS
'Отец делает работу.'

В хваршинском языке морфологический каузатив выражается с помощью маркеров *-χ-* и *-k'-*, а также ряда их алломорфов. При этом данные маркеры находятся в отношении дополнительной дистрибуции:

(7) *m-i da ħirda-jk'a.* *(-χχα)
2SG-ERG 1SG.ABS пугаться-CAUS\PST.W
'Ты меня напугал.'

(8) *učitel-i uža uvrida-χ-χo.* *(-k'-)
учитель-ERG мальчик думать-CAUS-PRS
'Учитель заставляет мальчика думать.'

Также морфологический каузатив рекурсивен и образуется с помощью сочетания двух вышеописанных маркеров *-χ-* и *-k'-* (9):

(9) *išat'-i uža-ŋo šamil-ŋo kande-val kukla tīl-eχ-ejk'a.*
мама\O-ERG сын-POSS Шамиль-POSS дочка\O-DIR кукла давать-CAUS-CAUS\PST.W
'Мама заставила сына, чтобы сын заставил Шамиля отдать куклу дочке.'

Морфологический каузатив также неимплицитивен (10), т.е. допускает семантику «неудачной попытки»:

² Отметим, что мы не сопровождаем существительное ярлыком абсолютива в строке глоссирования.

- (10) *χol-i aminat-qo tīl-eχ-χα zihī-l baχ,*
 муж-ERG Аминат-POSS дать-CAUS-PST.W корова-DAT трава

[*amma aminat-i tīl-aj zihī-l baχ*].
 [но Аминат-ERG дать-NEG.PST.W корова-DAT трава]

‘Муж заставил Аминат дать корове траву, [но Аминат не дала траву корове].’

Помимо морфологического каузатива, существуют и синтаксические конструкции каузации³: (11) аналитическая конструкция с лёгким глаголом *ešt’a* ‘пускать’ (подробно см. [Лютикова 2020]) и (12) перифрастическая конструкция, образуемая с помощью глагола речи и смыслового глагола в императиве:

- (11) *uqič-i obu ešt-t’a ħalt’i b-uw-a.*
 дедушка-ERG отец 1.пускать-PST.W работа 3ш-делать-INF

‘Дедушка отправил отца делать работу.’

- (12) *uqič-i obut’-qo iλ-λa uža-s*
 дедушка-ERG отец\O-POSS говорить-PST.W сын-GEN1

ħalt’i b-uw-o = λλa.
 работа 3ш-делать-IMP = QUOT

‘Дедушка сказал отцу сделать работу сына.’ (букв. «Дедушка сказал отцу, мол, сделай работу сына».)

Аналитическая каузативная конструкция чаще всего используется для выражения дистантной каузации (13), в то время как конструкция с морфологическим показателем — для контактной (14):

- (13) *šamil-i ešt-t’a uža durd-a.*
 Шамиль-ERG 1.пускать-PST.W сын бегать-INF

‘Шамиль отправил сына бегать.’ (Шамиль находился в другом месте и не пошёл с сыном.)

³ Подробнее о типах каузативной конструкции см. [Kulikov 2001].

(14) *šamil-i uža durda-jk'a.*

Шамиль-ERG сын бегать-CAUS\PST.W

‘Шамиль заставил сына побегать.’ (Шамиль в это время бегал вместе с сыном.)

Однако это не означает, что морфологический каузатив не способен выражать непрямую каузацию (15):

(15) *obut'i šamil-qo vidu laže-χ-χa kutane-l.*

отец\O-ERG Шамиль-POSS поле пахать-CAUS-PST.W плуг-DAT

‘Отец заставил Шамиля вспахать поле плугом.’ (Говорящий указывает на Шамиля, который пашет поле один.)

Пермиссивная интерпретация при морфологическом каузативе доступна только для предикатов, которые не допускают фактитивной интерпретации в силу своих прагматических ограничений; так в (16) процесс увядания цветка не может быть проконтролирован, а следовательно и инициирован каузатором. В остальных случаях используется аналитическая конструкция (17):

(16) *šamil-i gange q'aq'a-χ-χa.*

Шамиль-ERG цветок гнить-CAUS-PST.W

‘Шамиль сделал так, чтобы цветок завял.’ (Шамиль не следил за цветком, и поэтому он завял.)

(17) *išat'i kande-s kad λes-a j-ešt'a-na.*

мама\O-ERG дочка-GEN1 дочка спать-INF II-пустить-PST.U

‘Мама разрешила дочке дочери пойти спать.’

Возможно, допустимость пермиссивной интерпретации в (16) связана с тем, что данную семантическую зону не может занять аналитическая каузативная конструкция, требующая большую степень агентивности каузируемого, но это предположение требует дальнейших исследований.

Стратегия маркирования аргументов в конструкциях с морфологическим каузативом выглядит следующим образом: каузатор маркируется эргативом, каузируемый — (i) поссессивом, если является внешним аргументом, и (ii) абсолютивом, если внутренним.

4. Событийная структура морфологического каузатива в хваршинском языке

Как уже упоминалось выше, для диагностирования одно-/двусобытийной структуры используются синтаксические тесты, в основном связанные со сферой действия разных модификаторов. Наиболее распространённые из них связаны со сферой действия так называемых «низких» адвербиалов (см. [Cinque 1999; Delfitto 2006]). В настоящей работе мы будем использовать тест на сферу действия адвербиалов времени, а именно: обстоятельство временной локализации (вчера, сегодня и т.д.), обстоятельство длительности (15 минут, два часа и т.д.) и обстоятельство кратности (два раза и т.д.).

Также отметим, что каждая из приведённых ниже интерпретаций подтверждалась не менее чем двумя информантами из пяти. При этом только обстоятельство кратности оказывается непоследовательным тестом: например, три разных носителя могли диагностировать три разные событийные структуры. Однако, мы все равно включили данный тест в общий анализ и попытались выделить ряд закономерностей, которые можно наблюдать у каждого из опрошенных носителей.

4.1. Обстоятельство временной локализации

Обстоятельство временной локализации на первый взгляд оказывается наиболее последовательным синтаксическим тестом: при дистантной интерпретации конструкция допускает как модификацию каузируемого события CAUSE[e1; ADV[e2]]⁴, так и модификацию всей ситуации в целом ADV[CAUSE[e1; e2]] (18); при контактной допускается только модификация всей ситуации ADV[CAUSE[e1; e2]] (19):

(18) *uchitel-i žequť šamil durda-jk'a.*
учитель-ERG сегодня Шамиль бегать-CAUS\PST.W

i. 'Учитель сегодня заставил Шамиля пробежать, и он пробежал сегодня.'

ii. 'Учитель [когда-то] заставил Шамиля пробежать, и он сегодня пробежал.'

*iii. 'Учитель сегодня заставил Шамиля пробежать, но он ещё не бежал.'

⁴ Здесь и далее мы будем использовать формальную запись, где CAUSE — отношение каузации между двумя событиями, e1 — событие каузации, e2 — событие каузируемого и ADV[] — сфера действия адвербиала.

- (19) *madina žequł kavat j-ak^wa-χ-χα.*
 Мадина\ERG сегодня письмо V-гореть-CAUS-PST.W
 ‘Мадина сегодня сожгла письмо.’

Интересно, что сфера действия временной локализации может диагностировать однособытийную структуру как в языках, где морфологический каузатив способен концептуализироваться как двусобытийный (см. адыгейский язык [Аркадьев, Летучий 2007]), так и в языках, где морфологический каузатив демонстрирует строго однособытийную структуру по всем применяемым синтаксическим тестам (татышлинский говор удмуртского языка [Белова 2022]). Однако, в горномарийском языке допускается модификация двумя адвербиалами и, следовательно, независимая модификация событий каузации и каузируемого:

- (20) *tagačê Pet'a Vas'a-lan irgod-âm*
 сегодня Петя Вася-DAT завтрашний.день-ACC

sir-mäš-äm sir-äkt-en.
 писать-NMLZ-ACC писать-CAUS.DIST-PRET
 ‘Сегодня Петя заставил Васю написать завтра письмо.’
 ([Сибирева 2017: 8] цит. по [Белова 2022: 16])

В хваршинском языке такая модификация невозможна:

- (21) *madina hũłχo kande-qo daro χĩλa-χ-χα *žequł.*
 Мадина\ERG вчера девочка\O-POSS лекарства пить-CAUS-PST.W сегодня
 Ожид. знач.: ‘Мадина вчера заставила девочку выпить лекарства, а она выпила сегодня.’

4.2. Обстоятельство длительности

Обстоятельство длительности демонстрирует противоречивую диагностику событийной структуры в сочетании с дистантными каузативами. Например, для (22) допускаются все три интерпретации:

- (22) *išat'-i uc'a = ge łena minuŋto-λ'o fatima-qo*
 мама\O-ERG десять = COM пять минута\O-SUP Фатима-POSS

hĩše sumka-ma gila-χ-χα.
 книга сумка-IN класть-CAUS-PST.W
 і. ‘Мама заставила Фатиму положить книгу в сумку, и она положила книгу в сумку.’ (вся ситуация заняла 15 минут)

- ii. ‘Мама заставила Фатиму положить книгу в сумку, и она 15 минут клала книгу в сумку.’ (говорящий видит, как мама подходит и просит Фатиму сделать это; мама уходит и только спустя некоторое время Фатима на протяжении 15 минут пытается положить книгу в сумку)
- iii. ‘Мама 15 минут заставляла Фатиму положить книгу в сумку, и она положила книгу в сумку.’ (говорящий видит, как мама на протяжении 15 минут просит Фатиму взять с собой книгу; мама уходит и только после этого Фатима кладёт книгу в сумку)

Однако, если говорящий не наблюдает событие каузации, а лишь опосредованно знает о ней, то узкая модификация каузирующего события невозможна *CAUSE[ADV[e1]; e2]:

- (23) *učitel-i uc'a=ge ĩena minuĵto-λ'o űamil durd-ajk'a.*
 учитель-ERG десять=COM пять минута\O-SUP Шамиль бегать-CAUS\PST.W
- i. ‘Учитель заставлял Шамиля бегать, и он бегал.’ (вся ситуацию длилась 15 минут)
 - ii. ‘Учитель заставил Шамиля бегать, и он 15 минут бегал.’ (говорящий знает, что учитель заставил бегать Шамиля, но просьба имела место ранее, например, в другой день; говорящий видит только бегущего Шамиля)
 - *iii. ‘Учитель 15 минут заставлял Шамиля бегать.’ (говорящий видит бегущего Шамиля и знает, что некоторое время назад учитель 15 минут заставлял Шамиля пойти бегать, но сам не наблюдал процесс каузации)

В приведённых примерах каузатив имеет дистантную семантику, но позиция говорящего в этих ситуациях разная: в (22) говорящий наблюдал событие каузации, а в (23) — нет. При этом контактные каузативы демонстрируют такую же структуру, как и дистантные, в которых и каузирующая, и каузируемая ситуации были засвидетельствованы говорящим:

- (24) *madina uc'a=ge ĩena minuĵto-λ'o kavat j-ak^wa-χ-χa.*
 Мадина\ERG десять=COM пять минута\O-SUP письмо V-гореть-CAUS-PST
- i. ‘Мадина сожгла письмо’. (Мадина некоторое время пыталась поджечь письмо и некоторое время письмо горело — вся ситуация совместно длилась 15 минут)
 - ii. ‘Мадина сожгла письмо, и оно горело 15 минут.’
 - iii. ‘Мадина 15 минут пыталась поджечь письмо, и оно сгорело.’

Таким образом, на количество интерпретаций приведённых выше высказываний влияет не контактность/дистантность каузатива заданных стимулов, а тот факт, засвидетельствовал ли говорящий событие каузации.

Некоторые предикаты не допускают широкую сферу действия модификатора *ADV[CAUSE[e1; e2]], что может быть объяснено концептуализацией временной соотнесённости событий каузации и каузируемого события. Рассмотрим примеры (25) и (26):

(25) *rasul-i uc'a = ge tēna minuĵto-λ'o*
 Расул-ERG десять = COM пять минута\O-SUP

b-ak^wa-χ-χa kande-qo zihĩ.
 Ш-видеть- CAUS-PST.W дочка-POSS корова

‘Расул показал девочке корову.’ (вся ситуация длилась 15 мин.)’

(26) *madina uc'a = ge tēna minuĵto-λ'o ħeva*
 Мадина\ERG десять = COM пять минута\O-SUP Ева

buža-χ-χa išat-λ'o.
 верить-CAUS-PST.W мама\O-SUP

*‘Мадина заставила Еву поверить маме.’ (вся ситуация длилась 15 минут.)

В (26) процесс каузации обязан закончиться в тот момент, когда Ева поверит маме (поскольку цель каузации уже достигнута), т.е. окончание события e1 инициирует событие e2:

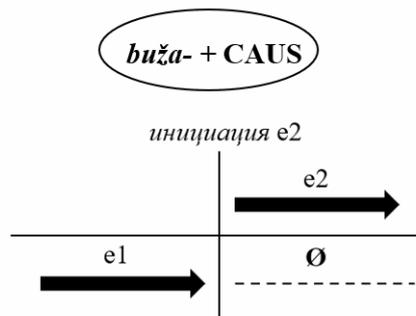

Рисунок 1. Временная соотнесённость двух событий внутри каузативной конструкции с глаголом *buža-* ‘верить’

Для (25) такая интерпретация нехарактерна: процесс демонстрации коровы не обязан заканчиваться, даже если девочка уже увидела её (например, Расул может указывать на отдельные черты коровы). Таким образом,

событие каузации и каузируемое событие могут накладываться друг на друга, допуская широкую модификацию обстоятельством длительности:

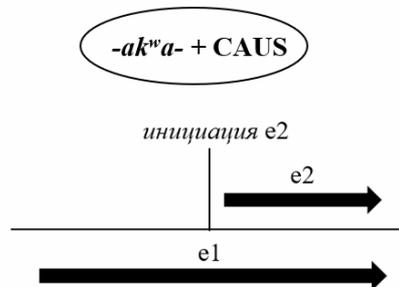

Рисунок 2. Временная соотнесённость каузативной конструкции с глаголом *-ak^w a-* ‘видеть’

В [Белова 2022] высказано предположение, что если структура морфологического каузатива двусобытийна, то в тех случаях, когда акциональная характеристика предиката каузируемого подсобытия препятствует его сочетаемости с обстоятельством длительности, событие каузации должно быть доступно для модификации. Так в татышлинском говоре удмуртского языка, где каузатив строго однособытийен, следующее высказывание неграмматично:

(27) **anaj-ez* *Vas'a-jez* *kək* *sägät* *ž'ök*
 мама-POSS.3SG Вася-ACC два час стол

vəl-äs' *jablok* *bas'tə-t-i-z.*
 поверхность-EL яблоко брать-CAUS-PST.3SG

Ожид. знач.: ‘Мама два часа уговаривала Васю взять яблоко со стола’ /
 ‘Мама заставила Васю два часа брать яблоко со стола.’ [Белова 2022: 18]

Как мы могли видеть ранее, в хваршинском языке обстоятельство длительности позволяет такую модификацию, а данный синтаксический тест тем самым диагностирует двусобытийную структуру:

(28) *is-i* *q'al-a-qo* *minujto-λ'o* *hījoš*
 I.DEM.SG.O-ERG ребёнок-O-POSS минута\O-SUP яблоко

b-as-eχ-χa.
 III-брать-CAUS-PST.W

i. ‘Он минуту просил ребёнка взять яблоко.’

ii. *‘Он попросил ребёнка взять яблоко, а тот брал яблоко минуту.’

4.3. Обстоятельство кратности

Сочетаемость с обстоятельством кратности оказалась наиболее противоречивым тестом среди всех, которые мы применили. Так, и дистантные (29), и контактные (30) каузативы могут демонстрировать одинаковую событийную структуру:

(29) *uĉitel-i k'uĉ ŝamil durd-ajk'a.*
 учитель-ERG два.раза Шамиль бегать-CAUS\PST.W

i. 'Учитель заставлял Шамиля бегать, и он бегал.' (ситуация повторилась два раза)

ii. 'Учитель заставил Шамиля бегать, и он два раза бегал.' (говорящий знает, что учитель заставил Шамиля бегать, но просьба имела место ранее, например, в другой день; говорящий видит только бегущего Шамиля)

*iii. 'Учитель два раза заставлял Шамиля бегать.' (говорящий видит бегущего Шамиля и знает, что некоторое время назад учитель два раза заставлял Шамиля пойти бегать)

(30) *ŝamil-i k'uĉ v'e-ġo muĥamade-s leġa ħani-ġ- ħa.*
 Шамиль-ERG два.раза собака-POSS Мухаммеда-GEN1 рука укусить-CAUS-PST.W

i. 'Шамиль выпустил собаку, и та укусила руку Мухаммеда'. (ситуация повторилась два раза)

ii. 'Шамиль выпустил собаку, и та два раза укусила руку Мухаммеда.'

*iii. 'Шамиль два раза выпустил собаку, и та укусила руку Мухаммеда.'

Если предположить, что в (30) запрет на узкую сферу модификатора связан с прагматическим ограничением (если собака была спущена два раза, то она укусила Мухаммеда два раза), а запрет в (29) на узкую сферу модификатора связан с описанной выше гипотезой о необходимости за-свидетельствования говорящим акта каузации, то тогда обстоятельство кратности демонстрирует такую же диагностику событийной структуры, что и обстоятельство длительности (естественно, за исключением прагматических ограничений).

Однако существует множество исключений, требующих дальнейшего исследования. Например, несмотря на то, что при обстоятельствах временной локализации и длительности предикат *eġe* 'мазать' диагностирует такую же событийную структуру, как предикат *ġila* 'класть' в контексте, где говорящий видел процесс каузации, обстоятельство кратности диагностирует разные событийные структуры для этих предикатов:

- (31) *išat'-i k'uχ fatima-ƣo hĩše sumka-ma ƣila-χ-χa.*
 мама\O-ERG два.раза Фатима-POSS книга сумка-IN класть-CAUS-PST.W
 i. 'Мама заставила Фатиму положить книгу в сумку и она положила книгу в сумку.' (ситуация повторилась два раза)
 ii. 'Мама заставила Фатиму положить книгу в сумку, и она два раза положила книгу в сумку.' (говорящий видит, как мама подходит и просит Фатиму сделать это; мама уходит и только спустя некоторое время Фатима два раза пытается положить книгу в сумку)
 iii. 'Мама два раза заставляла Фатиму положить книгу в сумку, и она положила книгу в сумку.' (говорящий видит, как Мама два раза просит Фатиму взять с собой книгу; мама уходит и только после этого Фатима кладёт книгу в сумку)
- (32) *išat'-i k'uχ šamil-ƣo bataχa-λo lał l-eχe-χ-χa.*
 мама\O-ERG два.раза Шамиль-POSS хлеб-SUP масло IV-мазать-CAUS-PST.W
 *i. 'Мама заставила Шамиля намазать хлеб маслом.' (вся ситуация повторилась два раза)
 ii. 'Мама заставила Шамиля намазать хлеб маслом два раза.' (говорящий видит, как мама просит Шамиля намазать хлеб маслом; мама уходит, и Шамиль два раза мажет хлеб маслом)
 *iii. 'Мама два раза заставила Шамиля намазать хлеб маслом.' (говорящий видит, как мама два раза просит Шамиля намазать хлеб маслом)

Таким образом, обстоятельство кратности может диагностировать как однособытийную, так и двусобытийную структуру.

5. Заключение

Событийная структура морфологического каузатива в хваршинском языке демонстрирует неоднозначные результаты применения тестов сферы действия временных обстоятельств; обстоятельство временной локализации диагностирует однособытийную структуру, но обстоятельство длительности и кратности может диагностировать как однособытийную, так и двусобытийную структуру, при этом существует несколько важных факторов, влияющих на событийность каузативной конструкции: (i) засвидетельствованность события каузации, (ii) акциональная характеристика исходного глагола, (iii) временная соотнесенность подсобытий и (iv) прагматические ограничения.

Список условных сокращений

I–VI — согласовательный класс; 1–3 — 1–3 лицо; ABS — абсолютив; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; CAUS.DIST — дистантный каузатив; COM — комитатив; CONV — конверб; DAT — датив; DEM — демонстратив; DIR — директив; EL — элатив; ERG — эргатив; GEN — генитив; GEN1 — первый генитив; IMP — императив; IN — инессив; IND — индикатив; INF — инфинитив; NAR — нарратив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализатор; O — косвенная основа; OBL — косвенный падеж; POSS — поссессив; PRET — претерит; PRS — презенс; PST — прошедшее время; PST.U — прошедшее незасвидетельствованное; PST.W — прошедшее засвидетельствованное; QUOT — квотатив; SG — единственное число; SPN — супин; SUP — суперэссив; TOP — топик; TR — транзитивизатор.

Список источников / References

- Аркадьев, Летучий 2007 — Аркадьев П.М., Летучий А.Б. Типологически нетривиальные свойства морфологического каузатива в адыгейском языке. *Четвертая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей*. [Материалы доклада]. Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 1–3 ноября 2007. [Arkadyev P.M., Letuchiy A.B. Typologically non-trivial properties of morphological causative in Adygean language. *Chetvertaya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei*. [Report materials]. St. Petersburg, IILi RAN, November 1–3, 2007.]
- Белова 2023 — Белова Д.Д. К вопросу о событийной структуре морфологического каузатива: данные татышлинского говора удмуртского языка. *Урало-алтайские исследования*. 2023. № 02 (49). С. 7–26. [Belova D.D. To the question of the event structure of the morphological causative: data from the Tatyshlinsky locality of the Udmurt language. *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2023. No. 02 (49). Pp. 7–26.]
- Добрушина 2009 — Добрушина Н.Р. Семантическая зона оптатива в нахско-дагестанских языках. *Вопросы языкознания*. 2009. № 5. С. 48–75. [Dobrushina N. R. Semantic zone of the optative in Nakh-Dagestani languages. *Voprosy jazykoznanija*. 2009. No. 5. Pp. 48–75.]
- Лютикова и др. 2006 — Лютикова Е.А., Татевосов С.Г., Иванов М.Ю., Пазельская А.Г., Шлуинский А.Б. *Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке*. Москва: ИМЛИ РАН, 2006. [Lyutikova E.A., Tatevosov S.G., Ivanov M.Yu., Pazel'skaya A.G., Shluinskii A.B. *Struktura sobytiya i semantika glagola v karachaevo-balkarskom yazyke* [Event structure and semantics of the verb in the Karachai-Balkar language] Moscow: IMLI RAN, 2006.]
- Сибирева 2017 — Сибирева А.А. Каузатив в горномарийском языке: двойной каузатив и семантика интенсификации. *Четырнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей*. [Материалы доклада]. Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 23–25 ноября 2017 г. 2017. [Sibireva A.A. Causative in the Gornomari language: double causative and semantics of intensification. *Chetyrnadtsataya Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei*. [Report materials]. St. Petersburg, IILi RAN, November 23–25, 2017.]
- Холодович 1969 — Холодович А.А. (ред.). *Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив*. Ленинград: Наука, 1969. [Kholodovich A.A. (ed.). *Typology of causative constructions: Morphological causative*. Leningrad: Nauka, 1969]
- Шарафутдинова, Левина 1961 — Шарафутдинова Р., Левина Р. Хваршинский язык (предварительное сообщение) // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков., М., 1961. [Šarafutdinova R., Levina R. The Khwarshi language: A preliminary report. *Voprosy izučeniya iberijsko-kavkazskix jazykov*. E.A. Bokarev (ed.). Moscow, 1961. Pp. 90–122.]

- Bartos 2011 — Bartos H. Hungarian external causatives: Monoclausal but bi-eventive. Laczkó T., Ringen C.O. (eds.). *Approaches to Hungarian*. Vol. 12. Papers from the 2009 Debrecen Conference. Amsterdam: John Benjamins, 2011. Pp. 31–38.
- Cinque 1999 — Cinque G. *Adverbs and functional heads. A cross-linguistic perspective*. New York—Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Delfitto 2006 — Delfitto D. Adverb classes and adverb placement. van Riemsdijk H., Everaert M. (eds.). *The Blackwell Companion to Syntax*. 2006. Vol. 1. Oxford: Blackwell. Pp. 83–120.
- Khalilova 2009 — Khalilova Z. *A grammar of Khwarshi*. Ph.D. dis. Utrecht: LOT, 2009.
- Koshevoy 2018 — Koshevoy A. Morphological causatives in Abaza. *Linguistics. Working papers BRP HSE*. No 75/LNG/2018, 2018.
- Kulikov 2001 — Kulikov L.I. Causatives. Haspelmath M. et al. (eds.). *Language typology and language universals. An international handbook*. 2001. vol. 2. Walter de Gruyter. Pp. 886–898.
- Nedjalkov, Otaina 2013 — Nedjalkov V.P., Otaina G.A. A Syntax of the Nivkh Language: The Amur dialect. Gruzdeva E. (ed.). *Studies in Language Companion Series*. 2013. No. 139. Amsterdam/Philadelphia: Amsterdam: John Benjamins. xxx + 396pp.
- Pylkkänen 2000 — Pylkkänen L. Representing causatives. *Semantics and Linguistic Theory*. 2000. No. 10.
- Shibatani 1972 — Shibatani M. Three reasons for not deriving ‘kill’ from ‘cause to die’ in Japanese. Kimball J. (ed.). *Syntax and Semantics*. 1972. Vol. 1. New York: Academic Press.
- Shibatani 1990 — Shibatani M. *The languages of Japan*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Shibatani, Pardeshi 2002 — Shibatani M., Pardeshi P. The causative continuum. Shibatani M. (ed.). *The grammar of causation and interpersonal manipulation*. Amsterdam: John Benjamins, 2002. Pp. 85–126.
- Tánczos 2015 — Tánczos O. *Causative constructions and their syntactic analysis in the Udmurt language*. PhD thesis. Budapest, 2015.
- Testeleets, Khalilova, in prep. — Khalilova Z.M., Testeleets Y.G. Khwarshi. *The Caucasian Languages*. An International Handbook, Mouton.

Статья поступила в редакцию 31.10.2023; одобрена после рецензирования 27.11.2023; принята к публикации 19.12.2023;

The article was received on 31.10.2023; approved after reviewing 27.11.2023; accepted for publication 19.12.2023.

Григорий Олегович Сибилев

Российский государственный гуманитарный университет

Grigorij Sibilev

Russian State University for the Humanities

sibilevgrigory@gmail.com

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2023.77.59.006

ЛИЧНО-ЧИСЛОВАЯ АСИММЕТРИЯ: СОГЛАСОВАНИЕ ПАССИВНЫХ МИРАТИВОВ В КАЗЫМСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА *

А.М. Старченко¹, С.Ю. Толдова²

^{1,2}*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*

Аннотация: Работа рассматривает ранее не засвидетельствованную модель расщеплённого согласования в парадигме миратива в казымском диалекте хантыйского языка. Расщеплённое согласование выявляется при сравнении активной и пассивной миративных конструкций, а также в ограниченном наборе употреблений нефинитных форм и выражается в том, что в пассивном залоге, в отличие от активного, 3 лицо немаркировано — наблюдается согласование только по числу. При этом согласовательные показатели 1 и 2 лица выглядят одинаково вне зависимости от диатезы. В других парадигмах хантыйского глагола, в частности, в субъектном и объектном индикативе расщепления не наблюдается. Работа подробно характеризует выявленную модель согласования, соотнося её фрагменты с другими словоизменительными парадигмами казымского диалекта хантыйского языка: субъектным и объектным спряжениями индикатива, посессивной парадигмой и именными показателями числа. В исследовании выдвигается гипотеза о том, что для полноценного, недефектного согласования по лицу хантыйской именной группе требуется или достаточно высокая синтаксическая позиция (внешний аргумент), или полноценный набор признаков лица, которым обладают местоимения 1–2 лица. Работа также рассматривает хантыйские данные в свете типологии расщеплённого согласования.

Ключевые слова: расщеплённое согласование, асимметрия лица, миратив, хантыйский язык, уральские языки

* Исследование проведено в рамках проекта «Морфология согласования» (грант РФФИ № 20-512-26004). Мы благодарны Н.А. Слюсарь, Д.К. Привознову и Ф.Г. Шушурину за плодотворные обсуждения материала исследования. Все ошибки, которые содержатся в работе, остаются на нашей совести.

Для цитирования: Старченко А.М., Толдова С.Ю. Лично-числовая асимметрия: согласование пассивных миративов в казымском диалекте хантыйского языка // Типология морфосинтаксических параметров. 2023. Том 6, вып. 1. С. 130–148.

PERSON-NUMBER ASYMMETRY: AGREEMENT OF PASSIVE MIRATIVES IN KAZYM KHANTY*

Aleksey Starchenko¹, Svetlana Toldova²

^{1,2}HSE University

Abstract: The study focuses on a previously unrecorded model of split agreement in the mirative paradigm in Kazym Khanty. Split agreement is found when comparing active and passive mirative constructions, as well as in a limited set of uses of non-finite forms. In the passive voice, unlike the active voice, the 3rd person is unmarked and the subject only agrees in number. At the same time, the agreement markers of the 1st and 2nd persons are the same regardless of the diathesis. In other paradigms of the Khanty verb, in particular, in the subject and object indicative, the split is not observed. The work characterizes in detail the identified agreement model, matching its fragments with those of other inflectional paradigms of Kazym Khanty: subject and object conjugations of the indicative, possessive paradigm and nominal number markers. The study puts forward a hypothesis that for full-fledged, non-defective person agreement, the Khanty nominal group must have either a sufficiently high syntactic position (external argument), or a full set of person features, which are possessed by 1–2 person pronouns. The work also examines the Khanty data in the light of the typology of split agreement.

Keywords: split agreement, person asymmetry, mirative, Northern Khanty, Uralic languages

For citation: Starchenko A., Toldova S. Person-number asymmetry: Agreement of passive miratives in Kazym Khanty. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2023. Vol. 6, iss. 1. Pp. 130–148. (In Rus.)

* The reported study was funded by RFBR, project number 20-512-26004. We are grateful to Natalia Slioussar, Dmitry Privoznov and Philip Shushurin for extensive discussions of the study. All mistakes that may have left in the paper are exclusively on us.

1. Введение

В севернохантыйском языке (<уральские) выделяется серия форм, которые выражают значения миративности, то есть удивления говорящего, или косвенной засвидетельствованности (1).

- (1) а. *λnw rošas-əλ wer-t-aλ*
 он забор-POSS.3SG делать-NFIN.NPST-3SG
 ‘Оказывается, он ставит забор.’

- б. *λnw rošas-əλ wer-m-aλ*
 он забор-POSS.3SG делать-NFIN.PST-3SG
 ‘Оказывается, он поставил забор.’

Такие формы (далее — формы миратива) имеют особую согласовательную парадигму, которая отличается от парадигмы глагола в индикативе (2).

- (2) а. *nəŋ wej jont-m-en*
 ты кисы шить-NFIN.PST-POSS.2SG
 ‘Оказывается, ты шил кисы!’

- б. *nəŋ wej jont-s-ən*
 ты кисы шить-PST-2SG
 ‘Ты шил кисы.’

Ключевым вопросом, на котором сосредоточивается настоящая статья, является расщеплённость в парадигме севернохантыйского миратива (таблица 1).

Эта расщеплённость наблюдается при взаимодействии категорий наклона, залога и лица. В активном залоге миратива третье лицо подлежащего морфологически выражено особой серией показателей. В пассивном залоге третье лицо морфологически не выражено, хотя и противопоставлено другим лицам — показатели согласования выражают только число.

Таблица 1. Согласование миратива

	Активный залог			Пассивный залог		
	SG	DU	PL	SG	DU	PL
1	-em	-emən	-ew	-em	-emən	-ew
2	-en	-an	-an	-en	-an	-an
3	-aλ	-an	-eλ	-∅	-aŋən	-t

В индикативе подобной расщеплённости нет: согласование в активном и пассивном залогах не различается (таблица 2).

Таблица 2. Субъектное согласование индикатива

	Субъектное согласование (активный и пассивный залог)		
	SG	DU	PL
1	-əm	-ətəp	-əw
2	-əp	-ətəp	-əti
3	-∅	-əjəp	-ət

В этой работе мы рассмотрим соотношение парадигмы миратива с другими словоизменительными парадигмами, очертим анализ рассматриваемой расщеплённой системы и охарактеризуем её в контексте типологии расщеплённого выражения грамматических категорий.

Настоящее исследование опирается на данные казымского диалекта севернохантыйского языка. Во всех случаях, которые не противопоставляют этот диалект другим, мы будем говорить о нём как о севернохантыйском.

Данные для исследования собраны в серии экспедиций в село Казым Ханты-Мансийского автономного округа в 2018–2023¹ годах методом элицитации. Каждый пример был оценен или переведён по крайней мере тремя носителями севернохантыйского языка.

Оставшаяся часть статьи построена следующим образом: раздел 2 предоставляет базовые сведения о грамматике хантыйского языка. Разделы 3 и 4 дают общую характеристику миратива и пассива в севернохантыйском языке. Раздел 5 более подробно описывает расщеплённое согласование в миративе и рассматривает его на фоне других словоизменительных парадигм в севернохантыйском. Раздел 6 делает шаг к объяснению расщеплённого согласования. Раздел 7 рассматривает хантыйский материал на фоне типологии расщеплённого согласования. Последний раздел представляет собой выводы.

2. Базовые сведения о хантыйском языке

Этот раздел приводит базовые сведения из грамматики хантыйского языка, необходимые для понимания фактов, изложенных в статье. Он ни в коем случае не претендует на хоть сколько-нибудь полную характеристику хантыйской грамматики.

¹ Коллективные экспедиции НИУ ВШЭ, в том числе в рамках программы «Открываем Россию заново», и кафедры ТиПЛ МГУ имени М.В. Ломоносова.

Падежи. Севернохантыйский язык различает 4 падежа: аккузатив, датив, локатив и немаркированную форму. При этом для личных местоимений и для прочих имён доступно только по три из четырёх падежей: личные местоимения различают немаркированную форму, аккузатив и датив; другие имена различают немаркированную форму, датив и локатив.

Таблица 3. Падежи в севернохантыйском языке

	Местоимение 'я'	Существительное 'дом'
немаркированная форма	<i>ma</i>	<i>χot</i>
ACC	<i>mān-ti</i>	—
DAT	<i>mān-em(a)</i>	<i>χot-a</i>
LOC	—	<i>χot-ən</i>

Выражение ядерных аргументов. Для выражения подлежащего (3), дополнения (3), кроме личных местоимений, которые имеют аккузатив, и посессора (4) в севернохантыйском языке служит немаркированная форма.

- (3) *ašeλ* *puχ-əλ* *tak-a* *āpəl-m-əs-λe*
отец.POSS.3SG сын.POSS.3SG крепкий-ADV обнимать-МOM-PST-3SG > SG
'Отец крепко обнял сына.'

- (4) *ašeλ* *kešeλ*
отец.POSS.3SG нож.POSS.3SG
'нож отца'

Глагол обязательно согласуется с подлежащим по лицу и числу и — опционально — с прямым дополнением (3).

Порядок слов. Порядок слов в глагольной группе казымского диалекта севернохантыйского языка относительно свободный. Так, в примере (5) дополнение может как предшествовать глаголу, так и следовать за ним.

- (5) a. *waśaj-en²* *χot* *oməs-λ*
Вася-POSS.2SG дом сажать-NPST[3SG]
- b. *waśaj-en* *oməs-λ* *χot*
Вася-POSS.2SG сажать-NPST[3SG] дом
'Вася строит дом.' {a = b}

² Посессивный маркер второго лица в подобных примерах не несёт собственно посессивного значения: в казымском диалекте севернохантыйского языка этот маркер выступает в качестве проприального артикля на именах собственных и маркера топика на существительных [Mikhailov 2021].

Напротив, в именной группе постпозиция зависимых, как правило, не допускается носителями языка:

- (6) a. *lipt-əŋ* / *aj jernas-λ-aλ keλ ewəλt iλ*
 цветок-PROP маленький платье-PL-POSS.3SG верёвка ABL вниз

pit-s-ət
 падать-PST[3SG]

- b. **jernas-λ-aλ lipt-əŋ* / *aj keλ ewəλt iλ*
 платье-PL-POSS.3SG цветок-PROP маленький верёвка ABL вниз

pit-s-ət
 падать-PST[3SG]

‘Платье в цветочек / маленькое платье упало с веревки.’ {a = b}

3. Общая информация о миративе в севернохантыйском языке

Этот раздел содержит общую информацию о миративе в севернохантыйском языке. Мы кратко рассматриваем то, как описывают семантику соответствующей формы в различных источниках, и обсуждаем синтаксические особенности миратива, делая вывод о том, что он представляет собой нефинитную форму, вложенную под нулевой оператор с миративной семантикой.

3.1. Семантика

Исследователи севернохантыйского языка приписывают рассматриваемым формам разные значения из смежных зон эвиденциальности, наклонения и миративности.

И. Николаева [Nikolaeva 1999] характеризует эти формы для обдорского диалекта как выражающие значения непрямо́й засвидетельствованности. А.Д. Каксин рассматривает их для казымского диалекта как формы наклонения, передающие значения ‘а я и не заметил / а я и не знал’ [Каксин 1994: 12]. Ф.В. Голосов [Голосов 2018] предлагает анализировать их для казымского диалекта как миративные, а не эвиденциальные, опираясь на то, что они возможны в контексте прямо́й засвидетельствованности (7).

- (7) *want-e, λw uλ-t-aλ!*
 смотреть-IMP.SG.SG он спать-NFIN.NPST-3SG
 ‘Смотри, он, оказывается, спит!’ [Голосов 2018: 2]

На основании этого мы используем для обозначения рассматриваемых форм ярлык «миратива».

3.2. Синтаксис

Относительно синтаксического статуса форм миратива в литературе также нет общей точки зрения. Как уже было сказано выше, некоторые работы [Каксин 1994; Nikolaeva 1999] трактуют миратив как фрагмент финитной глагольной парадигмы: формы наклонения или эвиденциальности.

Ряд исследователей [Rédei 1965: 74; Honti 1984: 58] анализируют миратив как употребления форм причастий. Показатели *-t(i)* и *-ət*, образующие миратив, формально совпадают с показателями хантыйских нефинитных форм, имеющими широкий круг употреблений, включая причастные, адвербиальные, употребления в качестве сентенциальных актантов и другие [Bikina et al. 2022]. Используя термин «причастие» как зонтичный для множества употреблений хантыйских нефинитных форм, можно говорить о том, что миратив представляет собой их независимое, предикативное употребление. Подобные употребления с модальными или эвиденциальными значениями фиксируются для разных языков [Калинина 2001].

Работа [Toldova et al. 2022] сближает миративы с конкретным употреблением миративных форм, условно называемым герундивным, на основании того, что оно наблюдается в синтаксическом контексте сентенциального актанта и при этом проявляет большой набор глагольных и сильно ограниченный набор именных свойств.

Пример герундивного употребления нефинитной формы можно видеть в (8). Важно заметить, что в таком употреблении нефинитной формы не возникает миративной семантики.

(8) а. *ma [tām ewij-en wej jont-t-ał]*
я этот девочка-POSS.2SG кисы шить-NFIN.NPST-POSS.3SG

χəλ-əs-əm

слышать-PST-1SG > SG

‘Я слышал, что эта девочка шьёт кисы.’

б. *ma [nāŋ wej jont-t-en] χəλ-əs-əm*
я ты кисы шить-NFIN.NPST-POSS.2SG слышать-PST-1SG > SG

‘Я слышал, что ты шьёшь кисы.’

И. Николаева для обдорского диалекта характеризует подлежащее как последовательно выражающее первичный топик [Nikolaeva 2001]. Соответственно, иной статус подлежащего требует обязательной пассивизации клаузы.

В казымском диалекте, вдобавок к противопоставлениям информационной структуры, пассив взаимодействует с данностью и одушевлённостью [Muravyev 2023] и проявляет свойства обвиативной системы маркирования ядерных актантов [Муравьев и др. 2023].

В отличие от финитных клауз, в нефинитных пассив не выражается морфологически на глаголе и виден только по диатезе — маркированию агентивного участника локативом и пациентивного участника номинативом в случае личных местоимений. Пример (11) показывает аналитическую номинализацию, в которой на пассивную диатезу указывает локативная форма *лəχs-εm-ən* (друг-POSS.1SG-LOC).

(11) *лəχs-εm-ən* *kinška* *wɟj-λ'-εm* *wεr*
 друг-POSS.1SG-LOC книга брать-PLAC-NFIN.PST дело

ta *wə-λ-εm*
 я знать-PST-1SG.SG

‘Я знаю, что книгу брал мой друг.’

Аналогичным образом, в миративе пассивный залог на глаголе никак не маркируется — кроме особенностей согласования, которым посвящена настоящая статья (12).

(12) *nǎŋ* *waśaj-en-ən* *sεŋk-m-en*
 ты Вася-POSS.2SG-LOC бить-NFIN.PST-POSS.2SG

‘Оказывается, тебя побил Вася.’

5. Особое согласование миративов в сравнении с другими словоизменительными парадигмами

В этом разделе мы возвращаемся к согласованию хантыйского миратива и герундивных употреблений, более подробно описываем его особенности и сравниваем с другими лично-числовыми парадигмами севернохантыйского языка.

Как уже было сказано, ключевое для настоящей работы свойство согласования миративов и герундивных употреблений состоит в его расщеплённом паттерне. Подлежащие 1 и 2 лица вызывают согласование как в активном (2), так и в пассивном залогах (13).

(13) a. *ma χɯjat-ən woʃ-ən want-m-ɛm*
 я кто.то-LOC город-LOC видеть-NFIN.PST-POSS.1SG
 ‘Оказывается, кто-то видел меня в городе!’

b. *ma χɯjat-ən woʃ-ən want-m-ɛm*
 я кто.то-LOC город-LOC видеть-NFIN.PST-POSS.1SG

χθλ-əs-ɛm

слышать-PST-1SG > SG

‘Я слышал, что меня кто-то видел в городе.’

Напротив, для подлежащих третьего лица согласование по лицу доступно только в активном залоге (14), а в пассивном лицо оказывается морфологически немаркированным (15).

(14) a. *λɯw pet'aj-en woʃ-ən want-m-aλ*
 он Петя-POSS.2SG город-LOC видеть-NFIN.PST-POSS.3SG
 ‘Оказывается, он видел Петю в городе.’

b. *λɯw pet'aj-en woʃ-ən want-m-aλ*
 он Петя-POSS.2SG город-LOC видеть-NFIN.PST-POSS.3SG

χθλ-əs-ɛm

слышать-PST-1SG > SG

‘Я слышал, что он видел Петю в городе.’

(15) a. *pet'aj-en χɯjat-ən woʃ-ən want-əm*
 Петя-POSS.2SG кто.то-LOC город-LOC видеть-NFIN.PST-POSS.3SG
 ‘Оказывается, Петю кто-то увидел в городе.’

b. *pet'aj-en χɯjat-ən woʃ-ən want-əm*
 Петя-POSS.2SG кто.то-LOC город-LOC видеть-NFIN.PST-POSS.3SG

χθλ-əs-ɛm

слышать-PST-1SG > SG

‘Я слышал, что Петю кто-то видел в городе.’

Полная лично-числовая парадигма мратива и герундия приводится ниже в таблице 4 (= таблица 1).

Следует отметить, что немаркированное по лицу согласование в пассивном залоге ранее уже обсуждалось для обдорского диалекта хантыйского языка [Nikolaeva 1999]. Тем не менее, в обдорском пассивный залог мратива имеет исключительно формы третьего лица: продвижение до-

полнений 1–2 лица в позицию подлежащего (с соответствующим согласованием) описывается как невозможное. В результате о расщеплённом согласовании для обдорского пассивного миратива говорить нельзя: он формирует отдельную дефектную парадигму.

Таблица 4. Согласование миратива и герундия

	Активный залог			Пассивный залог		
	SG	DU	PL	SG	DU	PL
1	- <i>em</i>	- <i>emən</i>	- <i>ew</i>	- <i>em</i>	- <i>emən</i>	- <i>ew</i>
2	- <i>en</i>	- <i>an</i>	- <i>an</i>	- <i>en</i>	- <i>an</i>	- <i>an</i>
3	- <i>aλ</i>	- <i>an</i>	- <i>eλ</i>	-∅	- <i>aŋən</i>	- <i>t</i>

Эта парадигма отличается от финитного спряжения глаголов: как от субъектного (таблица 5 (=таблица 2)), так и от субъектно-объектного (таблица 6). При этом третье лицо пассивного залога миратива совпадает с третьим лицом финитного субъектного спряжения, которое также не маркировано, с точностью до гласного *a* в форме двойственного числа.

Таблица 5. Субъектное согласование индикатива

	Субъектное согласование (активный и пассивный залог)		
	SG	DU	PL
1	- <i>em</i>	- <i>emən</i>	- <i>ew</i>
2	- <i>en</i>	- <i>atən</i>	- <i>ati</i>
3	-∅	- <i>aŋən</i>	- <i>at</i>

Таблица 6. Субъектно-объектное согласование индикатива

1SG > SG	- <i>em</i>	1DU > SG	- <i>emən</i>	1PL > SG	- <i>ew</i>
2SG > SG	- <i>en</i>	2DU > SG	- <i>aλən</i>	2PL > SG	- <i>aλən</i>
3SG > SG	- <i>(aλ)le</i>	3DU > SG	- <i>eŋən</i> , - <i>(aλ)λən</i>	3PL > SG	- <i>eλ</i>
1SG > NSG	- <i>aλam</i>	1DU > NSG	- <i>aλəmən</i>	1PL > NSG	- <i>aλəw</i>
2SG > NSG	- <i>aλan</i>	2DU > NSG	- <i>(aλ)λən</i>	2PL > NSG	- <i>(aλ)λən</i>
3SG > NSG	- <i>(aλ)le</i>	3DU > NSG	- <i>(aλ)λən</i>	3PL > NSG	- <i>aλaλ</i>

Можно заметить, что часть клеток парадигмы субъектно-объектного согласования (выделены серым в таблице 6) совпадает с лично-числовыми показателями миратива с соответствующими признаками подлежащего. Это сходство, однако, объясняется не прямым соответствием миратива и объектного спряжения, а тем, что парадигма того и другого соотносится с посессивными маркерами существительного, в частности, объектное спряжение восстанавливается на прауральском уровне как идентичное посессивной парадигме [Aikio 2022: 18].

Посессивные маркеры (без учёта лица обладаемого) в севернохантыйском языке представлены в таблице 7. Как можно видеть, парадигма миратива в активном залоге совпадает с посессивной парадигмой с точностью до гласного *a*, который возникает в первой на месте гласного шва во второй. В том числе в парадигме наблюдается паттерн синкретизма, объединяющий 2–3 лица двойственного числа и 2 лицо множественного числа, который отсутствует во всех остальных рассматриваемых парадигмах.

Таблица 7. Посессивные показатели имени

	SG	DU	PL
1	-em	-emən	-ew
2	-en	-ən	-ən
3	-əλ	-ən	-eλ

При этом посессивные маркеры, присоединяющиеся к миративу и герундивному употреблению нефинитных форм, отличаются по своим свойствам от посессивных маркеров, присоединяемых к именам, и посессивных маркеров, выражающих лично-числовое согласование у других нефинитных форм.

Посессивность на имени обязательно выражается только в том случае, если посессор является личным местоимением ((16a); в том числе при опущенном местоимении). Если же посессор является существительным, согласование опционально (16b).

(16) a. *ma kinškaj-em / *kinška*
 я книга-POSS.1SG книга
 ‘моя книга’

b. *pet'aj-en kinškaj-əλ / kinška*
 Петя-POSS.2SG книга-POSS.3SG книга
 ‘Петина книга’

Аналогичная закономерность наблюдается для нефинитных форм, лицо и число подлежащего которых выражается на их вершинном имени: при подлежащем нефинитной формы, выраженном личным местоимением, согласование обязательно (17), а при подлежащем-существительном согласование может отсутствовать (18).

- (17) *ma oms-əm χot-*(əm)*
я сажать-NFIN.PST дом-POSS.1SG
'дом, который я построил'

- (18) *ma aśəm ari-ti ar wera jis ar*
я отец.POSS.1SG петь-NFIN.NPST песня очень древний песня
'Песня, которую поёт/споёт мой отец, очень древняя.'

Согласование миративов и герундивных употреблений нефинитных форм устроено принципиально по-другому с точки зрения обязательности согласования. В активном залоге согласование обязательно присутствует, вне зависимости от того, местоимением выражено подлежащее или существительным.

- (19) *ma tāt ewij-en wej jont-t-*(aλ)*
я этот девушка-POSS.2SG кисы шить-NFIN.NPST-POSS.3SG

χəλ-əs-əm
слышать-PST-1SG > SG
'Я слышал, что эта девушка сшила кисы.'

В пассивном залоге в третьем лице согласование, напротив, обязательно отсутствует (20) — ср. (15); в том числе в том случае, когда подлежащее выражено личным местоимением, которое в обычной посессивной конструкции требовало бы наличия согласования.

- (20) a. **pet'aj-en χɯjat-ən woš-ən want-əm-aλ*
Петя-POSS.2SG кто.то-LOC город-LOC видеть-NFIN.PST-POSS.3SG
'Оказывается, Петю кто-то увидел в городе.'
- b. **pet'aj-en χɯjat-ən woš-ən want-əm-aλ*
Петя-POSS.2SG кто.то-LOC город-LOC видеть-NFIN.PST-POSS.3SG

χəλ-əs-əm
слышать-PST-1SG > SG
'Я слышал, что Петю кто-то видел в городе.'

Последний набор показателей, с которым следует сравнить согласование миратива — именные суффиксы числа. Суффиксы числа севернохан-

хантыйского имени представлены в таблице 8. Как можно видеть, они совпадают и с суффиксами третьего лица пассивного миратива и третьего лица субъектного согласования.

Таблица 8. Именное число

SG	DU	PL
-∅	-əŋən	-t

Заметим также, что именное число доступно не только для существительных-аргументов, но и для существительных и прилагательных в предикативной позиции (21).

(21) a. *tām χot-en wən*
 этот дом-POSS.2SG большой
 ‘Этот дом большой.’

b. *χot-ət woš-ən wən-ət / *wən*
 дом-PL город-LOC большой-PL большой
 ‘Дома в городе большие.’ [Cheremisinova 2020: 9]

6. Обсуждение

В этом разделе мы суммируем соотношение согласования миратива и герундивных употреблений нефинитных форм с другими словоизменительными севернохантыйскими парадигмами, приведёнными в предыдущем разделе, и предложим предварительное объяснение этих закономерностей в синтаксических терминах.

Как было показано, в активном залоге и в 1–2 лице пассивного залога миратив хантыйском языке выражает лицо и число подлежащего средствами посессивной парадигмы с точностью до появления гласного *a* на месте *ə*.

В 3 лице пассивного залога используется отличный набор маркеров. Эти формы немаркированы по лицу и различают число, аналогично маркерам третьего лица субъектного индикатива или именным показателям числа.

В более теоретико-ориентированных терминах очерченная закономерность может быть сформулирована следующим образом.

В активном залоге подлежащее любого лица порождается в позиции внешнего аргумента³, то есть достаточно высоко в структуре, и оказывается доступным для согласования.

В пассивном же залоге согласование вызывает внутренний аргумент. В случае миратива эта структурная позиция оказывается не вполне доступной для согласования, и только более проминентные внутренние аргументы — соответствующие участникам речевой ситуации — могут вызвать полноценное согласование. В ином случае доступно только дефектное согласование — по числу.

(22) a. *peť'aj-en* *χɨjat-ən* *ari-ti* *woχ-əm*
 Петя-POSS.2SG кто.то-LOC петь-NFIN.NPST звать-NFIN.PST[3SG]
 'Оказывается, Петю кто-то позвал петь.'

b. *ma* *χɨjat-ən* *ari-ti* *woχ-m-əm*
 я кто.то-LOC петь-NFIN.NPST звать-NFIN.PST-POSS.1SG
 'Оказывается, меня кто-то позвал петь.'

7. Парадигма миратива в контексте других расщеплённых систем выражения морфологических категорий

В этом разделе мы рассмотрим ряд типологических параллелей к наблюдаемому в казымском хантыйском расщеплению согласования.

Наиболее часто о расщеплённых паттернах маркирования ядерных аргументов говорят в контексте соотношения их эргативного и аккумулятивно-маркирования. Один из ключевых параметров, на основании которого происходит расщепление, является иерархия одушевлённости [Silverstein 1976; Comrie 1978; Dixon 1979, среди многих прочих].

В классической её версии личные местоимения расположены левее в общей иерархической цепочке имплицативных утверждений⁴, чем существ-

³ С этой формулировкой частично согласуется поведение неаккумулятивных глаголов, которые в пассивном миративе могут иметь нулевое третье лицо. Полное обсуждение поведения пассивных форм миратива от неаккумулятивных глаголов, которое устроено нетривиально и вариативно, мы оставляем для дальнейших исследований.

⁴ Так, имплицативная иерархия «1/2 лицо < 3 лицо < термины родства < существительные, обозначающие людей < одушевлённые существительные < неодушевлённые существительные» показывает, что если для именных групп в определённой точке этой иерархии наблюдается номинативно-аккумулятивное маркирование, то и для именных групп левее также будет наблюдаться этот тип маркирования.

вительные. В некоторых работах общая имплицативная иерархия разделяется на несколько шкал, связанных с разными семантическими параметрами, в том числе местоимения отделяются от существительных [Croft 2003: 130; Siewierska 2004: 149]. Вне зависимости от способа построения иерархии, 1–2 лицо (участники ситуации) располагаются на ней левее, чем 3 лицо. Именно разделение между участниками речевой ситуации и 3 лицом служит основой для расщепления в севернохантыйском миративе.

Расщеплённая система в севернохантыйском языке, обсуждаемая в настоящей работе, не составляет точной параллели к обычно рассматриваемым системам расщеплённой эргативности. Пассивная конструкция для миратива формально может анализироваться как эргативная (и S-, и P-участники выражаются одинаково и глагол не получает особого маркирования). Однако, рассматриваемое расщепление не разделяет диатезу, используемую в конкретной конфигурации аргументов, на эргативную и аккузативную, а проводит деление внутри согласовательной парадигмы. Таким образом, севернохантыйский следует рассматривать в более широком контексте дифференциального маркирования аргументов (DAM) [Witzlack-Makarevich, Seržant 2018].

При этом паттерн расщепления, наблюдаемый в хантыйском, укладывается в типологически распространённые модели. В посессивной парадигме, которая выступает в качестве основы для парадигмы миратива, морфологически маркированы как лица участников речевой ситуации, так и третье лицо. В пассивном залоге структура посессивной парадигмы нарушается, и третье лицо оказывается морфологически немаркированным.

Отсутствие маркирования для третьего лица, противопоставленное маркированным лицам участников речевой ситуации, наблюдается для ряда явлений, чувствительных к иерархии одушевлённости. В качестве примера такого рода из именного домена приведём выражение числа у имён. Известно, что правая часть иерархии одушевлённости в меньшей степени склонна к различению числа: упрощая, можно сказать, что если для какой-то точки иерархии выражается именное число, оно выражается и для каждой точки левее [Corbett 2000]. В том числе граница может проходить между участниками речевого акта и 3 лицом, как это происходит в языке асма (*<*ядерные трансновогвинейские языки), где местоимение третьего лица *a* не различает лицо, а местоимения 1 (*no* 1SG, *na* 1PL) и 2 (*o* 2SG, *ca* 2PL) различают [Voorhoeve 1965: 143].

8. Выводы

Таким образом, казымский хантыйский демонстрирует нетривиальный тип расщепления согласовательной системы. Во-первых, расщепление характерно только для небольшой подсистемы, а именно для согласования в герундивных употреблениях нефинитных форм и миративах, во-вторых, сплит касается только пассивной диатезы. Этот сплит соответствует иерархии признаков: 1, 2 лицо < 3 лицо.

Описанное явление обнаруживает связь между финитностью, залогом и иерархическим упорядочиванием согласовательных признаков и предъясняет теориям согласования головоломку, которую ещё предстоит решить.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; DU — двойственное число; DAT — датив; IMP — императив; LOC — локатив; MOM — моментатив; NFIN — нефинитная форма; NPST — непрошедшее время; NSG — неединственное число; O — объект; PASS — пассив; PL — множественное число; PLAC — плюрациональность; POSS — посессивность; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Список источников / References

- Голосов 2018 — Голосов Ф.В. Миративность под маской эвиденциальности: о семантике некоторых глагольных форм казымского хантыйского. Доклад, представленный на Первой конференции по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам. Памяти А.П. Володина, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 6–8 декабря 2018 г. [Golosov Th. V. Mirativity behind the mask of evidentiality: towards the semantics of several verbal forms in Kazym Khanty. Talk presented at the 1st Conference on Uralic, Altaic, and Paleoasiatic in memoriam of Alexander P. Volodin, ILS RAS, Saint-Petersbourg December 6–8, 2018.]
- Каксин 1994 — Каксин А.Д. Категория наклонения в хантыйском языке (формы и функции). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1994. [Kaksin A. D. Kategorija nakloneniya v xantyjskom jazyke (formy i funkcii) [Mood category in Khanty]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 1994.]
- Калинина 2001 — Калинина Е.Ю. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М.: «Наследие», 2001. [Kalinina E. JU. Nefinitnye skazuemye v nezavisimom predloženii [Non-finite predicates in the independent sentence]. M.: «Nasledie», 2001.]
- Муравьев и др. 2023 — Муравьев Н.А., Михайлов С.К., Маслюков В.Р. Обвиация в Северной Евразии? Данные севернохантыйского языка. Доклад, представленный на Тринадцатой тематической конференции серии «Типология морфосинтаксических параметров», ИЯЗ РАН, Москва, 11–12 октября 2023 г. [Myrav'ev N.A., Mikhailov S.K., Masliukov V.R. Obviation in North Eurasia? Data from Kazym Khanty. Talk presented at the 13th conference in the series “Typology of Morphosyntactic Parameters”, ILI RAS, Moscow, October 11–12, 2023.]
- Aikio 2022 — Aikio A. Proto-Uralic. *The Oxford guide to the Uralic languages*. Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (eds.), Oxford: Oxford University Press, 2022. Pp. 3–27.

- Bikina et al. 2022 — Bikina D., Rakhman D., Potseluev V., Starchenko A., Toldova S. Non-finite constructions in Khanty: Their unity and diversity. *Folia Linguistica*, 56(3), 2022. Pp. 625–665.
- Cheremisinova 2020 — Cheremisinova M. Proprietary attributivizers in Kazym Khanty. *Higher School of Economics Research Paper WP BRP 104/LNG/2020*. 2020. Available at: <https://wp.hse.ru/data/2020/12/17/1358702961/104LNG2020.pdf>.
- Comrie 1978 — Comrie B. Ergativity. *Syntactic Typology: Studies in the Phenomenology of Language*. Lehmann W.P. (ed.), Austin: University of Texas Press, 1978. Pp. 329–394.
- Corbett 2000 — Corbett G.G. *Number*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Croft 2003 — Croft W. 2003. *Typology and universals*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dixon 1979 — Dixon R.M.W. Ergativity. *Language*. Vol. 55. 1979. Pp. 59–138.
- Honti 1984 — Honti L. *Chrestomatia Ostiacica*. Budapest. 1984.
- Mikhailov 2021 — Mikhailov S. *Semantics of the Northern Khanty 2sg possessive and of related and competing markers*. MA thesis. HSE University, 2021.
- Muravyev 2023 — Muravyev N. Passive in Kazym Khanty and the interaction of givenness, topicality and animacy. *Linguistica Uralica*. 2023. Vol. 59. No. 1. Pp. 49–66.
- Nikolaeva 1999 — Nikolaeva I. *Ostyak*. Muenchen; Newcastle: Lincom Europa, 1999.
- Nikolaeva 2001 — Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*. 2001. Vol. 39. No. 1. Pp. 1–50.
- Rédei 1965 — Rédei K. *Northern Ostyak chrestomathy*. Bloomington, Ind.: Indiana University Press. 1965.
- Siewierska 2004 — Siewierska A. 2004. *Person*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Silverstein 1976 — Silverstein M. (1976). Hierarchy of features and ergativity. *Grammatical categories in Australian languages*. Dixon R.M.W. (ed.). Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. Pp. 112–171.
- Toldova et al. 2022 — Toldova S., Starchenko A., Slioussar N. *The mirative construction in Kazym Khanty*. Talk presented at Syntax of Uralic Languages 4, Saint-Petersburg, 7–8 June 2022.
- Voorhoeve 1965 — Voorhoeve C.L. The Flamingo Bay dialect of the Asmat language (Verhandelingen van het Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde 46). 's-Gravenhage: M. Nijhoff, 1965.
- Witzlack-Makarevich, Seržant 2018 — Witzlack-Makarevich A., Seržant I.A. Differential argument marking: Patterns of variation. *Diachrony of differential argument marking*. 2018. Vol. 19. Pp. 1–49.

Статья поступила в редакцию 27.11.2023; одобрена после рецензирования 19.12.2023; принята к публикации 21.12.2023;

The article was received on 27.11.2023; approved after reviewing 19.12.2023; accepted for publication 21.12.2023.

Алексей Миронович Старченко✉

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Aleksey Starchenko✉

HSE University

aleksey-starchenko@mail.ru✉

Светлана Юрьевна Толдова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Svetlana Toldova

PhD; HSE University

toldova@yandex.ru

Типология морфосинтаксических параметров
том 6, выпуск 1

Сайт журнала:

<https://tmp.sc/>

Оригинал-макет: Кс.П. Семёнова

Подписано в печать 27.12.2023.

Формат 21*29.7 см. Гарнитура Charis SIL.

Электронное издание. Объём 149 стр.